

**Международная безопасность
Нераспространение оружия массового уничтожения
Контроль над вооружениями**

**Журнал ПИР-Центра
политических исследований (Россия)**

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

№ 4

Июль – Август 2000

Том 6

Москва

Ядерный Контроль. № 4. Июль – Август 2000

Содержание

Редакционная статья	3
Российская инициатива по ПРО: технологически подкрепленное решение или дипломатическая уловка?	
Горячая тема	4
Владимир Орлов, Роланд Тимербаев. ДНЯО: очередной экзамен сдан успешно. Впереди – новые	
Информация и оценки (по материалам печати)	
В России. Из ядерного и ракетного досье	14
В России. Из досье по химическому оружию	25
В мире	26
Документы	
Совместное заявление президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки о принципах стратегической стабильности	29
Совместное заявление президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки В.В. Путина и У.Д. Клинтона об обращении с оружейным плутонием, заявленным как не являющийся более необходимым для целей обороны, и его утилизации и о сотрудничестве в этой области	30
Анализ	
Уильям Поттер, Николай Соков. Тактическое ядерное оружие: постановка проблемы и некоторые рекомендации	31
Полемика	40
Сергей Брезкун. Ядерное равновесие и стабильность в современном мире	
Обзор	45
Дмитрий Поликанов. Нелегальная торговля вооружениями в Африке и механизмы ее ограничения	
Страницы истории	65
Владимир Медведев. Уроки договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности	
Сообщения	
О конференции ПОНАРС	74
О семинаре «Роль неправительственных организаций и СМИ в освещении проблемы нелегальных трансферов вооружений, подконтрольных товаров и технологий»	74
О семинаре «Проблемы контроля экспорта вооружений, товаров и технологий двойного назначения»	75
О конференции «Безопасность и сотрудничество в Балто-Черноморском регионе: европейский и региональный аспекты»	75
Из редакционной почты	76
Библиотека	82
Новости ПИР-Центра	86
Summary	89
Об авторах	91

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ**Международная безопасность. Нераспространение оружия массового уничтожения.****Контроль над вооружениями.****Журнал ПИР-Центра политических исследований (Россия)****ISSN 1026-9878****№ 4 (52), Том 6****Июль – Август 2000****Издается с ноября 1994 года****Выходит шесть раз в год****Зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати****Свидетельство о регистрации № 017537 от 30 апреля 1998 г.****Редакционная коллегия:**

Дмитрий Евстафьев

Василий Лата

Евгений Маслин

Владимир Орлов

Роланд Тимербаев

Редакция:

Владимир Орлов, главный редактор

Карина Фуралева, помощник главного редактора

Дмитрий Поликанов, редактор английского издания

Иван Сафранчук, обозреватель

Дмитрий Ковчегин, корреспондент

Антон Хлопков, корреспондент

Татьяна Абрамова, корректор

Вячеслав Зайцев – бухгалтерия

Виктор Меримсон – производство

Елена Трофимова – компьютерное обеспечение

Наталья Харченко – распространение

Адрес для писем: Россия, 117454, Москва,а/я 17, редакция *Ядерного Контроля***Телефон редакции:** +7-095-335-1955

(многоканальный)

Факс: +7-503-234-9558**Представительство в Интернет
и электронная версия журнала (сокращенная):**<http://www.pircenter.org>**Электронная почта:**info@pircenter.org (общие запросы)orlov@pircenter.org (письма редактору)safran@pircenter.org (полемика)kovchegin@pircenter.org (информация)library@pircenter.org (библиотека, базы данных и архив)

Распространяется в Москве, Астане, Алма-Ате, Баку, Бишкеке, Вильнюсе, Душанбе, Ереване, Киеве, Минске, Риге, Таллине, Ташкенте, Тбилиси, Архангельске, Брянске, Владивостоке, Волгограде, Вольске, Воронеже, Дзержинском, Дмитровграде, Днепропетровске, Долгопрудном, Дубне, Екатеринбурге, Железногорске, Заречном, Звездном Городке, Зеленогорске, Ижевске, Иркутске, Казани, Камбарке, Кирове, Королеве, Краснообске, Красноярске, Кургане, Лесном, Миассе, Мурманске, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Новоуральске, Обнинске, Одинцово, Озерске, Пензе, Перми, Подольске, Реутове, Санкт-Петербурге, Саратове, Сарове, Северодвинске, Североморске, Северске, Сергиевом Посаде, Снежинске, Твери, Томске, Трехгорном, Химках, Чапаевске, Челябинске, Шиханах, Щучьем, Электростали, Юбилейном, Ярославле, Арлингтоне, Атланте, Афинах, Бирмингеме, Бонне, Бостоне, Брюсселе, Вашингтоне, Вене, Женеве, Иерусалиме, Лондоне, Лос-Аламосе, Кембридже, Монтерее, Нью-Йорке, Осло, Париже, Пекине, Праге, Санта-Монике, Сан-Франциско, Стокгольме, Тель-Авиве, Токио, Франкфурте, Чикаго и Шарлотсвиле

Распространяется **бесплатно** для организаций и лиц в России, профессионально занимающихся проблематикой, освещаемой в журнале. Заявки следует направлять по указанному адресу или факсу на бланке организации. Бесплатная подписка ограничена. **Подписку** можно оформить в редакции за наличный или безналичный расчет. Отдельные номера журнала можно приобрести там же. В розничную продажу не поступает. Тел. для справок: +7-095-335-1955. Subscription overseas (Russian and English editions): please, send requests to Dmitry Polikanov +7-503-234-9558 (fax) or polikanov@pircenter.org.

Тираж: 2000 экз.**Подписано в печать:** 14 июля 2000**Отпечатано в России**

- Материалы «Ядерного Контроля» не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде, иначе как с письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения ПИР-Центра и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществлено благодаря поддержке Фонда Форда, Фонда У. Олтона Джоунса, Фонда Джона Мерка, Фонда Макартуров, Корпорации Карнеги Нью-Йорка, Центра по изучению проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований и др.

Издатель: ПИР-Центр политических исследований

Роланд М. Тимербаев, председатель Совета

Владимир А. Орлов, директор и член Совета

Владимир А. Мау, член Совета

Владимир Ф. Мисюченко, член Совета

Юрий Е. Федоров, член Совета

© ПИР-Центр, 2000

Ядерный Контроль. № 4. Июль – Август 2000

Редакционная статья**РОССИЙСКАЯ ИНИЦИАТИВА ПО ПРО: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИ
ПОДКРЕПЛЕННОЕ РЕШЕНИЕ ИЛИ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ УЛОВКА?**

Июнь 2000 года стал горячим месяцем в диалоге по проблемам ядерного разоружения. В Москве состоялся российско-американский саммит на высшем уровне, накануне которого Владимир Путин выступил с инициативой создания совместной российско-американской системы ПРО. Сразу после переговоров с Биллом Клинтонем, уже будучи с официальным визитом в Италии, российский президент предложил странам Европы (НАТО) организовать совместную систему ПРО. Именно последняя инициатива Россия стала наиболее заметной за все последние годы переговоров по проблемам ПРО/СНВ.

Фоном для сенсационного заявления г-на Путина в Италии стали безрезультатные переговоры двух президентов в Москве, а также отказ США рассматривать всерьез предложение о создании совместной российско-американской системы ПРО.

В самой Европе мнения по поводу российского предложения разделились. Большинство стран, особенно после консультаций их министров обороны с министром обороны США Уильямом Коэном в середине июня в Брюсселе, высказались о российском предложении более чем осторожно. В то же время Греция, член НАТО, вполне позитивно восприняла инициативу Владимира Путина. Правда, у Греции для этого есть свои резоны.

Но проигнорировать или сходу отвергнуть инициативу нового президента России, с которым европейским лидерам соседствовать еще многие годы, никто на континенте не решился. Хотя не исключено, что именно это было одной из целей интенсивных консультаций министра обороны США со своими европейскими коллегами в течение июня.

Что же предложила Россия? В соответствии с разъяснениями министров иностранных дел и обороны речь идет о нестратегической совместной ПРО. Однако пока остаются не ясны технические детали инициативы. Часть экспертов полагает, что речь идет о системе перехвата ракет на активном участке полета, другие считают (и, по всей видимости, справедливо), что за три-пять минут, которые длится активный участок полета ракеты, перехватить ее не возможно не только на основе нынешних технологий, но не будет возможно и в обозримой перспективе. Российские военные и дипломаты не спешат открывать детали своих инициатив, что порождает множество домыслов и интерпретаций. Министр обороны США после встречи с Игорем Сергеевым в Брюсселе прямо сказал, что ему предложение российской стороны остается непонятно. Вызывает оно много вопросов и внутри России. Даже у тех, кто его по должности разъясняет.

Трудно сказать, как рождалась инициатива президента, в каких ведомствах согласовывалась и кем оформлялась. Остается только гадать, какова была задумка президента, его советников и МИДа. Достоверно можно говорить только о том, что получилось. А получилось следующее. Россия внесла нечеткое предложение, которое никто не решился отвергнуть. Значит, его надо разъяснять. США пришлось обсуждать вопросы, которые они обсуждать были не готовы и не хотели. С их точки зрения, направление диалога по ПРО – это модификация договора от 1972 года. А говорить с Россией приходится о нестратегической европейской ПРО. Эта тема теперь закрепились и в повестке дня Постоянного совета Россия–НАТО. Таким образом, России удалось изменить (а может, подменить) повестку российско-американского диалога по ПРО. Тем самым Россия выигрывает время на фоне роста критики в отношении планов администрации Клинтона в самих США. Одновременно Россия втянула в формальный диалог по ПРО союзников США в НАТО, которые раньше осторожно высказывались против американских планов в области ПРО (Франция, Канада, Великобритания), но по большому счету прятались за спину России, отговариваясь тем, что договор по ПРО – это двусторонний договор и решать его судьбу могут только сами Россия и США.

Как дипломатический ход российская инициатива, безусловно, удалась. Но США уже оправились от первого замешательства и заявили, что предложение г-на Путина может обсуждаться, но только не как альтернатива планам США в области создания ограниченной национальной ПРО. Это означает, что США попытаются развести обсуждение двух вопросов и вернуть российско-американский диалог в русло обсуждения модификации договора по ПРО. Противопоставить этому Россия могла бы только конкретные технические детали своей европейской инициативы.

Горячая тема**ДНЯО: ОЧЕРЕДНОЙ ЭКЗАМЕН СДАН УСПЕШНО.
ВПЕРЕДИ – НОВЫЕ**

**Владимир Орлов
Роланд Тимербаев**

Шестая Конференция по рассмотрению Договора о нераспространении ядерного оружия (КР ДНЯО) – и первая после его бессрочного продления в 1995 году – прошла в Нью-Йорке с 24 апреля по 20 мая. В ней приняли участие 157 государств-членов ДНЯО из 187. Из четырех стран, не входящих в договор (Израиль, Индия, Куба и Пакистан), только Куба направила своего наблюдателя. Кроме того, на конференции присутствовали представители 141 исследовательской и неправительственной организации (включая ПИР-Центр).

Несмотря на пессимистические прогнозы, после жестких дебатов по некоторым вопросам – прежде всего по вопросам статьи VI – конференция приняла консенсусом Заключительный документ, который содержит ретроспективный взгляд на выполнение договора, а также оценивает перспективы на будущее, предлагая ряд дальнейших шагов по укреплению международного режима ядерного нераспространения и содействию ядерному разоружению. Таким образом, впервые за последние 15 лет участникам удалось принять итоговый документ. На двух предшествующих форумах такого рода (в 1990 и 1995 годах) стороны не смогли согласовать заключительные документы из-за принципиальных разногласий, прежде всего касавшихся вопроса соблюдения ядерными государствами (ЯОГ) положений статьи VI.

Основные проблемы конференции

Итоги конференции можно без сомнения расценить как успешные. Она смогла дать новый импульс дальнейшим коллективным мерам по поддержанию и укреплению режима нераспространения. Это особенно важно в свете неблагоприятной ситуации, сложившейся в области контроля над вооружениями и ядерного нераспространения за предшествовавшие конференции пять лет. Среди них можно выделить такие, как проведение ядерных испытаний Индией и Пакистаном в 1998 году и упорный отказ этих государств и Израиля присоединиться к ДНЯО, что мешает данному международному соглашению достичь универсальности. Договор о всеобъемлющем запрещении

ядерных испытаний (ДВЗЯИ), открытый для подписания в 1996 году, еще не вступил в силу из-за того, что ряд государств, имеющих ядерный потенциал или возможности для его развития, не подписали и не ратифицировали этот договор. Самым серьезным поражением для этого договора стал отказ Сената США одобрить ДВЗЯИ. Кроме того, замедлился процесс сокращения ядерных вооружений. На Конференции по разоружению (КР) не удалось начать переговоры по выработке договора о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия (ЗПРМ).

В отличие от предыдущей, КР ДНЯО 2000 года не должна была решать вопрос о *выживании и судьбе* договора. В 1995 году ДНЯО был продлен бессрочно. Таким образом, в этот раз над участниками конференции не довлел вопрос: быть или не быть договору; вместо этого они могли сосредоточиться на обсуждении – как сделать ДНЯО наиболее эффективным, имея в виду принятый в 1995 году документ о Принципах и целях ядерного нераспространения и разоружения.

И если основным вопросом Конференции по рассмотрению действия и продлению ДНЯО (КРП ДНЯО) 1995 года был вопрос о *сроках продления*, то основным вопросом этой конференции стал *вопрос о путях и темпах ядерного разоружения*, то есть выполнения участниками договора – главным образом ЯОГ – обязательств по статье VI. Он заметно оттеснил все прочие вопросы – даже такие существенные и традиционно чувствительные, как универсальность договора, а также соблюдение его статьи II (обязательство неядерных государств (НЯОГ) не создавать ядерные взрывные устройства).

Примечательно, что по сравнению с предыдущей конференцией относительно снизился натиск арабских государств по вопросу о присоединении к ДНЯО Израиля, хотя положения решения КРП ДНЯО 1995 года по Ближнему Востоку фактически оказались не выполнены. Конечно, этот вопрос по-прежнему оставался в числе первоочередных, а дебаты вокруг него – как

публичные, так и кулуарные – в числе наиболее острых. И все же проблематика ядерного разоружения оказалась явно доминирующей, во многом из-за широкого спектра государств, которые поднимали вопрос выполнения статьи VI.

Вопрос несоблюдения двумя государствами (Ираком и КНДР) положений ДНЯО также занял определенное место на конференции. Особенно жестко поставили этот вопрос Соединенные Штаты. Ниже мы подробно остановимся на том, как именно *иракская тема* чуть было не сорвала принятие Заключительного документа в тот момент, когда все *разоруженческие* его положения уже были полностью согласованы.

Уже на КРП ДНЯО 1995 года стало ясно, что вопросы статьи IV (мирное использование атомной энергии и согласие ЯОГ оказывать помощь НЯОГ в этом направлении) являются хотя и по-прежнему значимыми и широко обсуждающимися, но не столь острыми. КР ДНЯО 2000 года подтвердила наметившуюся тенденцию. Проблематика статьи IV не стала предметом серьезной полемики в ходе конференции и не рассматривалась в числе центральных.

Вопросы статьи VII – о создании зон, свободных от ядерного оружия (ЗСЯО), – оказались за пределами наиболее активных дебатов, возможно, с учетом того факта, что к настоящему времени уже более 100 государств являются участниками таких зон и таким образом в целом ряде регионов (Латинская Америка, Южная часть Тихого океана, Юго-Восточная Азия, Африка) этот вопрос решен или решается, что называется, *в рабочем порядке*. В то же время мимо участников конференции не могло пройти незамеченным проведение переговоров между государствами Центральной Азии о создании там безъядерной зоны. Кроме того, Белоруссия выступила с напоминанием о своей инициативе сформировать безъядерное пространство в Центральной и Восточной Европе.

Ядерные государства

Накануне конференции одним из главных вопросов, которым задавались аналитики, был следующий: выступят ли на ней ЯОГ, как и раньше, сообщая, отложат ли серьезные разногласия, ставшие особенно заметными в последнее время между Россией и США, между США и Китаем – прежде всего, хотя и не только, в связи с намерением США

развернуть национальную систему противоракетной обороны (НПРО)? Задавались этим вопросом и авторы этой статьи¹.

За несколько дней до начала конференции мы констатировали тот факт, что разногласия по ПРО/НПРО являются тем раздражителем, который заставляет ряд российских правительственных экспертов задаться вопросом накануне конференции по ДНЯО: а стоит ли на этом форуме выступить сообща, с единой позицией с США, другими членами *ядерной пятерки*? Особая позиция Китая по целому спектру вопросов – от ПРО до ЗПРМ – ставит под вопрос саму жизнеспособность такого альянса ЯОГ во время конференции и могла превратить *пятерку* в *четверку*. В этих условиях и ставился вопрос: а надо ли России подключаться к альянсу *ядерной четверки* или же ей стоит, как и Китаю, занять особую позицию. Тем более что, с точки зрения многих государств-участников ДНЯО, такая позиция была бы явно выигрышной? Ведь не секрет, что не только Китай, но даже и ряд государств НАТО с сочувствием относятся к позиции России по вопросам ПРО.

Но делали следующий вывод: хотя соблазн выйти на КР ДНЯО в *белых одеждах* и на удалении от США – велик, однако российским дипломатам следовало бы проявить выдержку и устоять от этого соблазна. Отказ от согласованных действий в рамках *пятерки* превратил бы для России тактический выигрыш в стратегический проигрыш, накренив *весь корабль ДНЯО*, что, в конечном счете, противоречит коренным долгосрочным интересам России².

Нам представляется важным, что в Москве в итоге приняли решение *не раскачивать корабль*. Не менее важным стало то, что практически сходное решение приняли накануне конференции и в Пекине. В результате *ядерная пятерка* выступила на конференции, как и прежде, единым фронтом, что для ряда делегаций и наблюдателей оказалось неожиданным.

Россия, пришедшая на конференцию с солидным багажом успешно выполненных *домашних заданий* (ратификация СНВ-2, ратификация ДВЗЯИ – хотя в обоих случаях, пусть по совершенно различным причинам, не означающая вступления договоров в силу), с первого дня конференции заняла активную и гибкую позицию.

Позиция России была вкратце сформулирована в послании к участникам конференции президента России Владимира Путина: «Россия привержена своим обязательствам в области ядерного разоружения, намерена и далее следовать им в условиях сохранения стратегической стабильности и созданной за последние десятилетия системы разоруженческих договоров как основы для дальнейших сокращений и ограничений стратегических наступательных вооружений»³.

Отметим здесь словосочетание *стратегическая стабильность* – именно оно стало лейтмотивом выступлений в ходе конференции российских делегатов; иногда даже создавалось впечатление, что в частоте применения этого не всем на конференции понятного термина есть некоторый перебор. В ряде же случаев представители Движения неприсоединения (ДН) (в частности, Мексика) прямо говорили о том, что термин этот неприемлем в итоговых документах, так как велик риск, что под предлогом *стратегической стабильности* будет реабилитирован возврат к конфронтации и, возможно, к новой гонке вооружений.

В своем выступлении в начале конференции министр иностранных дел России Игорь Иванов заставил серьезно напрячься американцев, когда детально и без приглашения изложил позицию России по ПРО, резюмировав, что «соблюдение Договора по ПРО в его нынешнем *виде без каких-либо модификаций*» является «*необходимым условием* продолжения переговоров по ядерному разоружению в соответствии со статьей VI договора о нераспространении» [курсив наш – Авт.]⁴.

Не Ирак или Северная Корея, а Соединенные Штаты были единственной страной, названной по имени в выступлении российского министра – названной со знаком минус, в контексте намерения развернуть НПРО. В выступлении Игоря Иванова нашлось место и такому обобщению: «[...] Опасность представляет тенденция к расшатыванию существующей системы стратегической стабильности, попытки строить национальную безопасность в ущерб интересам других государств, а тем более присвоить себе право применять силу в нарушение основополагающих принципов Устава ООН и международного права. Это, по сути, прямое приглашение к новой гонке вооружений на планете»⁵.

Казалось бы, после такого зачина следовало ожидать, что вопросы ПРО окажутся, по крайней мере, одним из центров внимания участников конференции. Казалось также, что – особенно принимая во внимание настроения целого ряда европейских делегаций (среди прочих, французской, швейцарской, ирландской), а также канадской и китайской – российская критика в адрес США по вопросу ПРО будет поддержана.

Однако этого не произошло.

По свидетельству российского участника конференции, американцы *немножко обиделись* на выступление российского министра, поскольку «тема НПРО для них чрезвычайно болезненная». В то же время уже к моменту выступления Игоря Иванова обе стороны знали, что не станут *выносить сор из избы*. Было условлено, что КР ДНЯО – не тот форум, на котором следует решать двусторонние вопросы – а вопрос ПРО именно к таковым, по мнению и России, и США, относится. Более того, этот вопрос условились не выпячивать даже в дискуссиях в рамках *ядерной пятерки*. Таким образом, выступление российского министра стало лишь очередным изложением официальной российской позиции и демонстрацией ее непоколебимости. В то же время никаких дальнейших дипломатических усилий по *развитию наступления* не последовало. Просто потому, что такое наступление не стояло в планах. Такая позиция России вызвала определенное разочарование у ряда делегаций и особенно у представителей западных неправительственных организаций, которые рассчитывали, что именно наступательность России в ходе конференции сможет заставить США пересмотреть свои планы в отношении НПРО.

В результате вопросы ПРО не только не стали центральными, а ушли на периферию обсуждения. Как написала директор Института *Акроним* Ребекка Джонсон (Rebecca Johnson) в одном из ежедневных бюллетеней, выходявших в ходе конференции, «[...] отсутствие дебатов вокруг противоракетной обороны на КР ДНЯО – весьма тревожный симптом. Это сигнал для Вашингтона о том, что, несмотря на риторику по поводу своей озабоченности, Китай и Россию можно купить, а больше ни у кого нет политической воли бросить вызов США и обсудить этот вопрос в контексте режима нераспространения»⁶.

Ядерная пятерка, по крайней мере на время конференции, предпочла солидарность публичным пикировкам.

Важным и, как нам представляется, позитивным вкладом в работу конференции стало сделанное 1 мая согласованное заявление делегаций пяти ЯОГ (Великобритании, Китая, России, США и Франции). В заявлении, среди прочего, приветствуется ратификация ДВЗЯИ Российской Федерацией и говорится о том, что «ни одна из наших ядерных ракет не нацелена ни на какое другое государство». Кроме того, там отмечается, что «ратификация Российской Федерацией СНВ-2 является важным шагом в усилиях по сокращению стратегических наступательных вооружений, и мы приветствуем это. На первое место сейчас выходит завершение процесса ратификации СНВ-2 Соединенными Штатами Америки. Мы стремимся как можно скорее заключить СНВ-3 при одновременном сохранении и укреплении Договора об ограничении систем противоракетной обороны в качестве краеугольного камня стратегической стабильности и основы для дальнейшего сокращения стратегических наступательных вооружений в соответствии с его положениями»⁷.

Пожалуй, в словосочетании *сохранение и укрепление (preserving and strengthening)* и был заложен главный смысл: американцы признают необходимость сохранения договора по ПРО, а Россия и Китай принимают тезис о возможности его *укрепления* – туманное слово, которое может равно означать и модификацию, и косметические изменения и которое как раз оказалось кстати, чтобы вынести спорный вопрос за рамки конференции.

В заявлении пяти членов *ядерного клуба* подчеркивается также важность Дополнительного протокола МАГАТЭ о гарантиях, подписанного всеми ЯОГ, а также поддерживается необходимость повышения транспарентности системы контроля над ядерным экспортом.

Новые игроки

Особенностью данной конференции стала активная роль, сыгранная государствами Коалиции за новую повестку дня (КНПД), в которую входят Бразилия, Египет, Ирландия, Мексика, Новая Зеландия, ЮАР и Швеция. Именно им удалось добиться принятия ЯОГ недвусмысленных обязательств и конкретных

мер по ядерному разоружению. Это позволило главе ирландской делегации заявить, что «повесткой дня Конференции [...] стала повестка дня, предложенная Коалицией»⁸.

Динамизм и решительность, с которой повела себя на конференции КНПД, оказались неожиданностью для ЯОГ, в том числе и для России.

Что не стало неожиданностью, так это заметное понижение роли ДН. Потеря лидерства была обусловлена поражением линии ДН в ходе КРП ДНЯО 1995 года. Тогда же произошла фактическая фрагментация движения.

На нынешней конференции практически все ключевые вопросы, особенно из *разоруженческой* части повестки дня, решались в кулуарах между делегатами ЯОГ и КНПД. ДН из этого диалога оказалась практически выключена. И хотя ошибочно было бы считать, что успешный результат конференции стал возможен исключительно благодаря договоренностям между *старой пятеркой* и *новой семеркой*, все же в значительной степени именно эта дюжина государств, а также Канада обеспечили компромиссную выработку и затем консенсусное принятие Заключительного документа.

Ряд государств, которые, как ожидалось накануне конференции, могли бы серьезно повлиять на ход и акценты дискуссии, на самом деле остались в тени. Так, японская делегация – самая многочисленная, несмотря на внушительный объем домашних заготовок, вела себя в Нью-Йорке достаточно вяло. Ушла от политики жесткости и настойчивости, характерной для ее поведения в 1995 году, Малайзия.

Разоружение

В Заключительном документе ЯОГ заявили о «недвусмысленном обязательстве [...] осуществить полную ликвидацию своих ядерных арсеналов для достижения ядерного разоружения, делу которого привержены все государства согласно статье VI». В то же время предложения некоторых государств из ДН об установлении конкретных сроков ядерного разоружения приняты не были. Государства-участники ДНЯО подчеркнули необходимость скорейшего вступления в силу ДВЗЯИ и скорейшего начала переговоров по ЗПРМ, которые застопорились на КР. Поддерживая идею добросовестного и

полного выполнения СНВ-2, недавно ратифицированного Государственной Думой России, участники конференции призвали США и РФ добиться заключения СНВ-3. НЯОГ выразили свою озабоченность тем, что ЯОГ всерьез не воспринимают свои обязательства по ядерному разоружению, что затрудняет прогресс в этой области. В этой связи ими был выдвинут ряд важных инициатив, которые необходимо осуществить в течение следующих пяти лет в дополнение к двусторонним шагам по сокращению стратегических вооружений, которые предпринимаются сейчас. Согласно программе действий, которая содержится в договоренностях о дальнейших мерах в этой сфере, ЯОГ принимают на себя следующие обязательства:

- предпринимать дальнейшие односторонние усилия по сокращению своих ядерных арсеналов. С 1991 года США, Россия, Великобритания и Франция сделали ряд серьезных шагов по одностороннему ядерному разоружению, сократив количество имеющегося у них тактического и стратегического ядерного оружия. Односторонние меры способны сыграть важную роль, когда двусторонние и многосторонние переговоры заходят в тупик. Кроме того, односторонние меры могут являться хорошим дополнением к существующим соглашениям по разоружению;
- обеспечивать большой обмен информацией о ядерных возможностях друг друга и о ходе выполнения соглашений по разоружению. Как отмечалось на конференции, Великобритания, Россия и США уже несколько продвинулись в направлении большей транспарентности, что является первым шагом к повышению эффективности проверок, однако Франция и особенно Китай не намерены раскрывать такого рода информацию;
- сокращать арсенал нестратегических ядерных вооружений. На конференции обращалось внимание на то, что Россия продолжает обладать большим количеством тактического ядерного оружия (ТЯО); Вашингтон также сохраняет ТЯО в своем арсенале, причем 150–200 тактических бомб по-прежнему находятся за пределами США на территории семи стран НАТО в Европе;
- осуществлять конкретные меры по дальнейшему снижению состояния оперативной готовности ядерного оружия. ДН и КНПД оказывали давление на ЯОГ с целью заставить последних снять с боевого дежурства свои ядерные вооружения, деактивировать их и отстыковать ядерные боеголовки от носителей, обеспечив их отдельное складирование в удаленных от средств доставки местах. В упоминавшемся выше заявлении от 1 мая пять ЯОГ впервые отметили, что их ядерные вооружения не нацелены против кого-либо. Теперь же ЯОГ обязались предпринять дальнейшие шаги в этом направлении;
- уменьшать роль ядерного оружия в обеспечении безопасности. На этой конференции НЯОГ вновь и вновь поднимали вопрос о том, что ЯОГ, входящие в НАТО, и Россия продолжают придерживаться политики сдерживания, основанной на возможности нанесения ядерного удара первым. Не меньшую обеспокоенность вызывает и концепция расширенного использования ядерного оружия в ответ на угрозу применения или применения химических и биологических вооружений другими странами, хотя оба эти вида оружия массового уничтожения (ОМУ) запрещены;
- включиться как можно скорее в переговорный процесс по сокращению ядерных вооружений и разоружению. В настоящее время Великобритания, Китай и Франция занимают пассивные позиции, ожидая, пока Россия и США предпримут более глубокие количественные сокращения своих ядерных арсеналов, чтобы лишь после этого подключиться к процессу сокращения и ликвидации стратегических вооружений.

Более того, программа дальнейших мер в области ядерного разоружения предусматривает мораторий на проведение ядерных испытаний до вступления в силу ДВЗЯИ. В ней также подчеркивается *принцип необратимости* контроля над ядерными вооружениями. Это особенно важно, учитывая современную тенденцию среди ряда ЯОГ на переработку плутония, высокообогащенного урана и других компонентов демонтируемых ядерных вооружений с целью их будущего использования в производстве новых или модернизированных ядерных боеголовок.

Такой результат был достигнут во многом благодаря гибкости, проявленной делегацией России. Последняя неделя конференции началась под знаком нараставшего пессимизма. Многие участники конференции считали, что она заходит в тупик в вопросах статьи VI. В то время как государства КНПД проявляли недюжинную настойчивость, ЯОГ заняли круговую оборону. Россия, которая пришла на конференцию с ратифицированными СНВ-2 и ДВЗЯИ, а также с предложениями о сокращении стратегических ядерных арсеналов до уровня 1500 боеголовок для себя и для США, в какой-то момент вдруг оказалась в положении чуть ли не главной обвиняемой в том, что процесс разоружения стопорится. Ей припомнили и новую военную доктрину, и ссылки на *стратегическую стабильность*, и наличие значительных и нетранспарентных арсеналов субстратегического ядерного оружия. Так, по вопросу о ТЯО неожиданно широким фронтом выступили самые различные государства – от Киргизии до Финляндии, и число их перевалило за три десятка. Для стороннего наблюдателя могло даже создаться впечатление, что это именно Россия начинает тормозить конструктивную выработку итогового документа.

Но за два дня до окончания конференции Россия, неожиданно для других ЯОГ, вдруг заявила, что согласна на весь разоруженческий пакет, разработанный в основном государствами КНПД. Это вызвало прилив энтузиазма у делегатов. Сразу возникло ощущение, что стал виден *свет в конце туннеля* под названием «конференция по рассмотрению ДНЯО».

Настала очередь Китая.

Китай, в конце концов, одобрил текст по транспарентности, который являлся одной из основ соглашения по дальнейшим мерам в области ядерного разоружения (согласно пункту 4(с) решения КРП ДНЯО 1995 года о Принципах и целях). Это позволило разблокировать переговоры по мерам, касающимся рассмотрения усилий ЯОГ в области ядерного разоружения.

Компромиссная позиция Китая и КНПД обеспечили принятие конференцией разделов документа, касающихся ядерного разоружения.

В то же время следует иметь в виду, что, не разрушив консенсус ЯОГ и общий консенсус

при принятии Заключительного документа, Китай фактически отмежевался от него сразу после принятия. В последовавшем выступлении китайского делегата ясно прозвучала мысль о том, что для Китая вопросы, связанные с транспарентностью, слишком важны и чувствительны, чтобы он был как-то связанным Заключительным документом. Кроме того, Китай в резких выражениях осудил то, что «Заключительный документ оказался оторван от контекста международной обстановки». Начав с НПРО, «которая может разрушить Договор по ПРО», китайский делегат перечислил как достойную осуждения «политику вмешательства во внутренние дела других стран», «политику ядерного зонтика» и «политику разделения ядерной ответственности» (nuclear sharing). Наконец, стало ясно, что Китай ни на йоту не изменил своей позиции по увязке начала переговоров по выработке ЗПРМ с формированием на Конференции по разоружению комитета по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве, считая, что «предотвращение милитаризации космического пространства является более неотложной задачей, чем ЗПРМ».

Можно предполагать, что Россия будет поддерживать эту позицию Китая. Приходилось слышать и высказывания в том духе, что если требование Китая и дальше будет отклоняться Соединенными Штатами, дни КР будут сочтены.

Безъядерные зоны

Государства Центральной Азии в связи с сохраняющимися расхождениями не успели сделать подарок этой конференции в виде провозглашения новой ЗСЯО. Однако в Заключительном документе все же отмечается «существенный прогресс», достигнутый центрально-азиатской пятеркой в переговорах по выработке такого договора.

В то же время конференция, по сути, проигнорировала настойчивые предложения Белоруссии по включению в Заключительный документ хотя бы какого-либо конкретного упоминания об инициативе этой страны по созданию безъядерного пространства в Центральной и Восточной Европе. Хотя уже изначальная позиция Белоруссии в ходе конференции – «не открывать заново дебаты о своей инициативе, а лишь продемонстрировать свое видение движения в сторону безъядерного мира» – была подчеркнута скромной⁹, даже и в этом виде

она встретила решительное неприятие таких государств, как Польша. Призыв Белоруссии ко всем заинтересованным сторонам «начать широкий диалог по этой инициативе, который мог бы стать отправной точкой в деле создания безъядерного и безопасного мира», был, по сути, заблокирован.

Досадно, что предложение, которое полностью соответствует духу ДНЯО, было практически отвергнуто даже без должных разъяснений со стороны центрально- и восточноевропейских государств, к которым оно прежде всего было обращено. Досадно и то, что КР ДНЯО прошла мимо этой важной инициативы, хотя бы – как минимум – в качестве констатации наличия такого предложения. Белоруссия могла бы в последний момент встать на пути широкого консенсуса при окончательной шлифовке Заключительного документа и добиваться включения упоминания, в той или иной форме, своего предложения; но она предпочла не делать этого.

Прошел мимо Заключительного документа (и практически не нашел отражения в дискуссии на конференции) призыв России и Китая к ЯОГ не размещать ядерное оружие за пределами их национальных территорий¹⁰. Соединенные Штаты в кулуарах заявили коллегам по *ядерной пятёрке*, что это тема, с их точки зрения, вообще не может рассматриваться как предмет для обсуждения.

Универсальность

Вопросы всеобщего членства в ДНЯО оказались, как уже было сказано, на втором плане.

Заключительный документ призывает Индию и Пакистан присоединиться к ДНЯО в качестве НЯОГ, а также подписать ДВЗЯИ, принять участие в выработке ЗПРМ и укрепить меры национального экспортного контроля.

Однако не случайно именно во время проведения этой конференции в Нью-Йорке из Дели прозвучало официальное заявление с тем, что Индия готова выполнять все требования политики ядерного нераспространения «в качестве государства-обладателя ядерного оружия». В завершающие дни конференции среди ряда делегаций усиленно ходили слухи о готовящейся серии ядерных испытаний в Южной Азии – обоими государствами или же только Пакистаном. Проведение этих испытаний (даже если бы за

ними последовало, если верить тем же слухам, подписание Индией и Пакистаном ДВЗЯИ – так называемый *вариант Ширака*) нанесло бы непоправимый удар по престижу конференции.

Индия как бы оказалась под огнем критики – и вне критики одновременно. Многие наблюдатели обратили внимание на то, что некоторые влиятельные участники договора смотрят на Индию как уже на негласного члена *ядерного клуба* и лишь для вида призывают Индию присоединиться к ДНЯО в качестве НЯОГ, на деле же признавая *сложившиеся реалии*. Не прошло незамеченным и стремление ряда государств, прежде всего Франции и России, подчеркнуть свое благорасположение к Индии, рассчитывая развить с ней ядерное сотрудничество.

Заключительный документ шесть раз упоминает Израиль как государство, не являющееся участником ДНЯО и которое должно как можно скорее к договору присоединиться, а также поставить всю свою ядерную деятельность под гарантии МАГАТЭ. В одном месте Израиль даже назван как «единственное государство» региона Ближнего Востока, не присоединившееся к договору.

Уже сам факт упоминания Израиля рассматривается как серьезная уступка со стороны Соединенных Штатов. В то же время, как увидим ниже, США стремились сделать эту уступку разменной монетой в *иракском вопросе*.

Куба, хотя и не являющаяся участником ДНЯО, рассматривалась многими в ходе конференции скорее как пример для подражания (для оставшихся неучастников договора), нежели как заслуживающий порицания изгой. Решение Кубы подписать Дополнительный протокол МАГАТЭ было встречено позитивно.

На конференции было распространено письмо постоянного представителя Кубы при ООН, где подробно разъяснялась позиция его страны в отношении ДНЯО. Куба считает положения ДНЯО «дискриминационными» и «избирательными». Куба возмущена упреками в свой адрес со стороны США в связи с нечленством в ДНЯО и называет их «лицемерными», так как это именно США «относятся к основным нарушителям

основных положений Договора, таких, как статья VI»¹¹.

Ряд делегаций, а также представителей неправительственных организаций отнесли к аргументации Кубы весьма сочувственно.

Несоблюдение положений договора

К одним из основных требований Соединенных Штатов по выработке Заключительного документа относилось осуждение двух нарушителей ДНЯО – Северной Кореи и Ирака.

По КНДР в Заключительном документе записано, что конференция «с озабоченностью замечает», что КНДР, являясь участником ДНЯО, не обеспечивает для МАГАТЭ возможности проверить правильность и полноту изначального заявления о наличии ядерных материалов, в результате чего нельзя сделать вывода об отсутствии переключения ядерного материала на военные цели.

Это положение не встретило возражений, прежде всего потому, что делегация КНДР на конференции отсутствовала.

В то же время дискуссия вокруг формулировок по Ираку чуть было не привела к патовой ситуации и срыву конференции.

В заключительные часы работы конференции усилились разногласия между США и Ираком, от решения которых непосредственно зависел успех КР ДНЯО. Проблема состояла в формулировках нескольких абзацев в проекте решения конференции, касающегося региональных вопросов. Из-за отказа США напрямую встретиться с иракской делегацией председателю конференции Абдалле Баали (Abdallah Baali) пришлось обратиться за посреднической помощью к руководителю канадской делегации Кристоферу Вестдалу (Christopher W. Westdal). Последний был вынужден заняться *челночной дипломатией*, переходя из комнаты в комнату и доводя до сторон предложения друг друга.

В какой-то момент в ночь с 19 на 20 мая делегаты ряда государств, включая Россию, стали полагать, что конференция может закончиться провалом. Соответствующие телеграммы были посланы в столицы.

Понимая необходимость констатации несоблюдения Ираком резолюции Совета безопасности ООН 687, многие делегации в то же время считали, что, с юридической точки

зрения, позиция США выглядит уязвимой. Так, Россия и Китай поддержали Ирак. Российские переговорщики отклонили просьбы звонить в Москву и просить Игоря Иванова воздействовать на своего иракского коллегу. Близкую позицию заняла Франция.

После того, как работа конференции плавно вышла за установленные временные рамки и была продолжена 20 мая, делегация США начала проявлять обеспокоенность слухами о том, что Вашингтон, возможно, планировал провал конференции и стремился не допустить скорейшего заключения соглашений по разоружению; что США, якобы, были поражены конструктивностью позиции России и Китая в области разоружения и пытались теперь использовать Ирак в качестве *козла отпущения* для срыва форума. Озабоченность вызывало и желание США использовать невыполнение Ираком условий ДНЯО в качестве противовеса аргументам Египта о необходимости осудить Израиль за неприсоединение к договору. Оба эти положения были одинаково важны, но попытки США увязать их между собой не были поддержаны участниками конференции. Наконец, после вмешательства руководства госдепартамента США, американская делегация согласилась на формулировки, которые Ирак также был готов одобрить, а именно: были приняты во внимание результаты недавних инспекций МАГАТЭ и признавалось, что «после завершения работы инспекций МАГАТЭ в Ираке 16 декабря 1998 года» Агентство «не имело возможности предоставить доказательства добросовестного выполнения Ираком резолюций Совета безопасности ООН 687». При этом к удовлетворению иракской делегации, не упоминалась последняя резолюция Совета безопасности ООН, принятая в декабре 1999 года.

Итоги

Этот компромисс привел к бурной активизации деятельности по разрешению других не менее важных вопросов, включая экспортный контроль, гарантии МАГАТЭ, консультативное заключение Международного Суда от 1996 года (упоминавшееся в тексте лишь по названию) и слегка измененные положения, направленные против Израиля, Индии и Пакистана.

К 17.00 субботы 20 мая Заключительный документ был принят консенсусом. Он объединил в себе отчеты трех главных комитетов и двух вспомогательных органов, а

также проект документа председателя конференции о «дальнейшем повышении эффективности процесса рассмотрения действия ДНЯО». Вслед за утверждением документа последовали около 20 выступлений государств-участников, и в некоторых из них содержались оговорки к только что утвержденным текстам.

После долгих дебатов председатель конференции – алжирский посол Абдалла Баали – констатировал завершение форума, объявив о принятии Заключительного документа, содержащего общие для государств-участников взгляды на цели и задачи в области ядерного разоружения и нераспространения. Несмотря на то, что конференция закончилась почти на сутки позже запланированного срока и после серии заседаний, растянувшихся до поздней ночи, все вздохнули с облегчением, когда первая после бессрочного продления договора КР ДНЯО закончилась столь удачно.

Выработав итоговый документ, КР ДНЯО показала, что мировое сообщество глубоко и искренне заинтересовано в сохранении режима ядерного нераспространения как одного из краеугольных камней международной стабильности. Прогнозы экспертов о том, что конференция не сможет достичь согласия относительно заключительной декларации, а некоторые государства-участники ДНЯО могут выйти из договора, не оправдались. По мнению многих наблюдателей, общая атмосфера конференции отличалась конструктивностью, хотя, как и ожидалось, между участниками существовали серьезные разногласия по многим вопросам.

Помимо оценки хода выполнения договора за последние пять лет, конференция приняла важное соглашение по дальнейшим практическим мерам в области ядерного разоружения, которые были согласованы ЯОГ и КНПД.

По мнению представителя российской делегации, «Конференция должна рассматриваться как безусловно успешная – прежде всего потому, что был принят Заключительный документ, на который, честно говоря, никто не рассчитывал. Этот документ сбалансирован и отвечает интересам всех членов ДНЯО. Ядерным государствам надо понимать, что им предстоит непростая работа, потому что в результате Конференции вопрос о будущем ядерного оружия, о разоружении встал в новом измерении. От

новой постановки вопроса нельзя отмахиваться».

Успехи КР ДНЯО 2000 года кажутся еще более впечатляющими, поскольку они имели место в момент, когда процесс разоружения зашел в тупик, когда между некоторыми ЯОГ возникли глубокие политические разногласия. Главным из них стал вопрос развертывания американской национальной системы НПРО, которая способна подрвать договор по ПРО.

Тем не менее, хотя соглашения по разоружению могут рассматриваться как серьезный прорыв, они должны прежде всего соотноситься с тем, что прошло мимо конференции. С политической точки зрения, была упущена возможность привлечь внимание к тем угрозам режиму нераспространения, которые несет с собой американский план развертывания национальной системы ПРО. Кроме того, форуму не удалось в жесткой форме донести до КР в Женеве идею немедленного начала переговоров по ЗПРМ и скорейшего заключения соответствующего соглашения. Оба эти вопроса имеют большое значение для НЯОГ и некоторых ЯОГ, но решение этих проблем было заморожено из-за позиции ЯОГ, согласившихся с требованием Китая увязать переговоры по ЗПРМ с программой работы КР. По мнению КНР, такая программа должна включать специальный комитет или рабочую группу по «предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве», необходимость создания которой отрицали в Женеве лишь США. Китай, в свою очередь, взамен на эту уступку открыто не возражал против планов США по НПРО (за исключением оговорки, сделанной после принятия Заключительного документа).

Итоговый документ содержит призыв к Индии и Пакистану последовать резолюции Совета безопасности ООН 1172, принятой после проведения этими двумя государствами ядерных испытаний в 1998 году. Не менее важным является и требование о создании зоны, свободной от ОМУ, на Ближнем Востоке, причем документ называет Израиль в числе четырех оставшихся стран (Индия, Израиль, Пакистан и Куба), которые должны как можно скорее присоединиться к ДНЯО в качестве НЯОГ. В то же время в Заключительном документе отсутствует предложение Белоруссии об обсуждении возможности создания безъядерного пространства в Центральной и Восточной Европе. Это произошло, как уже отмечалось, в

результате решительного противодействия Польши, ряда других государств НАТО.

Работа комитета, занимающегося экспортным контролем над ядерными материалами и технологиями, оказалась малорезультативной. Тем не менее конференция подтвердила обязательства 1995 года по тому, чтобы сделать полноохватные гарантии непременным условием поставок ядерных технологий и материалов, несмотря на позицию Китая, вновь сделавшего оговорки относительно такого рода гарантий.

Нью-Йорк – Москва

Документы конференции будут опубликованы в следующем номере

¹См.: Орлов Владимир, Тимербаев Роланд. Нужна ли РФ особая позиция на Конференции в Нью-Йорке. *Независимая Газета*, 20 апреля 2000, с.4; Orlov Vladimir, Timerbaev Roland. Concerted Effort Needed on Nonproliferation. *Moscow Times*. 19 April 2000, p.9

²Орлов Владимир, Тимербаев Роланд. Нужна ли РФ особая позиция на Конференции в Нью-Йорке. *Независимая Газета*, 20 апреля 2000, с.4

³Цит. по: Выступление министра иностранных дел Российской Федерации

И.С. Иванова на Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия. Нью-Йорк, 25 апреля 2000 года.

⁴Там же

⁵Там же

⁶Johnson Rebecca. Sixth NPT Review Conference. Briefing # 13. 14 May 2000, p.2

⁷Письмо представителей Китайской Народной Республики, Российской Федерации, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатов Америки и Франции от 1 мая 2000 года на имя председателя Конференции 2000 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора. NPT/Conf.2000/21, 1 May 2000, pp.3, 4 (Russian).

⁸Leopold Evelyn. Nuclear Meeting Deadlocked on Iraq Controversy. *Reuters*, 19 May 2000

⁹См.: Nuclear-Weapon-Free Zones. Working paper submitted by Belarus.

¹⁰См.: Working paper submitted by China. 1 May 2000. NPT/Conf.2000/MC.I/WP.2, p.2

¹¹Letter drafted 8 May 2000 from the Permanent Mission of Cuba to the United Nations addresses to the Secretary-General of the 2000 NPT Review Conference. NPT/Conf.2000/24. 9 May 2000, p.3

Вышли в свет в апреле – июне 2000 года

- *Ядерный Контроль*. Том 6, №3. Май–Июнь 2000. В номере: Евгений Зведре «Российско-американский диалог по нераспространению: иранский фактор и взаимодействие в экспортном контроле», Григорий Рапота: «Всеми вопросами регулирования ВТС должен заниматься Минторг», Анатолий Шевцов «Договор об ограничении систем противоракетной обороны: основа стратегической стабильности или яблоко раздора?», Андрей Ефимов «Новые вызовы международному режиму нераспространения и Группа ядерных поставщиков», Джонатан Бенджамин-Альваро «Демонизация Кубы: что делать?», Виктор Воронов «СНВ-3: проблемы равной безопасности (о рамочных соглашениях к будущему договору)», Вадим Козюлин «Россия–Сирия: военно-технический торг». Цена 1400 руб.

(См. также с.28, 64)

Информация и оценки (по материалам печати)

Ниже приведены выборочные материалы российской печати из «ядерного и ракетного досье», а также из «досье по химическому оружию» ПИР-Центра, опубликованные в апреле–июне 2000 года. Редакция Ядерного Контроля приводит фрагменты из статей дословно или в пересказе, предлагает точки зрения различных изданий и не комментирует их. Размещение материалов в данном разделе не означает, что редакция разделяет ту или иную из них.

В РОССИИ

ИЗ ЯДЕРНОГО И РАКЕТНОГО ДОСЬЕ

• Президент РФ

Назначения

18 мая президент России своими указами назначил:

Игоря **Сергеева** министром обороны Российской Федерации;

Владимира **Рушайло** министром внутренних дел Российской Федерации;

Игоря **Иванова** министром иностранных дел Российской Федерации;

Николая **Патрушева** директором Федеральной службы безопасности Российской Федерации;

Евгения **Адамова** министром Российской Федерации по атомной энергии;

Александра **Дондукова** министром промышленности, науки и технологий;

Владимира **Матюхина** генеральным директором Федерального агентства правительственной связи и информации. (Пресс-служба президента Российской Федерации. 18 мая 2000.)

Предложено снять оговорки к протоколу о химическом оружии

Президент России Владимир **Путин** внес в Государственную Думу проект федерального закона «О снятии оговорок к протоколу о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств от 17 июня 1925 года». Об этом 22 мая сообщила пресс-служба главы государства. Как подчеркивается в представлении, с учетом того, что Россия является участницей Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1972 года и Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении 1993 года, снятие оговорок к протоколу не вносит изменений в объем международных обязательств РФ в указанных областях. (Путин предлагает

исправить протокол о химическом оружии. *Независимая Газета*. 23 мая 2000.)

• Совет безопасности РФ

Квашнин назначен членом Совета безопасности

Президент России Владимир **Путин** подписал указ о назначении членом Совета безопасности РФ Анатолия **Квашнина**, начальника Генштаба Вооруженных сил страны, первого заместителя министра обороны РФ. Таким образом, в СБ теперь два представителя министерства обороны – маршал Игорь **Сергеев** входит в него уже давно. (Квашнин назначен членом Совбеза. *Независимое Военное Обозрение*, №21. 16 июня 2000.)

• Государственная Дума РФ

Госдума РФ ратифицировала Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний

21 апреля Госдума РФ ратифицировала Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). За ратификацию проголосовало 298 человек при необходимом минимуме в 226, против 74 и трое воздержались. ДВЗЯИ подписан 155 странами и ратифицирован 57 странами, в том числе двумя ядерными – Великобританией и Францией. Не подписали договор Индия, Пакистан и КНДР. Ратификация ДВЗЯИ находится в стадии рассмотрения Китаем. Сенат США 13 октября 1999 года воздержался от ратификации ДВЗЯИ. Госдума призвала государства, не подписавшие или не ратифицировавшие договор, сделать это в кратчайшие сроки. В постановлении Госдумы выражена обеспокоенность по поводу отказа Сената США ратифицировать ДВЗЯИ. «Нет уверенности, что за этим решением не стоит стремление модернизировать ядерные вооружения США, а также намерение использовать ядерные компоненты для создания дестабилизирующих систем противоракетной обороны», – подчеркивается

в постановлении Государственной Думы. (Госдума ратифицировала Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. *Интерфакс*. 21 апреля 2000.)

- **В Минатоме**

Перспективы развития атомной энергетики в России

Долю атомной энергетики в общем объеме производства электроэнергии в РФ в перспективе планируется увеличить с нынешних 14% до 20–25%. Об этом заявил руководитель департамента стратегии развития РАО *ЕЭС России* Юрий **Кучеров** на заседании координационного совета Российской академии наук, посвященном перспективам развития электроэнергетики. Г-н Кучеров отметил, что увеличение доли атомной энергии вызвано сокращением поставок газа *Газпромом* (в 2000 году поставки газа будут сокращены на 20 млрд кубометров). (Алексей Иванов. *ЕЭС России* воспользуется энергией атома. *Коммерсант*. 16 мая 2000.)

25 мая правительство одобрило стратегию развития атомной энергетики России в первой половине XXI века. Подробности прописаны пока до 2010 года. Суть – переход от *газоориентированной* политики к *атомноориентированной*.

Минатом предлагает свою стратегию развития отрасли, исходя из того, что сокращение удельной доли газа неизбежно сократится. *Во-первых*, ставка на газодобычу экономически невыгодна (и чем дальше на Восток месторождения – тем невыгоднее), экологически вредна и т.д., *во-вторых* – запасы газа неизбежно будут сокращаться. Предлагаемый выход – переход на ядерную энергию. В материалах, подготовленных Минатомом, учтено, что общество психологически не вполне адекватно воспринимает *ядерную тематику* – прежде всего в свете *чернобыльского синдрома*. Минатом же предлагает разделять в данном случае вопросы безопасности и проблемы сугубо экономические – топливно-энергетический комплекс с акцентом на нефть и газ объективно испытывает инвестиционный и структурный кризис.

Однако и у ядерщиков сегодня нет денег на достройку новых энергоблоков и должное поддержание уже действующих. На ближайшие 10 лет нужно 12 млрд долл. Деньги на инвестиции предлагается брать в том числе

за счет повышения тарифов, предоставления госгарантий под проекты достройки блоков. Госбюджету предлагается «непосредственно участвовать в инвестиционной программе». Атомщики хотят создать целевой внебюджетный инвестиционный фонд.

Так или иначе, но Минатом уже в обозримом будущем вполне может превратиться в структуру, равную по экономическому и политическому влиянию РАО *ЕЭС России*, *Газпрому* или МПС. Такая подвижка внутри российской элиты станет *побочным* эффектом объективных процессов, происходящих внутри энергетического комплекса. Обществу же, в свою очередь, придется пересмотреть некоторые в запальчивости сформированные ранее стереотипы воззрений на *мирный атом*. (Георгий Бовт, Валерий Волков, Семен Новопрудский, Мария Игнатова. Девять дней 2010 года. *Известия*. 27 мая 2000.)

Возможная реструктуризация ядерной отрасли

В ближайшее время правительству предстоит решить, будет ли создана атомная суперкорпорация и кто будет распоряжаться двумя миллиардами долларов в год, получаемыми от реализации продукции.

После утверждения Евгения **Адамова** министром РФ по атомной энергии в новом правительстве внутриминистерские перемещения если и ожидались, то не сенсационные. Но так не получилось: 25 мая досрочно были прекращены полномочия президента ОАО ТВЭЛ Виталия **Коновалова**.

Значение этого события было оценено в Минатоме, потому что стопроцентно государственное ОАО ТВЭЛ является единственным уполномоченным поставщиком свежего ядерного топлива (СЯТ).

Обладая большим личным авторитетом среди атомщиков, г-н Коновалов твердо держал бразды правления ОАО ТВЭЛ, чья годовая реализация превышает миллиард долларов. Примерно половина этой суммы приходится на зарубежные поставки – российское топливо поставляется в 11 стран, причем с нынешнего года почти исключительно за *живые* деньги. Теперь компания, располагающая сотнями миллионов долларов в год, находится в ожидании своего нового руководителя. Очевидно, что в борьбе за ОАО ТВЭЛ должны столкнуться различные интересы.

Минатом представил концепцию единой корпорации ядерно-топливного цикла. По общему замыслу в нее должны войти как предприятия-производители СЯТ и его полуфабрикатов, так и предприятия, перерабатывающие отработанное ядерное топливо (ОЯТ). Но и это не все – предлагается сосредоточить в ведении такой компании вообще все операции с ядерными материалами, в том числе сделку по ВОУ-НОУ.

Интрига заключается в том, что оператором сделок по поставкам за рубеж ядерных материалов и услуг по переработке чужого ОЯТ со стороны государства является ВАО *Техснабэкспорт*. Оно же представляет российскую сторону в соглашении по переработке высокообогащенного урана в низкообогащенный для поставок в США (сделка ВОУ-НОУ).

По самым скромным оценкам, финансовые потоки ВАО *Техснабэкспорт* также превышают миллиард долларов в год. Правда, в отличие от ОАО ТВЭЛ, ВАО *Техснабэкспорт* в основном просто предоставляет услуги номинального держателя контрактов. За комисионное вознаграждение оно обеспечивает как маркетинг рынка, так и юридическую чистоту заключения и выполнения сделок. Основная же часть валютных поступлений достается собственно производителям товаров и услуг.

Идея создания такой компании – под условным названием *Атомпром* – не нова, ее варианты давно лоббируются частью руководства Минатома. Согласно источникам в ВАО *Техснабэкспорт*, именно оно будет иметь преобладающее влияние в новой структуре. Возможно, это связано с тем, что основной противник проекта, Виталий Коновалов, уволен со своего поста – мнение бывшего президента ОАО ТВЭЛ было очень весомо в министерских кабинетах.

Впрочем, в ОАО ТВЭЛ считают иначе: если корпорация и будет создана, то костяком ее по-прежнему останутся заводы – изготовители СЯТ и само ОАО. На долю *Техснабэкспорта* останется заключение контрактов и ведение всей внешнеэкономической деятельности *Атомпрома*.

Понятно, что сама идея централизации торговли ядерными материалами и ядерным топливом победила. Но лишь окончательные документы, учреждающие корпорацию, – возможно, указ президента – покажут, какой

из подходов к *Атомпрому* победил. (Роман Храпачевский. Архипелаг Средмаш. *Известия*. 21 июня 2000.)

- **РВСН**

Готова база для ракет

Главком Ракетных войск стратегического назначения (РВСН) генерал-полковник Владимир **Яковлев** провел проверку готовности базы по ликвидации тяжелых МБР в поселке Суроватиха Нижегородской области. Здесь будут утилизированы в соответствии с ратифицированным Госдумой в апреле 2000 года договором СНВ-2 ракеты тяжелого класса РС-20 (SS-18 *Сатана* по классификации НАТО), а также РС-18 (SS-19 *Стilet*). (Готова база для ракет. *Независимое Военное Обозрение*, №21. 16 июня 2000.)

- **Сокращение ядерных вооружений**

Пресс-конференция президентов России и США

4 июня в Москве состоялась совместная пресс-конференция президентов России и США.

В своем заявлении президент России Владимир **Путин** сказал:

«Мы два дня довольно напряженно работали и должен сразу сказать, что и по духу, и по качеству наших переговоров, и по результату российская сторона не может не выразить удовлетворение.

Нами были обсуждены вопросы, которые представляют интерес, по нашему мнению, не только для Соединенных Штатов и Российской Федерации, но и вопросы, касающиеся глобальной безопасности, которые, без всякого сомнения, затрагивают интересы всего человечества.

Мы подробно обсудили все то, что было сделано в этой очень важной и интересующей обе наши стороны области за последние годы. Мы договорились о том, что будем действовать в этом направлении совместно и дальше.

Мы обсудили проблемы новых глобальных угроз, таких, как нарастающая волна терроризма, организованная преступность и распространение наркотиков. Мы поговорили о тех проблемах, которые, на наш взгляд, имеют одно решение, а на взгляд наших

американских коллег могли бы быть решены по-другому.

Мы обменялись мнениями и по тем вопросам, к которым подходили по-разному.

Все эти разговоры, беседы носили очень открытый и очень предметный характер.

Как вы знаете, мы сейчас с моим коллегой – с президентом Соединенных Штатов – подписали ряд документов, в том числе и Заявление по вопросам безопасности, и там очень много определено и сказано. [...]

Мы говорили о ближайших международных мероприятиях. Это и саммит на Окинаве, саммит ООН в Нью-Йорке – «Саммит тысячелетия», это встреча в Брунее. Таким образом, у нас с господином Клинтонем достигнута договоренность о дальнейшем совместном продвижении ряда проблемных вопросов, которые мы обсуждали сегодня и вчера и которые мы еще имеем возможность обсудить с глазу на глаз завтра, а продвижение этих вопросов – на наших ближайших встречах, которые я только что обозначил.»

Президент США Билл Клинтон в своем выступлении сказал:

«Вчера и сегодня мы провели хорошее обсуждение вопросов, представляющих совместный интерес, включая нераспространение и контроль за вооружениями. Мы четко изложили наши разногласия. И я ценю это.

Важность этих отношений для нас и для всего мира требует, чтобы мы использовали все возможности, которые существуют, для того, чтобы найти общие позиции. А если мы не можем их найти, то мы четко и ответственно излагали наши разногласия.

Я поздравил г-на Путина с той ролью, которую он играл в Думе при ратификации СНВ-2 и ДВЗЯИ. Мы теперь последуем за Россией и ратифицируем ДВЗЯИ. Мы также будем добиваться ратификации этих документов нашими сенаторами для того, чтобы они стали основой для сокращения ядерных вооружений, которые у нас имеются.

Я очень рад, что сегодня мы договорились о двух важных шагах для сокращения ядерной угрозы. Мы достигли важного соглашения по уничтожению каждой страной 34 т оружейного плутония, которого достаточно

для того, чтобы сделать тысячи боеголовок. Это сырье для оружия теперь никогда не попадет в чужие руки.

Мы также договорились создать совместный центр по обмену данными в Москве для того, чтобы обмениваться информацией о запусках ракет и космических объектов. Это очень важно, это первый постоянно действующий американо-российский военный центр. В этом новом центре российские и американские военные будут работать рука об руку 24 часа в сутки. Они будут следить за информацией о запусках спутников. Это очень важный этап в укреплении стратегической стабильности, я его приветствую.

Президент и я также обсудили наши общие обязательства по предотвращению распространения ракетной технологии и нашу решимость обеспечить контроль за экспортом чувствительной технологии и обеспечить выполнение законов по экспортному контролю. [...]

Мы также обсудили нашу работу по СНВ-3 и вопросы ракетной обороны. Мы согласовали заявление о принципах, которое я призываю вас внимательно прочитать. В нем ясно говорится, что есть вопросы, которые необходимо решать в этой области, но пока мы еще не договорились о том, как нам лучше это делать.

Мы признали, что договор по ПРО предусматривает возможность изменения стратегических условий и, в связи с этим, его изменение. Мы подкрепили нашу решимость продолжать наше сокращение наступательных вооружений и обсуждать оборонительные системы, для того, чтобы укрепить стратегическую стабильность и взаимное сдерживание как основу этой работы.

Мы просили наших экспертов продолжать работу для сближения позиций и разработать ряд совместных мер для решения этой возможной проблемы. Мы будем продолжать обсуждать это на нашей следующей встрече. [...]

Я удовлетворен дискуссиями, рад нашим договоренностям, рад, что мы честно, открыто обсудили наши разногласия.»

Отвечая на вопрос о месте российско-американских отношений в мире, Владимир Путин отметил, что «история отношений бывшего Советского Союза и Соединенных

Штатов, Российской Федерации и Соединенных Штатов имеет, как я уже говорил, много и драматических, и весьма позитивных элементов. Мы были союзниками, был период времени, когда мы переживали времена конфронтации. Нам хочется надеяться, что самое худшее в наших отношениях уже давно позади.

На сегодняшний день Соединенные Штаты – один из наших основных партнеров. И что касается России, она никогда не сделает выбор в отношениях с Соединенными Штатами в сторону возобновления каких бы то ни было конфронтационных элементов.

Мы настроены на сотрудничество. Мы настроены на то, чтобы договариваться по всем проблемам, которые у нас возникают. А проблемы такие, естественно, есть, были и, наверное, будут. Важно не это. Важно то, что подход к решению этих проблем может быть только один. Он не должен вести к разрушению всего того положительного, что было достигнуто за последнее время, а должен быть направлен в будущее. И такое намерение и у руководства России, и как вы поняли, и у администрации Соединенных Штатов, президента Соединенных Штатов есть. Мы будем придерживаться именно этих принципов.»

Говоря о договоре по ПРО, Билл Клинтон сказал, что между президентами существует договоренность о наборе принципов, которые предусматривают попытку совместного согласования позиции. Решение, которое предстоит принять, не будет угрозой национальной стабильности и будет сдерживающим фактором.

Президент США отметил свое нежелание выхода из договора по ПРО, потому что он способствует более стабильному положению дел в мире, но могут появиться новые угрозы. Россия и США должны быть готовы к ним, необходимо каким-то образом устранить разногласия.

На вопрос о возможном сокращении в рамках договора СНВ-3 общего числа боеголовок до полутора тысяч Билл Клинтон ответил:

«Мы ранее согласились на уровень 2550 ракет по СНВ-2. Если мы спустимся ниже этого уровня, то это потребует от нас изменения наших стратегических планов. Мы полагаем, что будет намного лучше, если мы сможем защитить себя от новых угроз, которые мы

полагаем реальными. Поэтому будем продолжать обсуждать все эти вопросы в совокупности. Я бы сказал, что я уверен и готов выйти на уровень СНВ-2, и я готов идти ниже этого уровня. Но я также хочу быть готовым к тому, чтобы встретить новые угрозы и сделаю все, что могу для того, чтобы достичь обеих целей.»

Говоря о перспективах отношений между Россией и США, Владимир Путин заметил, что «если все будут поступать так, как это делал до сих пор президент Клинтон, а именно не искать тупиков, а искать пути, по которым можно двигаться вперед, то и нас в будущем в отношениях с Соединенными Штатами ждет успех.

Вот обратите внимание на договор по ПРО. Там действительно много проблем. Мы записали в заявлении, о котором вы только что слышали, базовый принцип – сохранение договора по противоракетной обороне как краеугольного камня сохранения системы безопасности.

Вместе с тем, исходная точка возможности возникновения новых угроз у нас общая. Мы против того, чтобы лекарство было хуже, чем сама болезнь. Но мы понимаем, что есть пути, есть база, на которой мы можем решать даже этот, казалось бы, весьма сложный и чувствительный вопрос.

Повторяю, мы знаем, что сегодня в Соединенных Штатах идет предвыборная борьба, но мы знакомы с программами двух основных кандидатов. И если эти программы будут реализовываться (а там указано на необходимость позитивного развития отношений с Российской Федерацией), если та эстафета, которую президент Клинтон будет передавать в конце года своему преемнику, кто бы ни был этим преемником, будет принята, нас бы это вполне устроило.»

В ответ Билл Клинтон заявил, что «хотел бы как президент использовать остающееся мне время не только для того, чтобы продвигать далее интересы США и для того, чтобы удовлетворить наши потребности в области национальной безопасности, но для того, чтобы создать стабильные отношения с сильной и процветающей Россией, свободной Россией, с уважением к плюрализму и правопорядку. И это я пытаюсь сделать. И я думаю, что он полностью способен добиться этой цели. И меня воодушевляют первые два дня нашей действительно серьезной работы

вместе.» (<http://www.whitehouse.gov/WH/New/Europe-0005/briefings/20000604-1855.html>. 4 июня 2000, неофициальный перевод.)

Позиция международного сообщества по договору ПРО

На Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия, проходившей в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке, Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан и замминистра иностранных дел Великобритании Питер Хейн фактически высказались против планов Вашингтона развернуть национальную систему противоракетной обороны.

Открывая конференцию, Кофи Аннан заявил, что процесс ядерного разоружения не только идет недопустимо медленно, но может и вовсе обратиться вспять. Одной из главных угроз этому процессу Генеральный секретарь ООН считает «крепнущее намерение развернуть национальные системы противоракетной обороны». «Эти намерения, – сказал Кофи Аннан, – подрывают договор по ПРО, который называют краеугольным камнем стратегической стабильности, и могут привести к новой гонке вооружений».

25 апреля Лондон высказал более определенную позицию. Заместитель главы британского МИДа Питер Хейн дал понять, что его страна, на территории которой предполагается разместить некоторые элементы новой американской противоракетной системы, не одобрит односторонний выход США из договора по ПРО. (Леонид Ганкин. ООН и Лондон поддержали Россию в споре с США. *Коммерсант*. 26 апреля 2000.)

11 мая в Вашингтоне на переговорах по разоружению глава китайской делегации Ша Цзукан заявил, что в ответ на развертывание США национальной системы противоракетной обороны (НПРО) Китай начнет новый виток гонки стратегических вооружений.

Эту позицию Китая конкретизировал находившийся на переговорах в Вашингтоне Ша Цзукан, директор департамента по контролю за вооружениями и разоружению МИД КНР. В интервью *New York Times* он назвал смехотворным беспокойство США по поводу возможной ядерной атаки со стороны Северной Кореи или Ирака. По оценкам Китая, КНДР сможет создать ракету, способную достичь США, не ранее чем через 15 лет. К тому же, считает Ша Цзукан, у Пхеньяна нет

ядерного оружия и его появление можно предотвратить.

Поэтому Пекин рассматривает систему НПРО как угрозу своей безопасности, поскольку она лишит Китай возможности ядерного сдерживания. Китай является развивающейся страной, в которой миллионы людей живут за чертой бедности, и не хотел бы тратить средства на гонку вооружений, однако развертывание НПРО вынудит Пекин к ответному расширению своего ядерного арсенала.

Неожиданностью стало другое заявление пекинского чиновника. По его словам, Россия и Китай не только занимают единую позицию в отношении НПРО, но и могут объединить усилия по созданию средств, способных преодолеть американский противоракетный щит.

Сам факт такого заявления говорит о многом – до сих пор Пекин категорически отвергал любые разговоры о возможности вхождения в какие-либо военные альянсы или налаживания союзнических отношений с Россией. (Андрей Иванов. Ша угрожает США. *Коммерсант*. 12 мая 2000.)

Председатель Парламентской ассамблеи НАТО Хавьер Руперес ушел со своего поста, заявив, что намерение США отказаться от договора по ПРО и прикрыть антиракетным щитом только свою территорию таит в себе серьезную угрозу отношениям Америки с европейскими странами-членами НАТО.

Г-н Руперес призвал Вашингтон не принимать «поспешных и односторонних решений», а сначала договориться с Россией о создании новой системы *ядерного равновесия*, которая будет включать в себя серьезное сокращение атомного арсенала и допускать только те элементы антиракетной обороны, которые совместимы с договором по ПРО. В заявлении, сделанном на пленарном заседании Парламентской ассамблеи НАТО в Будапеште, Хавьер Руперес не только предупредил об опасности для европейцев одностороннего пересмотра Вашингтоном договора по ПРО, но также призвал самих европейцев *успокоить* США, дав им понять, что планируемое Европейским Союзом создание чисто европейской системы обороны и безопасности не приведет к ослаблению существующих ныне трансатлантических связей. (Хуан Кобо. ПРО опасно для Европы. *Коммерсант*. 2 июня 2000.)

Сергей Иванов разъясняет позицию России по ПРО

29 мая секретарь Совета безопасности Сергей **Иванов** встретился с журналистами. Г-н Иванов признался, что Россия поставляет оружие афганской оппозиции, не намерена идти на уступки США по договору по ПРО, а также примет *адекватные меры* в отношении Норвегии и Дании – если те допустят размещение на своей территории объектов системы ПРО.

На пресс-конференции 29 мая секретарь СБ говорил преимущественно о внешних проблемах. Единственный ответ Москвы на стремление США модернизировать соглашение по-прежнему заключается в призыве сократить ядерные арсеналы двух стран до 1500 боеголовок *на брата* в рамках СНВ-3, возможное ядерное нападение на Соединенные Штаты со стороны государств-изгоев предлагается парировать *разрешенными* системами локальной ПРО. Чтобы легальная ПРО смогла решить беспокоящую Вашингтон проблему нападения со стороны, например, КНДР, г-н Иванов призвал развивать сотрудничество с Китаем и Европой.

Собственно, у европейцев особого выбора не остается. В отношении тех стран, на территории которых разместятся элементы ПРО США, Сергей Иванов пообещал применить *адекватные меры*. Среди этих стран секретарь СБ отметил Норвегию (там расположена радиолокационная станция слежения *Globus II*) и Датское Королевство (Дания владеет Гренландией, где американцы также собираются разместить радиолокационную станцию (РЛС)). (Михаил Козырев. Иванов объяснил Европе ход российской мысли. *Коммерсант*. 30 мая 2000.)

Министр обороны США провел переговоры в Москве

13 июня Министр обороны США Уильям **Козн** провел переговоры с российским министром обороны Игорем **Сергеевым**, в центре которых был договор по ПРО, и встретился с Владимиром **Путиным**, который предложил создать совместными усилиями *политический зонтик* с целью предотвращения ракетных угроз.

Владимир Путин предложил Уильяму Козну «совместно подумать над проблемами, вызывающими озабоченность и у России, и у США». По мнению российского президента, обе страны должны прийти к идее некоего *политического зонтика*. Он должен

создаваться на основе взаимных договоренностей и обязательств в сфере защиты от ракетных угроз с активным участием в этом процессе всех заинтересованных стран.

Модернизация действующего договора по ПРО 1972 года невозможна без его нарушения. Натолкнувшись на настойчивое желание США создать национальную ПРО, Москва решила в ответ выступать с новыми, но инициатива президента России не нашла понимания у Уильяма Козна. Он даже не стал ее комментировать.

Вашингтон продолжает убеждать Россию, что не считает ее противником. Анонимный представитель Пентагона в очередной раз заявил, что «в настоящее время мы не только не считаем Россию главным врагом США, но и вообще не характеризуем ее в качестве врага. Напротив, мы стараемся развивать сотрудничество с Россией, потому что в ближайшей перспективе не видим прямой или потенциальной угрозы с ее стороны». Подразумевается, что и национальная ПРО не имеет к России никакого отношения.

Москва делает вид, что намеков не понимает. И пытается перехватить инициативу, оказывая сильное воздействие на тех, кого США «характеризуют в качестве врага». В ответ на слова Вашингтона о необходимости защиты от северокорейских ракет Владимир Путин засобирился в Пхеньян. Вслед за этим явно начнется работа с другими странами-изгоями. (Иван Сафронов. Политический зонтик вместо ракетного. *Коммерсант*. 14 июня 2000.)

13 июня в Москве главы военных ведомств России и США Игорь Сергеев и Уильям Козн подписали программу сотрудничества на 2000 год, а также продолжили диалог по проблемам, которые обсуждались на их предыдущей встрече в Брюсселе 9 июня.

Российско-американские контакты в военной сфере нацелены на проведение мероприятий в рамках тех программ и направлений сотрудничества, которые отвечают интересам обеих сторон и обеспечивают постоянное взаимодействие для решения наиболее актуальных двусторонних и международных проблем. Именно этот принцип заложен в основу программы сотрудничества между министерством обороны РФ и военными структурами НАТО, которая уже успешно реализуется по ряду направлений. В том числе – по линии 12-го ГУМО. За первые пять

месяцев 2000 года в России принято восемь американских делегаций по проблемам обеспечения сохранности и учета ядерных боеприпасов в местах хранения и транспортировки, строительства хранилища для ядерных материалов, ликвидации ракетных топлив и окислителей.

Всего программой контактов между Вооруженными силами РФ и США на 2000 год предусмотрено проведение 17 (без учений) совместных мероприятий. Для сравнения: на 1999 год было запланировано десять, проведено два.

В ходе российско-американских переговоров затрагивались и вопросы стратегической стабильности. Министр обороны РФ опроверг аргументы Вашингтона относительно существования ракетной угрозы США со стороны КНДР. Российские эксперты со ссылкой на имеющиеся в их распоряжении данные утверждают, что:

Пхеньян не имеет финансово-экономических возможностей для создания в обозримой перспективе высокотратной производственной базы для развертывания МБР;

КНДР не имеет возможностей для создания современных МБР;

интересы безопасности КНДР ограничиваются масштабами региона, и было бы наивно полагать, что Северная Корея имеет намерения нанести ракетный удар по континентальной части США или по Европе; учитывая несопоставимость военных потенциалов КНДР и США, абсурдно полагать, что Пхеньян пойдет на риск самоуничтожения в результате ответного удара;

наконец, нельзя не замечать позитивных подвижек в политике КНДР в отношении своих соседей и других стран.

Таким образом, Россия не видит причин для внесения каких-либо изменений в договор по ПРО. (Игорь Коротченко. Сергеев и Коэн подписали программу сотрудничества. *Независимая Газета*. 14 июня 2000.)

Министр обороны РФ Игорь Сергеев о ПРО
Министр обороны РФ Игорь Сергеев в интервью *Независимой Газете* подробно осветил различные аспекты ПРО.

Маршал Сергеев отметил фундаментальное значение договора по ПРО для всей системы соглашений в области контроля над вооружениями. Развертывание НПРО США

приведет к отношениям, характерным для времен *холодной войны*.

Отвечая на утверждения о том, что НПРО США развертывается для защиты от удара, который может быть нанесен по территории Соединенных Штатов межконтинентальными баллистическими ракетами (МБР) некоторых стран *третьего мира*, имеющих целью шантаж США, Игорь Сергеев сказал, что в подобных утверждениях трудно обнаружить логику. «Создание МБР было связано с колоссальным напряжением для экономики даже таких гигантов, как СССР и США. Поэтому утверждения о том, что МБР в ближайшее время появятся у государств *третьего мира*, не обладающих крепкой экономикой и соответствующими технологиями, кажутся весьма легковесными и необоснованными.

Но дело не в способности тех или иных государств создавать МБР. Более того, даже если представим чисто теоретически ситуацию, что такие ракеты будут приняты на вооружение, фактор ядерного сдерживания, который показал свою эффективность еще в годы *холодной войны*, сохранится и в отношении таких стран.

Возникает вопрос: раз странам *третьего мира* МБР необходимы лишь для шантажа США, то разумно ли тратить многомиллиардные суммы на развертывание ПРО территории страны? Поскольку для шантажа могут быть использованы иные, гораздо более дешевые средства доставки, против которых планируемая к развертыванию система НПРО США окажется совершенно неэффективной. Значит, истинные причины развертывания НПРО США не в мнимых угрозах неких стран-изгоев. Видимо, кого-то в США обуревают соблазн обретения стратегического доминирования за счет увеличения технологического отрыва от всего мира, создание исключительных условий неуязвимости, то есть реализация забытой доктрины *крепость Америка*. Вместе с тем не исключен вариант, что кто-то вновь хочет втянуть нашу страну в новую гонку вооружений, чтобы тормозить развитие экономики России.

Кроме того, по моему мнению, кое у кого в США создается иллюзия, что, развернув систему НПРО, способную перехватывать несколько сотен боевых блоков стратегических ракет, и понизив в результате договоренностей в рамках СНВ-3 и

последующих договоров количество боевых зарядов и их носителей, можно получить возможность уничтожить стратегический ядерный потенциал России в результате нанесения упреждающего удара и перехвата сохранившихся для ответного удара российских ракет и боевых блоков. [...]

Анализируя основные направления работ, проводимых в США по созданию разработки информационных и управляющих систем, мы рассматриваем развертывание НПРО лишь в качестве первого шага к появлению в будущем многофункциональной глобальной системы борьбы со всеми типами баллистических, аэродинамических и космических целей, а впоследствии – надводных и наземных. Такая всеобъемлющая система обороны будет в первую очередь направлена против потенциала сдерживания Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Для специалистов министерства обороны России в этом нет никаких сомнений.»

Касаюсь технических параметров системы ПРО, Игорь Сергеев заметил, что «в конечном итоге не количество противоракет определяет потенциальные боевые возможности любой ПРО. В первую очередь они зависят от информационных компонентов системы, которые обеспечивают обнаружение целей, их сопровождение, выделение из ложных целей опасных боевых блоков, выдачу целеуказаний на противоракеты с головками самонаведения. А все это напрямую связано с качеством и степенью совершенства вычислительных компонентов системы и ее боевых алгоритмов. [...]

Потенциал США позволяет резко увеличить число противоракет. Они могут быть заранее созданы и складированы на базах хранения. Время для наращивания группировки в заранее развернутых районах и даже при создании новых районов перехвата будет минимальным по сравнению со сроками, необходимыми для создания основы территориальной ПРО, ее информационной инфраструктуры. [...]

По мнению министерства обороны России, в архитектуру НПРО США изначально закладывается и возможность наращивания количества противоракет в ее составе за счет включения перехватчиков различных типов. Например, существуют планы использования в системе НПРО, кроме противоракет типа ГБИ, после проведения соответствующей

доработки и испытаний, комплексов нестратегической ПРО, таких, как ТХААД и НТВ (на базе СУРО *Иджис*). Причем эти планы получают определенную поддержку у руководства Пентагона и в Конгрессе США.

Если система ПРО США будет размещена даже в одном районе, но по своим возможностям будет способна обеспечить защиту территории США, ее создание также противоречит договору по ПРО. Договор запрещает развертывание системы обороны территории страны и не предопределяет, каким образом это будет обеспечено – за счет одного, двух или большего количества районов размещения ПРО.»

В качестве одной из альтернатив созданию НПРО США, маршал Сергеев предложил использовать позитивный потенциал идеи создания глобальной системы контроля за нераспространением ракет и ракетных технологий. [...] Данная идея предусматривает формирование комплекса международных мер, включающих ограничительные режимы в отношении ракет и ракетных технологий; глобальный мониторинг за пусками ракет и создание соответствующего международного Центра; предоставляет гарантии безопасности любому государству – участнику этой системы; определяет меры поощрения в отношении государств, отказавшихся от обладания ракетными средствами доставки оружия, включая содействие национальным космическим программам; механизм регулярных консультаций. Надо всемерно развивать потенциал этого предложения.

Игорь Сергеев отметил негативную реакцию международного сообщества, в том числе членов НАТО на планы США в области ПРО. В частности, он сказал, что «даже ближайшим союзникам США по Североатлантическому альянсу становится ясно, что разрушение договора по ПРО приведет к резкому изменению политического климата в мире. Адаптация договора по ПРО к «новой стратегической ситуации в мире» на американских условиях означает его разрушение.»

Игорь Сергеев также прокомментировал итоги российско-американского саммита, проходившего в Москве с 3 по 5 июня. Он заявил, что «на саммите было продемонстрировано стремление как России, так и США в ходе консультаций и переговоров искать выход из ситуации, сложившейся в связи с планами создания в США НПРО.

Именно эта основная мысль нашла свое отражение в совместном Заявлении о принципах стратегической стабильности. Кроме того, удалось еще раз добиться публичного подтверждения сторонами своей приверженности договору по ПРО как краеугольному камню стратегической стабильности

Что касается вопроса о внесении поправок в договор по ПРО при изменении стратегической ситуации, о чем говорится в Заявлении и интерпретируется некоторыми комментаторами как якобы согласие России модифицировать договор по ПРО, то хочу пояснить, что его 13 статья предусматривает такую возможность. Ранее это положение было задействовано, когда СССР и США согласились в рамках договора довольствоваться одним районом базирования ПРО для каждой стороны. Наша позиция остается прежней – любое изменение стратегической ситуации не должно приводить к подрыву самой сути этого важнейшего документа и может быть направлено только на укрепление режима договора по ПРО.»

Говоря о Меморандуме о договоренности о создании совместного Центра обмена данными от систем раннего предупреждения и уведомления о пусках ракет, подписанном в ходе саммита, маршал Сергеев отметил, что «его подписание явилось этапом выполнения Совместного заявления президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки об обмене информацией от систем предупреждения и уведомления о пусках ракет от 2 сентября 1998 года, над реализацией которого мы уже два года работаем совместно с МИД России и другими заинтересованными ведомствами.

Совместный Центр обмена данными создается с целью организации непрерывного обмена информацией о пусках баллистических ракет и космических ракет-носителей, получаемой от систем раннего предупреждения России и США, оперативного разрешения неясных ситуаций и выработки условий для подготовки многостороннего режима обмена уведомлениями о пусках ракет. Хочу подчеркнуть, что речь идет не о каком-либо объединении систем предупреждения России и США, тем более не об объединении систем противоракетной обороны, как об этом писали в некоторых не вполне компетентных СМИ. Главная задача центра – свести к минимуму последствия ложного предупреждения о

ракетном нападении и предотвратить возможность пуска ракет по этой причине. [...]

При реализации Меморандума предусмотрено три этапа. [...] На первых этапах обмен будет осуществляться только по пускам ракет, принадлежащих России и США (по МБР, баллистическим ракетам подводных лодок и космическим ракетам-носителям) и обнаруженных их системами предупреждения. По сути дела речь идет о новом качестве обмена данными, который проходил и ранее в рамках выполнения Соглашения о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США от 30 сентября 1971 года. В дальнейшем возможно расширение обмена данными по пускам ракет России и США с меньшей дальностью полета. На третьем этапе предполагается осуществление обмена данными о пусках ракет других государств, траектория полета или точка падения которых находится на территории России или США. Эта мера также направлена на предотвращение ложных тревог, которые могут возникнуть в наших системах предупреждения, и укрепление стабильности в двусторонних российско-американских отношениях.

Что касается обмена информацией о пусках ракет третьих стран, то его возможность будет рассмотрена в дальнейшем. Мы не будем предоставлять информацию, наличие которой может нанести ущерб кому-либо из наших партнеров.

Кроме того, мы готовы обсуждать с нашими американскими коллегами вопрос о расширении состава участников Меморандума. В частности, в Берлине 15–16 июня 2000 года президент России и канцлер Германии обсуждали возможность участия в работе центра представителя Европейского Союза.» (Виталий Третьяков. США разрушают стратегическую стабильность. *Независимая Газета*. 22 июня 2000.)

Предложения России по созданию общеевропейской ПРО

14 июня начальник Главного управления международного военного сотрудничества министерства обороны генерал-полковник Леонид **Ивашов** раскрыл детали российских предложений по созданию общеевропейской нестратегической системы ПРО. Россия по-прежнему хочет убедить Запад, что ему нечего бояться. Что же до военно-технических деталей, то российские военные, как и

следовало ожидать, излагают их весьма схематично.

Суть российских предложений в следующем. На первом этапе должны быть проведены консультации российских и натовских экспертов относительно возможности нанесения ракетных ударов по странам – членам Северо-атлантического альянса. Затем вопрос о реальности ракетной угрозы планируется обсудить на декабрьском заседании совместного постоянного совета Россия–НАТО на уровне министров обороны. Главная цель всех этих переговоров – убедить НАТО, что реальной угрозы ракетных ударов со стороны стран-изгоев не существует.

Если же натовцы проявят несговорчивость и будут продолжать бояться, тогда вступит в действие второй пункт российского плана. Москва и европейские члены НАТО начнут работу по совместной оценке параметров угроз: какие страны способны нанести ракетный удар, какова дальность полета их ракет и прочее. И только затем, по словам Леонида Ивашова, «предусматривается совместная разработка концепции построения общеевропейской нестратегической ПРО и ее наполнения конкретным содержанием».

Конкретное содержание – это создание многостороннего центра предупреждения о пусках ракет, развертывание имеющихся и совместная разработка новых радиолокационных станций, формирование подразделений ПРО для прикрытия районов базирования баллистических ракет, прочих важных территорий и объектов европейских стран и России.

Г-н Ивашов не сомневается, что «натовцы не пойдут на массивную закупку российских комплексов ПВО, таких, как модернизированный С-300ПМУ и новый С-400». Хотя подобных систем, уверяет генерал, на Западе просто нет.

И поэтому без российского участия создать европейскую ПРО не удастся. По словам Леонида Ивашова, «радиолокационное поле может быть создано на основе западноевропейских или даже американских технологий, а комплексы ПВО, сопрягаемые с этим полем, могут быть российскими, но с установленными в них некоторыми натовскими компонентами, соответствующими стандартам НАТО».

США и их младшие партнеры по НАТО выкладывают российских военных, судя по всему, не доверяют и требуют большей конкретики в части военно-технических предложений. Ее Москва до сих пор не дала, продолжая настаивать на том, что в действительности Западу ничто не грозит. Поэтому, с точки зрения европейцев и американцев, путинские инициативы больше походят на своеобразный внешнеполитический PR. А значит, даже самые активные действия российской дипломатии смогут в лучшем случае дать Москве возможность с более выгодных позиций начать торг с США об условиях модернизации договора по ПРО. (Михаил Козырев. Военно-политический роман. *Коммерсант*. 15 июня 2000.)

Предложения по строительству системы ПРО в США

По сообщению газеты *New York Times*, юристы Белого дома нашли весьма оригинальный способ создать НПРО, формально не нарушая советско-американского договора от 1972 года. Президенту **Клинтону** предлагают начать строительство, не доводя его до этапа сдачи готовых объектов, – нарушения договора при этом якобы не произойдет. Самый мягкий вариант предполагает начать заливку бетона на площадке под РЛС на острове Шемия, входящем в Алеутскую гряду. Самый жесткий – возведение стен и металлических конструкций для поддержания радара.

Администрация президента США и американские военные пока не дали согласия ни на один из этих вариантов: они не против того, чтобы на острове Шемия спилили деревья и начали рыть котлованы, но возражают против начала бетонных работ. Однако, как полагают юристы, в интересах Билла Клинтона согласиться на их предложение. Это позволит ему (а главное, вице-президенту и кандидату в президенты Альберту **Гору**), с одной стороны, смягчить острую критику со стороны республиканцев, которые требуют большей жесткости в отношениях с Россией, с другой – переложить решительное объяснение с Москвой на плечи преемника Билла Клинтона.

Впрочем, никто в США – ни администрация, ни юристы, ни сама *New York Times* – не питают иллюзий относительно возможной реакции Москвы. Газета высказывает осторожное предположение, что и в Кремле такой вариант сочтут приемлемым. Мол, таким образом официальная сдача объектов, а стало быть, и формальное нарушение договора по ПРО отодвигается в далекое будущее, когда

президентские полномочия Владимира Путина уже истекли. (Борис Волхонский. США строят про-советски. *Коммерсант*. 16 июня 2000.)

Россия может выйти из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности

Главком РВСН РФ генерал-полковник Владимир Яковлев не исключает возможности выхода России из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности в ответ на развертывание США НПРО. «Возможен такой шаг в рамках асимметричных ответных мер Москвы на выход Вашингтона из договора по ПРО от 1972 года», – заявил главком 21 июня журналистам. Отвечая на вопрос *Интерфакса*, Владимир Яковлев отметил, что «технологические возможности для создания группировки ракет средней и меньшей дальности у России имеются, они очень просты, поскольку заложены в рамках производства тех носителей, которые сейчас имеются». «Производство таких ракет обойдется гораздо дешевле, чем межконтинентальных баллистических ракет», – подчеркнул главком. (Главком РВСН не исключает выхода России из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности в ответ на развертывание США национальной ПРО. *Интерфакс*. 21 июня 2000.)

• Экспорт и экспортный контроль

Внесены изменения в систему экспортного контроля России

Президент Российской Федерации Владимир Путин издал указ «О внесении изменений в указ президента Российской Федерации от 27 марта 1992 года №312 «О контроле за экспортом из Российской Федерации ядерных материалов, оборудования и технологий».

В соответствии с указом «в исключительных случаях такой экспорт из Российской Федерации в государство, не обладающее ядерным оружием и не поставившее всю свою ядерную деятельность под гарантии Международного агентства по атомной энергии, может осуществляться по индивидуальным решениям правительства Российской Федерации» в случае отсутствия противоречий с международными обязательствами России, наличия гарантий государства-получателя о неиспользовании для создания ядерного оружия. Поставки осуществляются исключительно для обеспечения безопасной эксплуатации

ядерных установок государства-получателя при условии применения к ним гарантий МАГАТЭ.

МИД России выступил с комментарием этого указа. В комментарии, в частности, говорится:

«В соответствии с международными обязательствами и действующим законодательством ядерный экспорт из Российской Федерации осуществляется только в те неядерные страны, в которых вся мирная ядерная деятельность находится под полноохватными гарантиями МАГАТЭ.

В то же время руководящие принципы ядерного экспорта, принятые в Группе ядерных поставщиков, членом которой является Россия, допускают в исключительных случаях экспорт в неядерные страны, не поставившие всю свою деятельность под контроль Агентства, для обеспечения безопасности эксплуатации уже действующих ядерных установок, находящихся под гарантиями МАГАТЭ.

Принятый в мае с.г. указ президента России Владимира Путина дополнил действующие в России нормы, регулирующие ядерный экспорт, вышеуказанным положением.» (*Пресс-служба президента Российской Федерации*. 7 мая 2000; *соб. инф.*)

ИЗ ДОСЬЕ ПО ХИМИЧЕСКОМУ ОРУЖИЮ

Ход выполнения программы уничтожения химоружия в России

Россия не сможет выполнить программу уничтожения химического оружия, согласно которой все арсеналы химоружия должны быть уничтожены к 29 апреля 2007 года. Как заявил 17 апреля начальник войск радиационной, химической и биологической защиты министерства обороны РФ генерал-полковник Станислав Петров, «в целом отставание от планов программы составляет сегодня около четырех лет». «Россия физически была готова уничтожить все запасы химоружия в установленные сроки, однако из-за отсутствия должного финансирования в них будут внесены коррективы», – отметил он. По словам генерала, на реализацию программы по ликвидации химоружия в последние годы выделялось только три–четыре процента от потребностей. (Генерал Петров: Россия не сможет выполнить программу уничтожения химоружия в намеченные сроки. *Интерфакс*. 17 апреля 2000.)

- **Израиль**

Израиль провел испытания крылатых ракет

Израиль провел испытания крылатых ракет, способных нести ядерную боеголовку, с подводных лодок, построенных в Германии. Крылатые ракеты были произведены в самом Израиле. Это сделало его, по словам британской газеты *Sunday Times*, третьей страной в мире – после США и России, – выпускающей крылатые ракеты. Дальность действия израильской ракеты при запуске из подводного положения – около 1500 км. Как утверждает *Sunday Times*, давно следящая за военной ядерной программой Израиля, он сейчас обладает числом ядерных боеголовок, колеблющимся, согласно разным оценкам, от 100 до 200 единиц. Израильское правительство, однако, никогда не признавало наличие у страны ядерного оружия. (Израиль провел испытания крылатых ракет, способных нести ядерную боеголовку, с подводной лодки. *Интерфакс*. 19 июня 2000.)

- **США**

Политика США в отношении государств-парий

Понятие государства-парии простое и привлекательное. Оно требует лишь наличия одного сумасшедшего или *злого гения*, получившего доступ к какому-то несовершенному химическому, биологическому или ядерному оружию, или высококлассного компьютерного хакера. Это будет достаточно, чтобы якобы создать угрозу безопасности США, несмотря на их мощь.

Кроме того, это очень удобный термин в наше время, когда *империи зла* в лице СССР уже не существует, а Китаю еще лишь предстоит стать достаточной угрозой стратегическому господству США. Вполне разумно звучит и призыв разделить весь мир на *цивилизованные* государства, которые заслуживают чести оказаться под защитой разработанной США совершенной системы ПРО, и *другие* страны, которые уже или в потенциале являются государствами-париями.

Концепция государств-парий делает акцент на оборонительных нуждах, которые скорее могут рассчитывать на политическую поддержку, нежели разумные доводы,

привлекающие внимание к проблемам множества мелких войн и вмешательств.

Исторически, многочисленные небольшие по масштабам интервенции были уделом имперских миротворцев, то есть это была вполне достойная миссия, которую Вашингтон все чаще призывают играть сегодня. Роль эта не эффективная и требует скорее традиционной военной стойкости, чем высокотехнологичных *штучек*. В то же время понятие *парии* более привлекательно с политической точки зрения.

Но настолько ли уж государства-парии готовы рисковать собственным выживанием, только чтобы подтвердить правоту какого-нибудь сумасбродного лидера? Стоит ли во главе какой-либо из этих стран маньяк, готовый убедить все население последовать за ним в могилу? Может быть, где-то и стоит.

Но список сегодняшних государств-парий дает совершенно иную картину. Основной перечень включает КНДР, Ливию, Кубу, Иран, Ирак и Сирию. Распавшиеся африканские государства в счет не идут, хотя можно предположить, что их институциональный крах делает более вероятным появление там мессианских фигур, финансирующих сумасшедшие идеи на деньги от продажи похищенных драгоценных камней.

У всех вышеназванных государств-парий есть один отличительный признак: их устойчивость. Они могут быть жестокими, порочными, на деле или потенциально агрессивными, но все они хороши в одном: в обеспечении собственного выживания.

Самым молодым из шести указанных выше режимов является иранский. Исламской республике в Иране скоро исполнится 22 года и она постепенно движется к более открытому и плюралистическому обществу.

Даже в разгар религиозного рвения во времена аятоллы Хомейни Иран был больше озабочен защитой революционных завоеваний от внешних угроз, нежели распространением терроризма по миру. Поддержка движения Хезболлах вряд ли может считаться более *ужасной*, чем содействие администрации Рейгана никарагуанским контрам.

Режим Фиделя **Кастро** на Кубе показывает, как можно использовать статус государства-

парии, играя на националистических настроениях небольшого по численности народа, который гордится тем, что соседи-гиганты постоянно его запугивают. Данное искусство помогает Фиделю Кастро удерживаться у власти в течение уже 41 года.

В Северной Корее система управления, установленная *отцом* корейского народа и унаследованная его сыном, отличается завидной жестокостью, но жертвами этой жестокости все это время становились корейцы по другую сторону 38-й параллели. Режим Севера по-прежнему может угрожать Югу, но вот уже долгие годы он озабочен собственным выживанием.

Северокорейским разработкам в ядерной и ракетной области должно быть организовано противодействие, но деятельность КНДР отнюдь не напоминает поведение государства-*парии*, способного на безумные поступки. Пхеньян принимает хорошо просчитанные решения и сумел достичь некоторых из поставленных дипломатических целей. Удивительно, но страна, наиболее уязвимая для Севера, а именно Южная Корея, меньше Вашингтона беспокоится о развитии ракетной программы КНДР. [...]

Тактика Сирии в отношении Израиля не больше напоминает поведение государства-*парии*, чем использование Израилем политических убийств или бомбежек гражданского населения в качестве орудия войны. Обе страны вовлечены в ограниченную региональную борьбу и используют методы, которыми в аналогичных условиях пользовались и западные государства.

Поддержка Ливией в разное время различных *освободительных* движений от Ольстера до Минданао может раздражать кого-то, но это не большая угроза для международного мира, чем финансирование дружественным Западу Пакистаном или Саудовской Аравией Талибана или сепаратистов в Кашмире. Полковник **Кадаффи** может показаться эксцентричной и даже опасной фигурой, но ему удалось продержаться у руля власти в течение 31 года, благодаря порядку, а не безумным поступкам.

Что касается Саддама **Хусейна**, который правит Ираком уже 21 год, то даже в 1991 году он не терял здравого смысла и не проявлял суицидных настроений. Он все еще руководит страной лишь потому, что умеет просчитывать свои ходы и уничтожать врагов. Удержаться у

власти ему помогают обычные вооружения, хотя, казалось бы, с помощью тех же обычных вооружений его могли бы отстранить от власти в 1991 году.

Дело в том, что государства-*парии* напрямую не угрожают США или другим державам. Если и есть какая-то опасность, то для соседних государств, которые либо не могут особенно рассчитывать на защиту с помощью американского ракетного *зонтика*, либо предпочитают неядерные союзы.

Конечно, некоторые террористические акты время от времени будут происходить на территории США. Взрывы в Оклахоме могли бы произойти, в принципе, и по вине Усама бин **Ладена**, а не местных американских фанатиков. Но опыт Великобритании и Испании свидетельствует, что случающиеся время от времени теракты приводят к человеческим жертвам, но не являются угрозой демократии или государству.

Паранойя в отношении якобы государств-*парий*, большинство из которых, как оказывается, мусульманские, может легко стать поводом для антилиберальных тенденций или отвлечь внимание от текущих неядерных военных нужд, будь то необходимость отразить агрессию Саддама Хусейна или восстановить мир на Гаити.

Сказанное выше не означает попыток умалить масштабы угроз, которым могут подвергнуться развитые государства, чье нормальное функционирование может быть нарушено с помощью компьютерного, химического или любого другого *альтернативного* нападения. Речь также не идет о том, чтобы *старые* ядерные державы ослабили свою защиту от *молодых* ядерных государств.

Но большая опасность исходит от отдельных личностей и тайных негосударственных объединений, а не от государств-*парий*, которые столь хорошо освоили уроки выживания. (Philip Bowering. *Rogue States Are Overrated. International Herald Tribune*. 6 июня 2000, перевод ПИР-Центра.)

Администрация США решила пересмотреть официальную лексику. Теперь Ирак, Иран, Ливия и другие страны из различных американских *черных списков* больше не являются странами-*изгоями* (*rogue states*). Отныне они будут именоваться «странами, вызывающими беспокойство» (*states of concern*).

Госсекретарь США Мадлен **Олбрайт** считает, что новый термин подходит этим государствам куда больше, чем прежний. «Мы действительно обеспокоены тем, что эти страны поддерживают терроризм, развивают ракетные технологии и в целом пытаются дестабилизировать ситуацию в мире», – заявила она. В то же время политика некоторых стран настолько сильно изменилась, что к ним уже невозможно применить лаконичный, как приговор, термин *изгой*.

Впрочем, смена ярлыка не означает автоматического изменения американской политики в отношении бывших стран-*изгоев*.

Представитель госдепартамента подчеркнул, что «смягчение позиции Вашингтона произойдет лишь в том случае, если эти страны пересмотрят свое поведение». В противном случае «страны, вызывающие беспокойство», не смогут почувствовать разницы.

В то же время наблюдатели отмечают определенную эволюцию американских взглядов на окружающий мир. Если раньше Вашингтон в основном выбирал самый простой путь конфронтации, то сегодня Белый дом предпочитает вести диалог. (Владимир Дунаев. Стран-*изгоев* больше нет. *Известия*. 21 июня 2000.)

Вышли в свет в апреле – июне 2000 года

- *Digest of the Russian Nonproliferation Journal Yaderny Kontrol (Nuclear Control)*. Vol.5, №3. Summer 2000. В номере: Павел Подвиг «Есть ли будущее у договора по ПРО?», Иван Сафранчук «Российско-американский саммит: переговоры по ПРО и СНВ-3», Виктор Воронов «СНВ-3: проблемы равной безопасности», Виктор Есин: «Ядерное оружие будет применено тогда, когда в результате агрессии встанет вопрос: быть или не быть России», Андрей Гордиенко «Новая военная доктрина России», Михаил Виноградов «О необходимости ограничения работ по модернизации существующих ядерных вооружений и при разработке новых ядерных боеприпасов», Роланд Тимербаев «Что делать с ядерным наследием холодной войны: позиция России», Евгений Зведре «Российско-американский диалог по нераспространению: иранский фактор и взаимодействие в экспортном контроле», Андрей Ефимов «Новые вызовы международному режиму нераспространения и Группа ядерных поставщиков», Вадим Козюлин «Россия–Сирия: военно-технический торг». Цена 1400 руб.
- *Серия «Библиотека ПИР-Центра»*. «Экспортный контроль в России: политика и практика». Апрель 2000. 216 с. Цена 280 руб.
- *Научные Записки ПИР-Центра*, №14. Под редакцией Ивана Сафранчука, ПИР-Центр. «Ядерная политика России: проблемы и перспективы». Май 2000. 64 с. Цена 1400 руб.
- *Серия «Доклады ПИР-Центра»*. Доклад №20. Иван Сафранчук. «Классификация стратегического и тактического ядерного оружия» (на русском и английском языках). Июнь 2000. Цена 1400 руб.
- *Серия «Доклады ПИР-Центра»*. Доклад №21. Дмитрий Ковчегин. «Незаконный экспорт ядерных материалов» (на русском языке). Июнь 2000. Цена 2800 руб.

(См. также с.13, 64)

Документы**СОВМЕСТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ
О ПРИНЦИПАХ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ**

1. Президенты Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки согласны с необходимостью поддерживать стабильность в стратегической ядерной области. Соглашения между ними содействуют достижению этой цели.
2. Они привержены делу укрепления стратегической стабильности и международной безопасности. Они согласны в том, что способность к сдерживанию была и остается ключевым аспектом стабильности и предсказуемости в области международной безопасности.
3. Президенты, приветствуя ратификацию Российской Федерацией договора СНВ-2 и связанных с ним документов, рассчитывают на завершение процесса ратификации в Соединенных Штатах Америки.
4. Они объявляют об интенсификации обсуждений о дальнейших сокращениях стратегических сил России и США в рамках будущего договора СНВ-3, а также по вопросам ПРО, в соответствии с Заявлениями президентов России и США в Москве в 1998 году и Кельне в 1999 году.
5. Они согласны в том, что договор по ПРО вносит существенный вклад в дело сокращения наступательных сил, и подтверждают свою приверженность этому договору как краеугольному камню стратегической стабильности.
6. Они согласны, что международное сообщество стоит перед лицом опасной и растущей угрозы распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, включая ракеты и ракетные технологии, и подчеркивают свое стремление повернуть вспять такой процесс, в том числе используя имеющиеся и возможные новые международные правовые механизмы. Они согласны с тем, что эта новая угроза представляет собой потенциально значительное изменение в стратегической ситуации и в области международной безопасности.
7. Они согласны с тем, что рассматривать и решать вопрос об этой возникающей угрозе безопасности необходимо на основе взаимного сотрудничества и взаимного учета интересов безопасности друг друга.
8. Они напоминают о существующем положении договора по ПРО, предусматривающем рассмотрение возможных изменений в стратегической ситуации, затрагивающих положения этого договора, а также, при необходимости, возможных предложений по дальнейшему повышению жизнеспособности договора.
9. Президенты подтверждают свою приверженность продолжению усилий по укреплению договора по ПРО, повышению его жизнеспособности и эффективности в будущем с учетом любых изменений ситуации в области международной безопасности.
10. Укрепляя эффективность договора по ПРО в нынешних, а также будущих условиях, Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки придают большую важность повышению жизнеспособности договора путем принятия мер, направленных на развитие сотрудничества, открытости и доверия между сторонами.
11. Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки отмечают важность консультативного процесса и подтверждают свою решимость продолжать в будущем консультации, направленные на достижение целей и выполнение положений договора по ПРО.
12. Ключевые положения, зафиксированные в наших договоренностях и заявлениях, в том числе на высшем уровне, создают основу для деятельности обеих стран в отношении стратегических вооружений в нынешних условиях.
13. Такой подход создает уверенность в том, что дальнейшее укрепление стратегической стабильности, а также дальнейшие сокращения ядерных сил будут основываться на фундаменте, который был проверен в течение десятилетий и способствует интересам и безопасности обеих стран.
14. Президенты распорядились о разработке конкретных мер, которые позволили бы обеим сторонам предпринимать необходимые шаги для сохранения стратегической стабильности перед лицом новых угроз, и поручили своим министрам и экспертам подготовить доклад для рассмотрения президентами.

15. Они согласны, что вопросы стратегических наступательных вооружений не могут рассматриваться в изоляции от вопросов стратегических оборонительных вооружений и наоборот, – взаимозависимость, отраженная в договоре по ПРО и направленная на обеспечение безопасности обеих стран в равной степени.

16. Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки намерены основывать свою деятельность в области стратегических

наступательных и оборонительных вооружений на принципах, изложенных в данном документе.

**Президент Российской Федерации
Владимир Путин
Президент Соединенных Штатов Америки
Билл Клинтон
Москва, Кремль, 4 июня 2000 года**

Источник: Российская Газета, 6 июня 2000, с.6.

**СОВМЕСТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ В.В. ПУТИНА И У.Д. КЛИНТОНА ОБ
ОБРАЩЕНИИ С ОРУЖЕЙНЫМ ПЛУТОНИЕМ, ЗАЯВЛЕННЫМ КАК НЕ
ЯВЛЯЮЩИЙСЯ БОЛЕЕ НЕОБХОДИМЫМ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ОБОРОНЫ, И ЕГО
УТИЛИЗАЦИИ И О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В ЭТОЙ ОБЛАСТИ**

Президенты Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки объявили сегодня о завершении подготовки двустороннего Соглашения по обращению с оружейным плутонием, изъятым из соответствующих ядерных военных программ и заявленным как избыточный для оборонных целей, и его утилизации. Соглашение обеспечит преобразование этого плутония в формы, непригодные для ядерного оружия, путем использования его в качестве топлива в ядерных реакторах или перевода в иммобилизованные формы, пригодные для геологического захоронения.

Основываясь на совместном заявлении, сделанном в ходе саммита 1998 года, о принципах обращения с таким плутонием и его утилизации, это соглашение определяет направления и условия для такого обращения и утилизации. Соглашение вновь подтверждает нашу решимость предпринять шаги, необходимые для обеспечения того, что плутоний никогда вновь не будет использоваться в ядерном оружии или для любых других военных целей и чтобы обращение с таким плутонием и его утилизация осуществлялась безопасно, надежно, экологически обоснованно, транспарентно и необратимо. Оно вновь подтверждает нашу приверженность ядерному разоружению.

Это Соглашение обеспечит, что деятельность по обращению с таким плутонием и его утилизация будет находиться под наблюдением и таким образом будет транспарентна для международного сообщества. Оно предусматривает контроль Международного агентства по атомной

энергии (МАГАТЭ) после заключения с МАГАТЭ соответствующих соглашений.

Это соглашение разработано на основе подходов по обращению с таким плутонием и его утилизации, согласованных в ходе встречи *восьмерки* на высшем уровне по ядерной безопасности в Москве в 1996 году. Мы вновь подтверждаем наши намерения работать в тесном сотрудничестве с другими странами, в особенности, с руководителями стран *восьмерки*, которые оказывали в течение последних лет серьезную поддержку инициированию и осуществлению таких программ. В этой связи мы надеемся, что значительный прогресс будет достигнут и в ходе саммита стран *восьмерки* в июле этого года на Окинаве.

Это соглашение даст возможность развиваться новому сотрудничеству между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки. Мы отмечаем, что Конгресс США уже выделил 200 млн долл. США на это сотрудничество и администрация США намерена получить дополнительные ассигнования.

Это соглашение будет подписано в ближайшее время председателем правительства Российской Федерации Михаилом Касьяновым и вице-президентом Соединенных Штатов Америки Альбертом Гором.

Москва, Кремль, 4 июня 2000 года

Источник: Российская Газета, 6 июня 2000, с.6.

Анализ**ТАКТИЧЕСКОЕ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И НЕКОТОРЫЕ РЕКОМЕНДАЦИИ¹**

**Уильям Поттер
Николай Соков**

Тактическое ядерное оружие (ТЯО) представляет собой компонент ядерных арсеналов России и США, который в наименьшей степени охвачен соглашениями о контроле над вооружениями. Единственный существующий в этой области международный режим – это необязывающие односторонние взаимные заявления, сделанные Джорджем Бушем и Михаилом Горбачевым осенью 1991 года; советское заявление было подтверждено и расширено Борисом Ельциным в январе 1992 года². С этого времени ТЯО практически не фигурировало в двустороннем российско-американском диалоге по контролю над вооружениями и разоружению.

Недостаточное внимание к ТЯО представляется опасным с учетом его большого количества, риска применения на раннем этапе конфликта или без санкции, а также уязвимости для хищения. Ненадежен и сам режим контроля, поскольку он не является юридически обязывающим, не предусматривает обмена информацией и механизмов контроля. Соответственно он недостаточно прочен для того, чтобы выжить в условиях множащихся проблем, таких, как ухудшение российско-американских политических отношений; растущие сомнения в обеих странах относительно роли соглашений о контроле над вооружениями в обеспечении национальной безопасности; возрождение интереса к ТЯО в России и, в меньшей степени, в США; усиление настроений в России в пользу возобновления производства и (или) модернизации ТЯО по мере того, как срок эксплуатации имеющихся боеприпасов приближается к концу; и наконец, возникновение интереса к ТЯО в Южной Азии после ядерных испытаний Индии и Пакистана в 1998 году.

Хотя односторонние инициативы 1991–1992 годов привели к значительному сокращению ТЯО, дальнейшая судьба режима находится под сомнением. В настоящей работе рассматриваются следующие вопросы:

- существо проблемы, в частности, свойства ТЯО, динамика развития российско-

американских отношений и изменения в военных доктринах США и России;

- недостатки неформального режима 1991–1992 года и варианты подходов к их устранению;
- конкретные рекомендации на ближайшую и долгосрочную перспективу.

Характеристики ТЯО

Опасности, связанные с ТЯО, проистекают непосредственно из его характеристик и принципов его развертывания и применения. Небольшой размер этого оружия и отсутствие у старых поколений электронных замков – устройств, исключающих несанкционированное применение – лишь усиливают уязвимость ТЯО по отношению к хищениям и несанкционированному использованию. Порядок развертывания и применения ТЯО также представляют серьезную проблему с точки зрения физического и политического контроля. Эти угрозы являются следствием следующих факторов.

Во-первых, ТЯО главным образом предназначено для использования на поле боя и на театре военных действий (ТВД) во взаимодействии с силами общего назначения; вследствие этого предпочтение может отдаваться передовому базированию, особенно в периоды кризисов, и в некоторых ситуациях подготовка ТЯО к применению может даже спровоцировать превентивный удар со стороны противника вместо того, чтобы сдержать его.

Во-вторых, ориентация на использование ТЯО в связке с обычными вооруженными силами и сравнительно низкая живучесть могут вызвать потребность в передаче права на его применение на уровень командования группировкой войск на ТВД, в особенности после того, как боевые действия начались. Это приводит к ослаблению контроля над применением ТЯО со стороны политического руководства.

Таким образом, само существование ТЯО в национальных ядерных арсеналах повышает

риск распространения и понижает порог применения ядерного оружия, расшатывая устойчивость ядерного баланса. Если две ведущие ядерные державы продолжают считать, что ТЯО существенно важно для обеспечения безопасности и может быть применено в реальных боевых действиях, то этому примеру могут последовать и другие страны.

Ухудшение российско-американских отношений

Ухудшение российско-американских отношений проявляется в целом ряде сфер, в том числе и в области контроля над вооружениями. По целому ряду параметров эта тенденция сказывается и на ТЯО. *Во-первых*, она замедляет продвижение к заключению договора СНВ-3. Застой в контроле над стратегическими вооружениями, который был преодолен лишь в апреле 2000 года в результате ратификации договора СНВ-2 Государственной Думой, имел непосредственное отношение к ТЯО, поскольку обе стороны избегали отдельных переговоров по этому вопросу. Согласно совместному заявлению Билла Клинтона и Бориса Ельцина в апреле 1997 года, ТЯО должно было обсуждаться в контексте СНВ-3³, хотя этот вариант, похоже, уже не столь очевиден.

Охлаждение в российско-американских отношениях, особенно после военной кампании НАТО в Югославии, способствовало сокращению и без того ограниченной транспарентности в отношении ТЯО. Хотя параллельные заявления 1991 года не предусматривали обмена информацией о выполнении инициатив, такой обмен имел место на заседаниях Постоянного совместного совета Россия–НАТО. Прекращение функционирования этого механизма прервало обмен информацией по этому каналу, по крайней мере, на какое-то время.

Эрозия юридически обязывающих соглашений по контролю над вооружениями

Из Вашингтона и Москвы поступают тревожные сигналы о том, что многие политические деятели начали подвергать сомнению эффективность договоров по контролю над вооружениями как средства противодействия распространению оружия массового уничтожения (ОМУ) и обеспечения национальной безопасности России и США. Эта тенденция особенно четко проявилась в отказе Сената США от ратификации Договора

о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) в 1999 году, затяжек в процессе ратификации СНВ-2 в России, а также в растущей популярности в Конгрессе США идеи, что США должны развернуть национальную систему противоракетной обороны (ПРО) независимо от того, согласна ли Россия на модификацию договора по ПРО. Если события вокруг ПРО будут развиваться именно по этому сценарию, Россия может ответить выходом не только из СНВ-1 и СНВ-2, но и, возможно, из односторонних параллельных инициатив 1991–1992 годов.

Эта опасность не нова. Начиная с осени 1996 года, ряд российских официальных лиц предупреждал о том, что расширение НАТО, а затем и военная операция в Косово могут сделать необходимым свертывание инициатив по ТЯО и его размещение в Белоруссии, Калининградской области и на кораблях Балтийского флота. Решение США о выходе из договора по ПРО может вызвать к жизни иной сценарий обеспечения национальной безопасности США – тот, который Джордж Банн назвал «больше никакого разоружения»⁴. Такая политика будет способствовать подкреплению сомнений, которые современные российские политики испытывают относительно эффективности наследия семидесятых, восьмидесятых и девяностых годов в области контроля над вооружениями и соответствии этого наследия интересам безопасности России в новом тысячелетии. Признаки подобного переосмысления можно найти в Концепции национальной безопасности 2000 года, которая не только подчеркивает важность ядерного оружия, но и предлагает России осуществить «адаптацию существующих соглашений по контролю над вооружениями и по разоружению к новым условиям международных отношений»⁵.

Новшества в военных доктринах

Возрождению интереса к ТЯО в России и США способствует целый ряд факторов. При реализации оптимистичного сценария, при котором удастся достичь значительного сокращения стратегических вооружений, например, в условиях СНВ-3, по которому число боеголовок снизилось бы до полутора–двух тысяч, доля ТЯО в ядерных арсеналах существенно возрастет. Это может привести и к тому, что часть боевых задач будет передана ТЯО.

В России, несмотря на успехи в области сокращения СНВ, роль ТЯО возрастает

вследствие ухудшающегося состояния российских сил общего назначения и возрастающей опоры на ядерное оружие, которое выполняет функцию *дешевого ответа на революцию в военных делах* и отрыв США в технологии современных дорогостоящих обычных вооружений. Химическое оружие часто называют *ядерным оружием для бедных*, а для России ядерное оружие занимает место ультрасовременных обычных вооружений. Ренессанс ядерного оружия вообще и ТЯО, в частности, в России вызывает сожаление, но легко объясним.

Эта тенденция стала заметна еще в 1996 году, когда ряд российских официальных лиц пригрозили выходом из режима ТЯО 1991 года в ответ на планировавшееся расширение НАТО⁶. Хотя в то время эти угрозы представляли собой главным образом эмоциональную реакцию, дебаты о расширении НАТО стимулировали интерес России к ТЯО как к противовесу обычным силам НАТО, и этот интерес не уменьшился по сей день.

В 1999 году Россия начала широкомасштабный пересмотр своей военной доктрины. Стимулом для этого процесса стала война в Югославии. В идущей и сегодня дискуссии ТЯО занимает видное место. Современные российские представления о ТЯО в значительной степени основываются на американских концепциях, разработанных во время *холодной войны*, которые адаптируются к специфическим обстоятельствам, в которых Россия находится сейчас или с которыми она может столкнуться в будущих конфликтах. В то время как для НАТО ТЯО было средством сдерживания крупномасштабного нападения, то для России ТЯО должно сыграть роль средства деэскалации ограниченного конфликта, компенсируя не столько численное преимущество НАТО и США, сколько, главным образом, качественное превосходство их обычных вооружений. Новые задачи, стоящие в России перед ядерным оружием, получили название *расширенного сдерживания*⁷. Это нововведение отразилось в более плотной интеграции ядерного оружия в планирование боевых действий; примером служат учения *Запад-99*, прошедшие летом 1999 года.

Можно также заметить перемены и в российской дипломатии. Преобладающая в последнее время интерпретация Ташкентского договора о коллективной безопасности исходит из права России при определенных

условиях разместить ядерное оружие в Центральной Азии⁸. Новый подход, обозначившийся после апреля 1999 года, проявляется в незаметных, но эффективных дипломатических шагах России по ослаблению будущего договора о зоне, свободной от ядерного оружия (ЗСЯО) в Центральной Азии, о котором в настоящее время ведутся переговоры.

Со своей стороны США сохраняют небольшое количество ТЯО в Европе. Это оружие имеет сомнительную военную ценность, но Вашингтон рассматривает его как полезное с политической точки зрения – как средство подтверждения обязательств США перед своими европейскими союзниками. ТЯО также пропагандируется некоторыми вашингтонскими деятелями как незаменимое средство сдерживания возможных угроз применения биологического и химического оружия государствами-*париями*.

Интересно и важно отметить, что возрождение интереса к ТЯО в России и, в меньшей степени, в США никак не связано с динамикой изменения количества этого оружия. Арсеналы ТЯО сокращаются, по крайней мере, в четырех из пяти ядерных государствах. Угрозы для режима 1991–1992 года проистекают из изменений качественного характера, включая эволюцию военных доктрин, выходящие за рамки режима варианты развертывания, а также создание новых типов и модификаций ТЯО. Эти угрозы проистекают также из недостатков режима, которые вызваны обстоятельствами его создания.

Советско-американские инициативы 1991–1992 годов: достоинства и недостатки

17 сентября 1991 года Джордж Буш объявил о том, что США ликвидируют весь свой арсенал наземных ТЯО и снимут ядерное оружие с надводных кораблей и ударных подводных лодок. Эта инициатива, последовавшая за неудавшейся попыткой государственного переворота 19–21 августа в СССР, была вызвана растущей обеспокоенностью относительно надежности контроля над ядерным оружием в Советском Союзе. Заявление было сделано с таким расчетом, чтобы вызвать ответную реакцию, которая облегчила бы процесс консолидации ТЯО на территории России и сокращения его арсеналов.

Одна из причин, почему была избрана форма одностороннего заявления, а не переговоров,

которые могли бы завершиться заключением договора, названа в самом заявлении: ход событий требовал «быстрых и решительных действий», которых длительные переговоры обеспечить не могли. Кроме того, юридически не обязывающая инициатива могла легче получить поддержку со стороны американских военных, чем соглашение, предусматривающее механизм контроля, который, к тому же, с учетом характера вооружений, был бы более глубоким, чем любые ранее существовавшие системы контроля за соблюдением соглашений.

Михаил Горбачев без промедления и в позитивном духе откликнулся на инициативу Джорджа Буша, выступив со своим заявлением 5 октября. Оно было в основном аналогично американскому и имело лишь сравнительно небольшие отличия. Советское правительство усмотрело в обмене заявлениями возможность продвинуться к своей давней цели сокращения американского арсенала ТЯО в Европе. Вопрос о выводе ТЯО в Россию с территории других республик стоял в гораздо меньшей степени, поскольку к этому времени ТЯО было уже выведено из всех советских республик за исключением тех, где были также размещены и стратегические ракеты (Украина, Казахстан и Белоруссия). Эта операция была начата советскими военными в начале 1990 года и как раз вовремя: по крайней мере, в одном из случаев (в Азербайджане) местный Народный фронт предпринял попытку предотвратить вывод ядерного оружия.

Уловив возникшую за Западе озабоченность после неудачного августовского путча, соответствующие ведомства СССР начали подготовку к официальным переговорам по уничтожению ТЯО, и к моменту появления инициативы Джорджа Буша работа шла полным ходом. Хотя предложенный американской стороной метод разоружения пришлось принять, некоторые официальные лица в Москве все же надеялись, что вскоре удастся начать и переговоры. Когда переговоры не состоялись, это вызвало определенное разочарование. Тем не менее в начале 1992 года президент Борис Ельцин подтвердил приверженность России исполнению заявления Михаила Горбачева, лишь немного расширив его положения.

В соответствии с параллельными односторонними заявлениями 1991 года все ядерные боеголовки ТЯО должны быть переведены в центральные хранилища или

ликвидированы, за исключением ограниченного количества авиационных бомб, которые остались развернутыми (то есть потенциально готовыми к применению в течение короткого времени после получения приказа). Кроме того, инициативы охватили вооружения, классификация которых оставалась спорной, а именно крылатые ракеты морского базирования (КРМБ) большой дальности в ядерном оснащении. Масштаб сокращений (включая складирование и ликвидацию) измеряется тысячами боезарядов: самое большое единовременное сокращение ядерного оружия, превзошедшее все другие соглашения между США и СССР (Россией). Срок реализации инициатив – 2000 год⁹, и есть все основания полагать, что сокращения будут выполнены в срок.

Отсутствие официального соглашения, однако, имело своим следствием дефицит каких-либо официальных данных о наличных запасах ТЯО и о количествах находящихся на хранении, ликвидированных или развернутых боезарядов. В инициативах речь шла только о доле ядерного оружия, которая подлежала ликвидации, и это с неизбежностью привело к двум негативным последствиям, которые затрудняют российско-американский и многосторонний диалог по проблемам контроля над вооружениями: неопределенность с выполнением заявлений и значительное расхождение в цифрах.

Периодически оба государства информировали друг друга и другие страны о ходе сокращений. Этот процесс был формализован в 1997 году, когда в рамках Постоянного совета Россия–НАТО начал осуществляться достаточно регулярный обмен информацией о сокращении ТЯО. Однако и в этом случае стороны озвучивали только сведения о доле ликвидированных или складированных боезарядов, но не оглашали абсолютные цифры. В 1999 году после натовских бомбардировок Югославии контакты по линии Постоянного совета были резко сокращены, и обмен информацией по ТЯО прекратился. Можно надеяться, что он возобновится, поскольку достигнуто взаимопонимание о том, что Постоянный совет вновь начнет свою работу.

Способы укрепления режима 1991–1992 годов: уроки теории

Главным свойством международных режимов, составляющим смысл их существования, является повышение предсказуемости, достигаемое через обеспечение

транспарентности. Иными словами, государства стремятся получить информацию о намерениях и потенциале других государств, а также заинтересованы в том, чтобы предоставить аналогичную информацию о себе с целью снять опасения других стран. Транспарентность можно обеспечить различными способами, и режим 1991 года несовершенен в этом смысле по всем возможным параметрам.

Во-первых, он не является юридически обязывающим, и любая из сторон может отказаться от него без предварительного уведомления. Низкая предсказуемость порождает подозрения, и страны начинают планировать свою политику с учетом наихудших сценариев.

Во-вторых, обмен информацией минимален, что лишь усиливает неопределенность, которая вызвана следующими обстоятельствами:

- исходная информация о запасах ТЯО на момент создания режима отсутствует, следовательно, ценность обязательства сократить определенную долю от исходного арсенала ограничена;
- в отсутствие механизмов проверки невозможно удостовериться, что заявленные сокращения действительно осуществляются;
- обмен информацией о ходе сокращений производится нерегулярно, вне юридически закрепленного формата;
- режим 1991–1992 годов не ограничивает НИОКР по созданию новых типов и модификаций ядерного оружия;
- отсутствуют ограничения на производство боезарядов существующих или новых типов, а также обмен соответствующей информацией.

В-третьих, низкий уровень институционализации режима затрудняет внесение изменений или его замену на новый. В принципе, любой пересмотр инициатив уже является нарушением режима. Например, если Россия решит изменить состав вооружений без увеличения их количества или даже в контексте более глубоких сокращений (то есть развернуть наземные ракеты, взамен уменьшив число авиационных бомб), режим может рухнуть, даже вопреки желанию обеих сторон.

В-четвертых, режим ТЯО крайне уязвим по отношению к предлагаемому США

пересмотру договора по ПРО и к идущей в России переоценке ее обязательств в области контроля над вооружениями, взятых Кремлем ранее. Россия находится в процессе переосмысления своих национальных интересов, и если договор по ПРО будет аннулирован или существенно изменен, может по-новому взглянуть на другие соглашения, включая договоры о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД), СНВ-1 и СНВ-2, а также инициативы по ТЯО 1991–1992 годов.

В-пятых, отсутствие обмена данными и ограничений на развертывание (или предварительных уведомлений о передислокации ТЯО) создает дополнительную напряженность в отношениях между Востоком и Западом в сфере безопасности. Способность развернуть ТЯО в угрожаемый период может создать неопределенность относительно намерений другой стороны и страх перед превентивным применением ядерного оружия. Стремление НАТО сохранить способность развернуть ядерное оружие на территории его новых членов укрепляет подозрения России и снижает ее готовность обсуждать меры контроля над ТЯО.

Указанные выше характерные черты неофициального режима в области ТЯО дают полезный материал для оценки недостатков, присущих всем односторонним и/или параллельным мерам как методу разоружения. В последние семь лет этот метод стал очень популярен среди сторонников разоружения, возможно, вследствие затянувшейся ратификации СНВ-2 в России и разочарования общим ходом дел в российско-американском процессе сокращения вооружений. Тем не менее энтузиазм по поводу односторонних действий является не только свидетельством оптимизма, но и признанием тупика. Более того, противники разоружения также пропагандируют односторонние действия, утверждая, что договоры якобы не всегда и нужны. Можно представить, как сегодня выглядела бы дискуссия по проблеме ПРО, если бы вместо договора по ПРО существовал только неофициальный режим, состоящий из односторонних заявлений Леонида Брежнева и Ричарда Никсона.

Вне всякого сомнения, односторонние параллельные меры могут резко ускорить процесс разоружения, поскольку они позволяют обойтись без длительных официальных переговоров и еще более

сложного процесса ратификации. Они дают государствам возможность быстро осуществить шаги, которые они и так готовы сделать и нуждаются только в сигнале другой стороны, что инициатива будет поддержана. В то же время односторонним инициативам не хватает тех основополагающих характеристик международных режимов, которые гарантируют стабильность и страхуют от возможных попыток сломать режим.

Односторонние меры имеют смысл только в том случае, если после их принятия и на их основе проводятся официальные переговоры, целью которых является достижение юридически обязывающих соглашений, включающих меры контроля. В этом смысле 1991 и 1992 годы были не только временем достижений в области сокращения ТЯО, но и периодом упущенных возможностей – уникальным временем, когда США были *уже*, а Россия *все еще* за сокращение ТЯО. Короче говоря, односторонние меры наиболее эффективны как предпосылка формальных договоров, а не как их замена.

Предварительный перечень мер по ограничению и ликвидации ТЯО

Если плохой новостью является то, что российско-американский режим по ТЯО находится под угрозой, то хорошая новость состоит в том, что столь долго игнорировавшемуся вопросу, наконец, начали уделять больше внимания. Это особенно ярко проявилось в мае 1999 года на заседании Подготовительного комитета Конференции по рассмотрению Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), где на удивление большая и разнообразная по составу группа государств высказалась за неотложное рассмотрение вопроса о разоружении в области ТЯО. Наиболее активными сторонниками этой точки зрения были Финляндия, Канада, Швейцария, Иран и Нигерия. Россия выступила против внесенной председателем Подготовительного комитета в рабочем документе от 20 мая формулировки, предлагавшей «подтвердить необходимость уменьшения опоры государств, обладающих ядерным оружием, на нестратегические ядерные вооружения и начать переговоры об их ликвидации в качестве неотъемлемой части общей деятельности в сфере ядерного разоружения»¹⁰. Тем не менее руководитель российской делегации в своей речи на открытии общих дебатов в позитивном духе отметил полное и последовательное выполнение Россией инициатив по ТЯО,

выдвинутых президентом Горбачевым и подтвержденных президентом Ельциным.

Простых и легко осуществимых решений проблемы сокращения и ликвидации ТЯО не существует. Ниже приводится предварительный и ни в коей мере не исчерпывающий перечень мер, которые могут заслуживать серьезного рассмотрения. При этом в стороне намеренно оставлена оценка важных сопутствующих элементов, таких, как политическая, экономическая и бюрократическая (ведомственная), реализуемость предложенных мер, а также детали механизма контроля. За этим перечнем следует изложение первоочередных мер, нацеленных на укрепление режима 1991–1992 годов.

Меры транспарентности

Официальная открытая информация о количестве и месте нахождения развернутых и неразвернутых боезарядов ТЯО отсутствует. Аналогичным образом отсутствует информация и о ликвидированных ядерных боезарядах. Потенциально важным шагом в направлении контроля и дальнейшего сокращения ТЯО ядерных государств является обмен информацией о количествах имеющегося у них ТЯО по категориям (развернутое, в резерве/на длительном хранении, предназначенное для ликвидации). Также было бы полезно обменяться данными о ходе сокращения ТЯО с 1991 года и о распределении остающегося ТЯО по регионам.

Мораторий на развертывание

Джонатан Дин, в числе прочих специалистов, предлагал провести переговоры о введении моратория на количество и размещение ТЯО¹¹. Такой мораторий мог бы первоначально охватывать территорию применения Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ОВСЕ) – от Атлантики до Урала. Мораторий, предполагающий проведение взаимных инспекций на местах, мог бы создать основу для процесса сокращения и, в конечном итоге, ликвидации ТЯО в этом регионе.

Формализация односторонних заявлений 1991 года

Хотя односторонние инициативы 1991 года, очевидно, выполнены, этот процесс не является необратимым. Соответственно, было бы желательно кодифицировать существующие заявления в виде юридически обязывающего договора, который в идеале имел бы механизм проверки. Этот подход

предлагается представителями Швеции и Норвегии с 1996 года, но до сих пор не получил достаточной международной поддержки. На первом этапе формализации режима ТЯО 1991–1992 годов достаточно будет лишь изложить тексты соответствующих односторонних заявлений в юридически обязывающем виде. Можно было бы добавить и положения об обмене информацией по ТЯО. В дальнейшем можно было бы начать работу над более трудной задачей – переговорам по мерам контроля и более глубокого сокращения ТЯО.

Вариантом этой идеи, который мог бы быть более привлекательным для Москвы, является частичный пересмотр условий режима 1991 года при придании ему юридически обязывающего характера. Иными словами, Россия, возможно, предпочла бы развернуть ограниченное количество средств ТЯО наземного или морского базирования за счет сокращения количества средств ТЯО воздушного базирования.

Дополнительные односторонние инициативы
Можно утверждать, что роспуск Варшавского Договора лишил какого-либо смысла оправдания развертывания ТЯО в Европе доводами в области безопасности. Политические аргументы в пользу сохранения оставшегося ТЯО в Европе также устарели. Поэтому было бы желательно, чтобы США заявили о намерении в одностороннем порядке вывести все ТЯО воздушного базирования, в настоящее время развернутые в Европе, на свою территорию. Такое заявление, которое привело бы к ликвидации всего американского ТЯО в Европе, помогло бы сделать большой шаг в направлении снятия опасений России в отношении НАТО и могло бы возродить дух параллельных инициатив 1991 года.

Официальные и неофициальные ЗСЯО
Предложения о создании ЗСЯО в Центральной и Восточной Европе имеют давнюю историю. Хотя логика создания ЗСЯО в этом регионе, очевидно, по-прежнему имеет смысл, политические перспективы заключения официального соглашения на этот счет в обозримом будущем невелики. Постепенное возникновение ЗСЯО на большинстве европейской территории де-факто, тем не менее могло бы иметь место, если бы новые члены НАТО последовали примеру Норвегии и Испании о неразмещении ядерного оружия на их территориях. Другой потенциально важной мерой, направленной на сокращение ТЯО, является создание ЗСЯО в Центральной

Азии – процесс, который приобрел серьезную динамику с февраля 1997 года и вылился в проект договора, согласование которого уже почти завершено.

Рассмотрение ТЯО вне связи с другими проблемами

Поскольку ядерные государства проявили мало желания немедленно начать переговоры по ТЯО, рамками переговорного процесса по этому вопросу по-прежнему остаются переговоры по СНВ. Учитывая, что начало переговоров о СНВ-3 затянулось, а сами переговоры весьма сложны, целесообразнее было бы выделить ТЯО в отдельный переговорный форум.

Использование процесса рассмотрения действия ДНЯО

На заседании Подготовительного комитета Конференции по рассмотрению ДНЯО в 1997 году проблеме ТЯО было уделено очень мало внимания. Ряд стран-участниц договора, тем не менее, поднял этот вопрос на заседании в 1998 году, а в 1999 году к этой проблеме был проявлен уже значительный интерес. Тщательно продуманная инициатива влиятельных государств-участников на Конференции по рассмотрению ДНЯО 2000 года, касающаяся некоторых подходов к разоружению в области ТЯО, таких, как повышение транспарентности, могла бы способствовать созданию серьезной международной поддержки своевременным действиям по сокращению ТЯО. Государства-участники ДНЯО могли бы также рассмотреть возможность включения в обновленные «Цели и принципы ядерного нераспространения и разоружения» или в иной аналогичный, обращенный в будущее документ формулировки с призывом к прогрессу в области ТЯО как самостоятельной цели, обращенный в будущее, но имеющий другое название¹².

Многосторонние соглашения по ТЯО

Важной долгосрочной целью, достичь которой будет непросто, является международный универсальный договор по ТЯО, который запретил бы определенные категории ядерного оружия. Потенциальным камнем преткновения для такого многостороннего соглашения по ТЯО станет определение средств, охватываемых договором, поскольку средства, определяемые как тактические в двустороннем российско-американском контексте, могут рассматриваться другими государствами в качестве стратегических. В результате может оказаться необходимой разработка нового

определения для контекста многостороннего соглашения по ТЯО.

Приоритетные меры

Как уже говорилось выше, наряду с проблемами общего характера, которые проистекают из характеристик ТЯО, имеются и конкретные вызовы, угрожающие существованию параллельных односторонних заявлений 1991–1992 годов. Этот неформальный режим, ставший одним из крупнейших достижений в области контроля над вооружениями и разоружения в девяностые годы, очень уязвим как по отношению к новым взглядам в России на роль ядерного оружия, так и к возможному выходу США из договора по ПРО. Укрепление этого режима и создание надежных механизмов, которые предотвратили бы его эрозию и крах, должно стать приоритетной задачей.

Среди наиболее важных шагов, которые следовало бы предпринять, можно выделить следующие: *во-первых*, подтверждение Соединенными Штатами и Россией в совместном заявлении их дальнейшей приверженности односторонним заявлениям 1991 года, или, *во-вторых*, предпочтительно подписание соответствующего исполнительного соглашения. В идеале такого рода меры могли бы быть приняты на встрече Клинтона–Путина до того, как Россия решила бы возобновить производство или развертывание ТЯО. Согласие на этот счет могло бы, хотя и не обязательно, стать частью более широкой договоренности, касающейся модификации договора по ПРО и договора СНВ-3.

Было бы также целесообразно, хотя политически намного сложнее, кодифицировать существующие заявления в юридически обязывающем договоре, желательно предусматривающем обмен данными и контроль. На саммите Путина–Клинтона следовало бы предпринять согласованные усилия по достижению соглашения о начале переговоров по сокращению ТЯО. Хотя эти переговоры теоретически могут вестись и в рамках СНВ-3, этот форум уже и так перегружен другими вопросами, и, возможно, целесообразнее рассматривать проблемы ТЯО в ходе отдельных переговоров.

На начальном этапе формализация или кодификация режима потребует лишь преобразования существующих текстов

соответствующих односторонних заявлений в юридически обязывающую форму. Сюда же можно будет включить и положение об обмене информацией. На последующем этапе можно было бы рассмотреть более трудные вопросы согласования мер контроля и (или) более глубоких сокращений ТЯО. Хотя контроль над соблюдением такого режима будет очень сложным, это не должно стать непреодолимой преградой, и поиск решения может учесть уже существующие процедуры договоров СНВ, РСМД и ОВСЕ.

Задача разработки эффективных механизмов контроля, видимо, будет особо привлекательной для США, которым до сих пор пока не очень удавалось добиться транспарентности в отношении российского ТЯО. Россия со своей стороны, вероятно, настороженно отнесется к увеличению транспарентности, но при определенных обстоятельствах может оказаться восприимчивой к идее заключения юридически обязывающего договора, поскольку он повысит предсказуемость. Особый интерес для Москвы представляют в этой связи ограничения на КРМБ и возможность исключить быстрое возвращение развернутых американских ТЯО в Европу. По некоторым данным, опасения на этот счет были среди факторов, способствовавших выработке смелого предложения по ограничению нестратегических ядерных сил, которое было подготовлено в конце лета 1991 года МИД России и поддержано Генеральным штабом, но осталось невостребованным из-за одностороннего заявления президента Буша в сентябре 1991 года.

Логически рассуждая, можно представить себе целый ряд причин, по которым Россия может быть заинтересована в кодификации инициатив 1991 года. Тем не менее российские озабоченности по поводу превосходства НАТО и США в обычных (особенно в современных обычных) вооружениях, по поводу дальнейшего расширения НАТО и подготовки США к возможному развертыванию национальной системы ПРО означают, что инициатива по укреплению неформального режима по ТЯО должна исходить от США. Эта инициатива явно будет активно поддержана союзниками США в Европе, которые получают наибольший выигрыш от укрепления существующего режима и которые должны приветствовать, а не бояться последствий большей прозрачности в отношении ТЯО.

Заключение

Трудности реализации любого из вышеназванных предложений не следует недооценивать. Тем не менее последние международные события ясно показывают, что положение дел в области ТЯО остается серьезным и требует срочных и согласованных действий. Мы не можем ждать заключения СНВ-3. Мы не можем также исходить из того, что будущий СНВ-3 будет охватывать и ТЯО лишь потому, что Хельсинкское совместное заявление от марта 1997 года допускает рассмотрение мер, относящихся к ТЯО, в контексте будущего договора. Наконец, даже если удастся достичь сдвига по вопросам разоружения в области ТЯО в рамках двустороннего российско-американского диалога, этот сдвиг станет лишь первым, хотя и важным шагом на более длинном пути к глобальному уничтожению этого вида ядерного оружия.

Учитывая возобновление интереса к ТЯО в России и в меньшей степени в США, другим государствам придется сыграть более активную роль в разработке и содействии процессу контроля над ТЯО и его ликвидации. Для этого потребуются значительное политическое мужество, творческий подход и настойчивость. Однако замалчивание и игнорирование этой проблемы равнозначно примирению с возможностью того, что одно из наиболее успешных достижений в области разоружения может оказаться разрушенным и что может начаться новая гонка тактических ядерных вооружений. ■

¹В основу данной статьи положен доклад, подготовленный для конференции «Тактическое ядерное оружие», которая была проведена Институтом ООН по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИП) в Женеве 21–22 марта 2000 года. Авторы благодарят ЮНИДИП, а также государства и фонды, обеспечившие финансирование этого актуального проекта. Николай Соков выражает особую благодарность Фонду Плаушера, оказавшему содействие его исследованиям по данной проблеме.

²SIPRI Yearbook 1992: World Armaments and Disarmament, Stockholm, SIPRI, 1993, pp.85–92

³Совместное заявление о параметрах будущих сокращений ядерных вооружений, 21 марта 1997. *Дипломатический Вестник*, №4, апрель 1997, с.7

⁴Bunn George. Does NMD Stand for 'No More Disarmament'? *Disarmament Diplomacy*, December 1999, No.42, 1999, p.10

⁵Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом президента РФ от 17 декабря 1997 года №1300 (в редакции указа президента РФ от 10 января 2000 года №24). Текст размещен на официальном Интернет-сайте Совета безопасности РФ www.scrf.gov.ru.

⁶Интервью высокопоставленного сотрудника Совета обороны РФ Сергея Кортунова. Власть в России. *Бюллетень РИА Новости*, №22–28, июнь 1996; Родионов Игорь. Необходимо реформировать не части системы военной безопасности, а всю ее в целом. *Независимое Военное Обозрение*, 28 ноября 1996

⁷Термин *расширенное сдерживание* был введен Главкомом РВСН Владимиром Яковлевым в интервью с *Независимым Военным Обозрением*. См.: Григорьев Сергей. Военно-политический козырь России. *Независимое Военное Обозрение*, 17 декабря 1999

⁸Интервью с членом делегации РФ на заседании Подготовительного комитета к КР ДНЯО в 1999 году; аналогичная точка зрения была высказана другими высокопоставленными сотрудниками МИД РФ в частных беседах в 1999 и 2000 годах.

⁹Представитель МИД РФ А. Демулин, брифинг для журналистов 26 сентября 1996 года. *Интерфакс*, 26 сентября 1996

¹⁰Chairman's Working Paper at the Third (1999) Session of the Preparatory Committee for the 2000 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. 20 May 1999.

¹¹Jonathan Dean cited in William Potter. Unsafe at Any Size. *Bulletin of Atomic Scientists*, May–June 1997, p.26

¹²Принятый на Конференции 2000 года по рассмотрению ДНЯО заключительный документ предусмотрел дальнейшее сокращение нестратегических ядерных вооружений в качестве одной из целей деятельности в области разоружения.

Полемика**ЯДЕРНОЕ РАВНОВЕСИЕ И СТАБИЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ****Сергей Брезкун**

Ядерное оружие (ЯО) сегодня часто оценивается как негативный фактор в общественной жизни планеты. Призывы отказаться от ЯО нередко лукавы, поскольку за ними стоит стремление идейно (а там, смотришь, – и физически) обезоружить потенциальных или реальных соперников на политической арене. Однако среди сторонников полного запрещения ЯО есть немало и искренних людей. При всей, казалось бы, очевидности проблемы, она далеко не для всех ясна и однозначна. И коль так, то нелишне еще раз задаться вопросом: «Исчерпало ли свою роль ЯО в нынешнем и будущем мире, и какой же была эта роль на протяжении уже более полувекковой ядерно-оружейной эпохи?».

Споры о смысле и роли ЯО начались еще до его первого натурального испытания в 1945 году в Аламогордо. Тогда в США всерьез предлагалось не сбрасывать ядерную бомбу на Японию, а пригласить японских представителей на полигон в США и обеспечить устрашающий эффект просто за счет демонстрации возможностей нового оружия. Даже еще раньше – в 1943 году, один из руководителей «Манхэттенского проекта» В.Буш предлагал «продемонстрировать мощь нового оружия представителям всех Объединенных наций, организовав испытания в пустыне или на необитаемом острове»¹. Уже сама такая идея доказывала, что в мировую политику приходит качественно новый фактор. Видано ли было ранее, чтобы одна воюющая сторона рассчитывала на победу над другой, взорвав что-то там на собственной территории за тысячи километров от места боев?

В те дни ситуацию верно оценивали только ученые. Далекое от политики, они точно и дальновидно уловили политическую суть проблемы именно как ученые – то есть те, кто профессионально умеет предвидеть последствия еще не реализованных действий. Хирам Максим, работая над пулеметом, думал, что создает средство, делающее войны невозможными. Однако Хирам Максим всего лишь создал высокоэффективное автоматическое огнестрельное оружие. Иное дело – разработчики ЯО. Итогом их работы стало нечто действительно богоравное.

Впервые оказалось возможным к классическому «Все в руке Божьей» прибавить: «и в человеческой, порой – тоже». Отсюда возникал и совершенно иной уровень ответственности, качественно иной масштаб последствий.

Ученые быстро поняли, что раз возникнув, ЯО может сыграть роль в той или иной мере положительную только в том случае, если будет рассматриваться как беспрецедентное и даже абсолютное по своей эффективности политическое, а не военное средство, способное обеспечивать стабильность (или восстанавливать ее) без непосредственного применения.

Понадобились Хиросима и Нагасаки, гонка ядерных вооружений, массовые ядерные психозы пятидесятых годов, огромные средства, выброшенные на супербомбоубежища, похожие на подземные города, чтобы родилось Пагуошское движение ученых за полный отказ от ЯО. Что ж, для той эпохи такая постановка проблемы была обоснованной и объяснимой. Однако – лишь для той, когда обмен ядерными ударами рассматривался обеими сторонами как хотя и крайнее, но реальное действие, а мир еще не научился жить с ЯО, а не готовиться умирать с ним. Шведский специалист по вопросам ограничения вооружений Ян Правитц, характеризуя те времена, вполне корректен в утверждении, что в пятидесятые годы ЯО широко рассматривалось просто как более мощное оружие *обычного типа*, не представляющее особого политического значения². И то, что такой подход к ЯО был присущ прежде всего высшему генералитету ядерных держав, лишь усугубляло ситуацию.

Через четыре года после первого Пагуоша возник Карибский кризис. По иронии судьбы английский военный теоретик Лиделл Гарт напрочь отказал ЯО в праве быть «хорошим полицейским или пожарным» как раз незадолго до него³. Но кризис, если вспомнить, что слово это восходит к греческому *приговор*, стал действительно приговором идее реальной ядерной войны, где военные ядерные системы используются как классическое оружие. С момента появления первых дубин конечным назначением любого

оружия было физическое устранение одушевленных и неодушевленных материальных препятствий на пути к достижению тех или иных целей индивидуумами, группами или государствами. *Политика канонерок* из фазы стояния на рейде легко и естественно переходила в фазу обстрела и высадки десанта. И вот теперь Карибский кризис впервые убедительно доказал, что военные ядерные системы – это если и дубины, то не боевые, а *политические* и ничем иным в обществе, не склонном к самоубийству, быть не могут. Страх – как бы глубоко он не запрягивался, был отныне доминирующим чувством при оценке любой конфликтной ситуации. По мере того, как формировался *ядерный пат*, страх постепенно трансформировался в сдержанность. Поскольку сдержанность – это антоним опрометчивости, в политической жизни мира стали появляться ранее совершенно несвойственные ей черты: война более не рассматривалась великими державами как нечто способное решить их взаимные прямые или опосредованные конфликты. Впервые в мировой истории пушки перестали быть *ultima ratio rex* (последним доводом королей). Причиной же был *ядерный пат*.

Именно наличие в мире ЯО (причем – двустороннее наличие) обусловило и обуславливает глобальный мир. Это не значит, конечно, что если бы завтра все ядерные арсеналы опустели, то послезавтра началась бы вселенская драка, но... Но в шестидесятых годах тот же Никита Хрущев мог сколько угодно стучать ботинком по трибуне, сколько угодно заявлять, что *бомба* сделана для того, чтобы ее можно было применить... На деле он никогда ее не применил бы. И только потому, что она была. Впервые в истории не только глава одной державы – Никита Хрущев, сдерживал главу другой державы – Джона Кеннеди, но и Хрущев сдерживал Хрущева же, а Кеннеди – Кеннеди! В этом смысле ничего не изменилось в девяностые годы и не изменится в наступающем веке – до тех пор, пока будет в мире та мера, которая способна умерять любые страсти. Увы, эту меру опять пытаются обесценить – на первых порах идейно, концептуально. Пропагандируются идеи *безъядерного мира*; публикуются статьи о том, что ЯО как средство обеспечения глобальной стабильности устарело; работала Канберрская комиссия, настаивая на полном запрете ЯО. И это – очень опасная тенденция.

У строгих родителей не шалят даже очень активные дети, ибо знают, что наказание

неотвратимо. А что, если родители умерли, оставив детей – еще не умеющих соразмерять поступки и их последствия, наедине со сложнейшими вопросами бытия? Вероятность трагедии тогда становится слишком высокой. Увы, человечество в целом относится к жизни ребячески беспечно, и поэтому наиболее ответственные и дальновидные его представители должны бы крайне осторожно подходить как к задаче ближайшего будущего к идее устранения из мировой политики единственного абсолютного средства сдерживания крупного конфликта. Средства, неплохо в общем-то, зарекомендовавшего себя за все время своего присутствия в мире. Александр Герцен хорошо подметил, что человек не может быть более свободен внешне, чем он свободен внутренне. Как это ни странно – пояснял он, народы с меньшим для себя ущербом сносят иго принуждения, чем излишнюю свободу, к которой они не готовы. А разве готовы мы к свободе от ядерного сдерживания? Разве готовы мы к такому свободному миру, в котором никому не позволены действия, ущемляющие первейшие, неотъемлемые, природные права каждой личности?

Американский физик Фримен Дайсон 50 лет назад написал очень искреннюю и интересную книгу *Weapons and Hope* (Оружие и надежда), изданную и в СССР. Заканчивается эта книга так: «Основная задача проста. Готовы ли мы принять неустойчивый мир, в котором ядерные вооружения путем переговоров сведены к нулю? Если ответом будет *да*, надежда для нас и наших внуков жива»⁴. Но в политике очень уместен принцип *лучшее – враг хорошего*, и поэтому реалистичнее и надежнее иная постановка вопроса: «Готовы ли мы сохранять и далее устойчивый мир, в котором путем честных переговоров ядерные вооружения разумно минимизированы при отсутствии дестабилизирующих средств ПРО национальных территорий ядерных держав?» И если ответом будет *да*, то глобальный мир сохранится.

В первые годы существования ЯО Соединенные Штаты обладали атомной монополией, и фактор ЯО был потенциально дестабилизирующим. Ликвидация атомной монополии США и развитие ракетных носителей межконтинентального класса принципиально изменили роль ЯО: оно все более становилось фактором стабилизирующим. Гонка ядерных вооружений продолжалась, однако росло не только количество ядерных зарядов и их

носителей, но и понимание того, что это – гонка в никуда. Одновременно политиками была осознана – если не публично, то по факту, положительная стабилизирующая роль ЯО, и – как следствие, две основные ядерные державы начали возвратное движение в сторону вначале ограничения ядерных вооружений, а затем – и их сокращений. Такой подход можно было только приветствовать. Правда, нельзя забывать о том, что *ядерный реализм* стал возможен не столько как результат искренних осмыслений проблемы, сколько как результат выравнивания оружейных потенциалов СССР и США в восьмидесятые годы. В 1958 году, когда интегральная мощность арсенала СССР была примерно равна 200 Мт, а США – 17000 Мт, США о необходимости сокращения ядерных вооружений не говорили, поскольку тогда такие сокращения означали бы физическую ликвидацию ЯО только Соединенных Штатов.

Однако так и или иначе, но к середине восьмидесятых годов никакие серьезные военные конфликты, осуществляемые, инициируемые или поддерживаемые любой ценой основными субъектами мирового политического процесса стали невозможными. Локальные войны типа вьетнамской или афганской были политически бесперспективны и приносили реальные дивиденды только западным торговцам оружием. Кампания по развалу СССР открыла новую эпоху нестабильности. Югославия здесь – лишь надводная часть айсберга, а сам айсберг способен уже в ближайшее десятилетие пустить ко дну корабль мирового сообщества так же.

Сегодня Запад и его лидер – США, вознамерились лишить мир одного из его полюсов – российского. Здесь нет натяжки – об этом достаточно откровенно говорят сами американцы. В конечном счете, такая линия губительна для самого Запада, ибо наиболее вероятным итогом может стать мировой катаклизм. Мои коллеги-физики любят приговаривать: «природу не обманешь», и в том, безусловно, правы.

Правда, иногда раздаются голоса (например, генерал-полковника Леонида Ивашова), предрекающие-таки миру грядущую биполярность по иной оси: Пекин–Вашингтон, но с таким взглядом вряд ли можно согласиться. Роль различных цивилизационных факторов в общемировой истории и их взаимоотношения – это очень тонкий и неоднозначный вопрос. И не стоит

нам так легко списывать со счетов главенствующий фактор России в пользу кого бы то ни было. Разрушение российского цивилизационного начала лишит мир конструктивной перспективы и почти автоматически запрограммирует глобальную катастрофу. Гарантом же сохранения российской самобытности и государственности сейчас все более становится именно ядерно-оружейный статус.

Кстати, бесполезно задаться и таким вопросом: «А как надо расценивать ЯО США? Америка явно стремится к роли мирового жандарма, Америка явно претендует на единоличную монополию в решении судеб мира. Так, может, утрата Америкой ее ядерно-оружейного статуса была бы для мира благом?» При всем соблазне ответить утвердительно, я все же вынужден здесь ответить – нет. И вот почему. Проведем мысленный эксперимент: все ЯО США в одночасье исчезло. При этом сохраняются их обычные вооружения. Внешний мир теперь уже не опасается ЯО США и может открыто и активно проявлять десятилетиями таившийся антиамериканизм. Приведет ли это к установлению нового процветающего мира, где США уже не будут обеспечивать себе необоснованные преимущества, а остальные народы вследствие этого будут наращивать внутреннее благосостояние? Вряд ли! Вспомним Александра Герцена: нельзя быть свободным внешне более, чем внутренне. Мир должен стать взрослее, ответственнее, возвышеннее перед тем, как освободиться от гегемонии США. И только такому миру Америка вынуждена будет уступить к собственному же глубинному интересу, ибо огромная Америка имеет ту же планетную Родину, что и маленькая африканская республика. Иначе в гипотетическом случае утраты ЯО Соединенными Штатами мы тоже будем иметь – хотя и на иной манер, глобальную нестабильность с весьма вероятно катастрофическими последствиями.

То есть, и у ЯО США есть свое – пусть и со зловещим оттенком, но охранительное, положительное глобальное предназначение.

В целом же, ядерные вооружения планеты (и прежде всего – российско-американские) можно рассматривать как некую единую, взаимосвязанную и взаимозависимую глобальную военно-политическую систему низового, так сказать, действия. В военно-техническом отношении сменилось уже не менее трех поколений этой системы, а в

военно-политическом отношении она уже *отвоевала* несколько мировых войн – но все, к счастью, лишь на штабных картах. Эту систему можно сравнить с таким крупным банковским вкладом, когда разумный человек может безбедно и спокойно жить лишь на проценты с него, никогда не касаясь самого вклада. В этом случае для вкладчика вклада как бы не существует, но достойная жизнь обеспечена все же тем, что вклад все-таки есть! Вот так и ЯО великих ядерных держав. Его нельзя пускать в дело, но его наличие (и только его наличие!) обеспечивает нам проценты в виде мира и... И – пусть не идеальной, но все же глобальной стабильности. Иногда, впрочем, как в США, так и в РФ высказываются мнения о том, что ЯО в каких-то ситуациях применимо. Но лично автор видит лишь один случай, когда ЯО России может быть применено: широкая, развивающаяся и успешная внешняя агрессия против нашей территории. Не думаю, что подобное возможно до тех пор, пока у России есть ее ЯО.

ЯО все эти бурные внешне и весьма серые внутренне последние десятилетия XX века служило не войне, а делу сохранения хрупкого глобального мира. И поэтому ядерное оружие должно стать не первым, а последним оружием, с которым расстанется человечество. А когда это может произойти? Очевидно тогда, когда человек на планете станет внутренне свободным и это новое его состояние приведет к глобальной внешней свободе. В этом новом состоянии человечества мирный способ решения противоречий станет единственно приемлемым и возможным. И только тогда станет неприемлемым и невозможным дальнейшее существование на Земле любых ядерных вооружений.

Объективному видению проблемы ЯО мешает то, что она пронизана политическими амбициями и иллюзиями, стремлением к гегемонии, желанием выдать черное за белое и наоборот. Но это обстоятельство не устраняет из проблемы важнейшего и отнюдь не академического философского аспекта.

Можно лишь сожалеть, что эта сторона дела по сей день фактически не разработана совместными усилиями, прежде всего основных ядерных держав, хотя и участие неядерных государств здесь было бы нелишним. В СССР на ядерные темы – особенно если иметь в виду публичное рассмотрение их ядерщиками-вооруженцами, было наложено безусловное *табу*. Феномен

Андрея Сахарова лишь подтвердил этот факт. Знаменитые книги маршалов Василия Соколовского и Николая Огаркова и ряд трудов официальных советских политологов глубиной и всесторонностью не отличались. На Западе (особенно в США) проблему исследовали давно и активно, однако и там общий подход был далек от требуемого. Изменилось ли что-то сейчас? Нет. Конечно, сегодня в одной только Москве опубликованы сотни проблемных статей в десятках изданий, появились монографии, но говорить о неких концептуальных прорывах, увы, не приходится. Имея возможность наблюдать процесс и изнутри, и со стороны, участвовав в двух Пагуошских встречах, автор нигде и никогда не находил атмосферы подлинной, то есть нестесненной и откровенной дискуссии – как печатной, так и устной, где коренные философские и системные вопросы ядерно-оружейной проблемы рассматривались бы адекватно их сложности и важности. Хотелось бы надеяться, что такие дискуссии еще впереди. Они нужны, тем более, что общая обстановка вокруг ядерно-оружейной проблемы сейчас становится все более тревожной как в концептуальном, так и в практическом отношении.

Политика государств и обществ в основе своей имеет – наряду с экономическими и финансовыми интересами, и психологию. Давно сказано, что скорлупа беззакония (а можно сказать – и безответственности, недалекости) плавают в океане глупости. И в том же *океане* плавают вообще все боли и горькие проблемы человечества. Неодушевленный мир существует в сфере законов непреложных и одинаковых для всех эпох. На Архимеда действовала такая же выталкивающая сила, какая действует и на любого современного бизнесмена с габаритами Архимеда.

Иное дело – одушевленный мир человечества. В нем многие (не все) законы (не юридические законы, а законы общественного бытия) возникают, действуют, а затем объективно ослабевают и уступают место новым законам. Но пока конкретные законы действуют, их нельзя ни отменить, ни обойти – как и законы неодушевленной природы. Их можно только игнорировать, не считаться с ними, но тогда они отомстят нарушителям с той же неумолимостью, что и игнорируемые природные законы.

В двойственности общественных законов для исследователя таится одна редко понимаемая

опасность. Физик, анализирующий микромир, будет профессионально состоятельным, лишь отбросив эмоции и положившись исключительно на свой интеллект. Социальный же аналитик напротив – не может быть состоятельным, если его анализ лишен страсти и публицистичности. Тот, кто пытается сухо оперировать цифрами и кривыми, оценивая военно-политические вероятности, и не учитывает как неперенный объективный фактор человеческое сердце, просто не сумеет прийти к верным выводам, которые впоследствии подтвердит сама жизнь. Сегодня так же вредны как лихие публицисты, не склонные одновременно к анализу, так и квазиакадемичные аналитики, боящиеся публицистичности в своей работе. Более того, нежелание или неумение ввести в анализ человека – с пониманием как совершенств, так и несовершенств его, просто опасны, потому что программируют выводы поверхностные и неверные. А неверные выводы в военно-политическом анализе все более чреватны не просто профессиональной несостоятельностью, а чем-то несравненно более серьезным и трагичным.

Ядерное оружие необходимо современному несовершенному миру и будет необходимо ему в обозримой перспективе. При этом не столь важно само по себе количество ЯО, сколько его сдерживающие способности, реализуемые лишь в условиях паритета! Попытки слома паритета, наряду с попытками дезавуировать ЯО как глобальный военно-политический институт – это и есть попытки снизить уровень глобальной стабильности и безопасности. И с этой точки зрения равно опасны как планы США по развертыванию национальной противоракетной обороны, так и ослабление ядерного статуса России. А вот количественные сокращения ЯО при сохранении сдерживающей структуры его; меры по максимальной концентрации ЯО на национальной территории ядерных держав (то есть переход преимущественно к наземной компоненте при полном отказе от воздушной и резком сокращении морской компоненты, включая сюда и отказ от большей части подводных лодок с ядерными баллистическими ракетами) – это все меры разумные и стабилизирующие. Следующим шагом здесь могла бы стать взаимная и строго контролируемая *деактивация* основного арсенала ракетных носителей стратегического

ЯО, что сразу же снизило бы угрозу ошибочных поспешных действий.

«Ядерное оружие означает возможность уничтожения человечества за считанные минуты. И это – не теоретическая или академическая возможность. В разгар *холодной войны* существовала ужасная аббревиатура ВГУ – *взаимное гарантированное уничтожение*, и описание Макнамарой Кубинского ракетного кризиса показывает, насколько мы были близки к последней катастрофе»⁵.

Да, кризис был серьезнейшим испытанием. Но ведь если бы тенденция балансирования на грани войны действительно получила после Карибского кризиса дальнейшее развитие, то вероятность ядерного апокалипсиса прогрессирующе нарастала бы. Однако на деле она прогрессирующе снижалась, а к середине восьмидесятых годов стала практически нулевой. 21 ноября 1985 года в совместном советско-американском заявлении было констатировано: «Обсудив ключевые вопросы безопасности, стороны, сознавая особую ответственность СССР и США в деле сохранения мира, заявляют, что ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителей».

Вот подлинная практическая трансформация ядерной проблемы – от реальной Хиросимы к виртуальной ядерной войне *карибского* происхождения и от нее – к торжественному отказу от ядерной войны как таковой на высшем государственном уровне, к *ядерному пату*, сохраняющему ЯО на местах его штатной эксплуатации до тех пор, пока этот пат существует. Отсюда следует и графический образ ядерного фактора – не тень человека на хиросимской стене, а весы, находящиеся в равновесии. ■

¹Иойрыш Абрам. Ядерный джинн. М., ИздАТ, 1994, с.144

²Тимербаев Роланд. Россия и ядерное нераспространение. 1945-1968. М., Наука, 1999, с.118

³Гарт Лидел. Устрашение или оборона? М., Воениздат, 1962, с.190

⁴Дайсон Фримен. Оружие и надежда. М., Прогресс, 1990, с.283

⁵*Pugwash Newsletter*, No.1, Vol.36, April 1999, p.18

Обзор**НЕЛЕГАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ ВООРУЖЕНИЯМИ В АФРИКЕ И МЕХАНИЗМЫ ЕЕ ОГРАНИЧЕНИЯ****Дмитрий Поликанов**

Проблемы ограничения нелегальной торговли обычными вооружениями приобретают в настоящее время все большую актуальность. Именно обычные вооружения, чаще всего стрелковое оружие, способствуют эскалации конфликтов, росту преступности и общей дестабилизации обстановки в различных регионах мира. На сегодня в обращении находится около 500 млн единиц легкого и стрелкового оружия, 40% которого приходится на нелегальные поставки. Не случайно в мае 1999 года рядом неправительственных организаций была начата кампания по усилению контроля над экспортом легких вооружений, наподобие акции по запрещению использования противопехотных мин. Инициатива ООН по созданию регистра обычных вооружений, начатая в 1992 году, также направлена на ограничение экспорта и импорта оружия и укрепление мер доверия.

Одним из регионов, где незаконная торговля вооружениями вызывает особую озабоченность, стал в девяностые годы Африканский континент. В соответствии с докладом Государственного департамента США, Африка после *холодной войны* стала основным получателем оружия от производителей в развитых странах, торопящихся освободить склады от арсеналов, накопленных во времена биполярной конфронтации¹. В документах Генерального секретаря ООН, Совета безопасности ООН, Организации африканского единства (ОАЕ) и выступлениях ведущих африканских политиков все чаще звучат призывы к созданию механизма контроля над незаконной торговлей обычными вооружениями, которые являются основным видом оружия, используемым в конфликтах на континенте.

Данная статья представляет собой попытку рассмотреть три основных аспекта проблем *серой* и *черной* торговли обычными вооружениями в Африке. Речь идет о следующих факторах:

- причины увеличения объемов такого рода торговли, выявление основных поставщиков и посредников;

- рассмотрение получивших широкий международный резонанс случаев нарушения эмбарго ООН на поставки оружия в страны, охваченные конфликтами;
- изучение механизмов ограничения нелегальной торговли оружием.

Не вызывает сомнения, что при разработке данной темы исследователь неизбежно сталкивается с проблемой ограниченности фактического материала. Если информация об официальной торговле вооружениями, в принципе, доступна, то при изучении вопросов нелегального экспорта-импорта оружия приходится опираться на разрозненные сообщения из различных источников, не все из которых подтверждаются затем на государственном уровне. Чаще всего внешнеполитические и торговые ведомства, напротив, пытаются отрицать какую-либо причастность своей страны к подобным *внешнеэкономическим* операциям, ссылаясь на отсутствие данных или на проблемы контроля над деятельностью отдельных компаний. В силу вышеизложенных причин в настоящей статье акцент делается на оценке нелегальной торговли вооружениями в Тропической Африке в 1998–1999 годах, хотя в ряде случаев используются и данные о более ранних поставках.

Необходимо отметить и сближение таких понятий, как *серый* и *черный* экспорт вооружений, под влиянием сращивания государственных структур и криминальных объединений в странах СНГ и Восточной Европы, являющихся основными агентами нелегального рынка обычных вооружений, в том числе и в Африке. Под *серым* экспортом подразумеваются «поставки оружия, военной техники и оборудования и технологии их производства, а также изделий двойного назначения, осуществляемые различными государствами или их отдельными органами в нарушение норм международного права или обычая». Такие поставки являются незаконными с международной точки зрения, могут нарушать и национальное законодательство, но обязательно

предполагают вовлечение в транзакции государственного аппарата страны-продавца. *Черный экспорт* – это «передачи вооружений, осуществляемые в нарушение национального законодательства страны и без санкции ее государственных органов»².

Нелегальная торговля оружием в Африке: кто виноват?

Если в условиях *холодной войны* поставки обычных вооружений на Африканский континент осуществлялись, главным образом, сверхдержавами и их союзниками по блокам в силу идеологических причин, то с окончанием периода глобальной конфронтации во главу угла были поставлены принципы коммерческой выгоды. Причем экспорт оружия является как основным источником финансирования деятельности военно-промышленного комплекса в ситуации, когда оборонные заказы резко сокращаются, так и инструментом обогащения для разного рода криминальных групп. Налицо определенный замкнутый круг, своего рода *круговорот грязных денег*. Ведь средства для закупки вооружений стороны конфликта (особенно если речь идет о *черном экспорте*) получают от добычи примитивными способами полезных ископаемых (в частности, добычи алмазов повстанцами в Сьерра-Леоне и Анголе), а также наркобизнеса. Ярким примером последнего является деятельность сепаратистов в одном из районов Сенегала – Казамансе, который вот уже несколько лет занимает третье место в Африке (после Нигерии и Ганы) по выращиванию индийской конопли. Большинство поставок вооружений для Демократического движения за свободный Казаманс (ДДСК) оплачиваются деньгами местных дельцов наркобизнеса, заинтересованных в продолжении конфликта и поддержании нестабильности.

Следует также учитывать тот факт, что легальный рынок оружия имеет ограниченную емкость, имеющую тенденцию к дальнейшему сокращению из-за появляющихся ограничений институционального, политического и правового характера³, что, в свою очередь, способствует росту *черного* рынка оружия. Заинтересованы в таких поставках и противоборствующие стороны в конфликтах, которые сталкиваются с необходимостью постоянно пополнять свои арсеналы, но не имеют возможности сделать это из-за наличия международного эмбарго или государственного контроля (в случае если боевики представляют группировку, оппозиционную правительству). Более того, в

Африке, где вооруженные конфликты отличаются высокой интенсивностью не в последнюю очередь из-за того, что стороны не обладают потенциалом взаимного уничтожения, именно легкие вооружения, не требующие для производства каких-либо высоких технологий и потому наиболее дешевые, чаще всего используются в военных действиях. По разным оценкам, на континенте находится около 20 млн единиц обычных вооружений⁴, которые перебрасываются из страны в страну и используются боевиками и преступными синдикатами.

Кто же основные виновники нелегального оборота обычных вооружений в Африке? В первую очередь, это страны Восточной Европы и СНГ, среди которых особым *рвением* отличаются Белоруссия, Болгария, Россия и Украина. Подобному положению способствует целый ряд факторов:

- страны Восточной Европы и СНГ не обладают достаточно надежной системой экспортного контроля. Речь идет о несовершенстве существующих механизмов лицензирования экспорта и определенной прозрачности границ на пространстве бывшего СССР;
- в ряде случаев криминализованные государственные структуры способствуют перемещению обычных вооружений в нарушение норм международного права и национального законодательства с целью личного обогащения;
- недостаточное государственное финансирование оборонного комплекса вынуждает предприятия этой отрасли искать дополнительные внебюджетные источники для того, чтобы обеспечить собственное выживание в условиях непрекращающегося экономического кризиса;
- процессы сокращения обычных вооружений приводят к появлению большой массы невостребованного оружия, которое не может быть легально реализовано на мировом рынке в силу существующих ограничений. В результате списанные вооружения уходят по демпинговым ценам в горячие точки планеты;
- необходимо учитывать процессы модернизации вооруженных сил, происходящие как в России, так и в странах Восточной Европы. Переход ряда стран на вооружения, соответствующие техническим стандартам НАТО,

заставляет их избавляться от оружия советского производства.

Одним из крупнейших нелегальных экспортеров вооружений на африканском рынке является Болгария, которая часто поставляет вооружения обеим сторонам конфликта, руководствуясь исключительно соображениями коммерческой выгоды. Так, с мая 1998 по июнь 2000 года продолжалась война на границе Эфиопии и Эритреи. В июле 1998 года Болгария доставила в Эритрею по меньшей мере 19 грузов с вооружениями (автоматы Калашникова болгарского производства, боеприпасы к ним и гранаты) в течение двух недель, используя зафрахтованные украинские транспортные самолеты. А уже в декабре 1998 года Болгарией была достигнута договоренность с Эфиопией о продаже большой партии танков Т-55. Похожая ситуация наблюдалась и в Анголе, где болгарские вооружения неоднократно поставлялись одновременно и правительству Анголы, и оппозиционной группировке УНИТА (последнее является прямым нарушением эмбарго ООН). Болгария экспортировала оружие в Бурунди, как правительству (которое находилось под действием регионального эмбарго с августа 1996 года до января 1999 года), так и мятежникам. Поставки осуществлялись с помощью бельгийских пилотов через базы в ЮАР, Анголе и бывшем Заире. Продаже оружия повстанцам Бурунди способствовал их тактический союз с остатками бывших Вооруженных сил Руанды (ФАР), ответственных за геноцид 1994 года. Оружие доставлялось одной из групп, а далее распределялось между отрядами мятежников⁵.

Одним из активных участников рынка вооружений является Украина. Речь идет не только о факте поставок тактических ракет Ливии в 1996 году, который не получил официального подтверждения со стороны правительства Украины⁶. Возможно, данный скандал был вызван исключительно политическими и экономическими мотивами, связанными с условиями предоставления Украине американской помощи, и намерением таким образом ухудшить американо-украинские отношения. Однако были и другие случаи нарушения Украиной или ее отдельными дельцами эмбарго на поставки вооружений, не говоря о том, как часто используются для незаконных перевозок оружия украинские самолеты и летчики⁷.

Например, в 1997 году правительство Нигерии, предоставлявшей основной контингент для сил Группы военных наблюдателей Экономического сообщества западно-африканских государств (ЭКОМОГ) в Сьерра-Леоне, официально обвинило Украину в поддержке военной хунты, свергнувшей демократически избранное правительство и захватившей власть в стране. По данным министерства обороны Нигерии, украинские военные корабли находились в территориальных водах Сьерра-Леоне, а украинские военные специалисты занимались обучением офицеров режима, находившегося под действием санкций ООН и Экономического сообщества западно-африканских государств (ЭКОВАС) и непризнанного международным сообществом. Украина осуществляла также поставки вооружений и военной техники этому режиму⁸.

Оружие из Украины, Белоруссии и Армении направлялось в 1997 году бойцам ДДСК в Сенегале. Причем, очевидно, что осуществлялись и поставки тяжелых вооружений, наличие которых у повстанцев стало неожиданностью для правительственных войск⁹.

Украинские вооружения неоднократно поставлялись ангольским повстанцам УНИТА, против которых введены международные санкции. В частности, Украина фактически сформировала воздушный флот УНИТА, нарушив монополию правительства Анголы в области обладания средствами ВВС. В марте 1999 года УНИТА получил шесть истребителей МиГ-23 и шесть вертолетов Ми-24, появление которых у повстанцев серьезно осложнило положение правительства на фронтах¹⁰. Кроме того, ранее украинские и болгарские торговцы сумели поставить УНИТА 60 танков Т-55, гаубицы Д-30, 106-мм полевые орудия и ЗУ-23 советского производства, ракетные комплексы *Град*, БМП-1 и БМП-2¹¹.

В декабре 1999 года повстанцами Демократической Республики Конго (ДРК) был задержан самолет Ан-26Б с российским экипажем и грузом оружия на борту (боеприпасы для стрелкового оружия, артиллерийские и минометные снаряды, гранатометы и минометы). Самолет был нанят бельгийской компанией FILAIR для переброски вооружения и боеприпасов из Киншасы в восточные провинции ДРК для правительственных сил. Наиболее

подозрительным в данном случае является тот факт, что оружие было упаковано в ящики с надписью «детали для пишущих машинок» и поставлено в столицу ДРК *Укроборонсервисом* в октябре 1999 года¹². Благодаря посредническим усилиям ливийского лидера Муамара Каддафи, экипаж был освобожден в конце декабря 1999 года и передан российскому посольству в Триполи.

Из всех стран СНГ наиболее совершенная система контроля над поставками вооружений существует, пожалуй, в России. Большинство из них осуществляется и осуществляется по межгосударственным соглашениям в то время, как количество случаев нарушения международных эмбарго незначительно. Поэтому *серость* российского экспорта заключается, главным образом, в нарушении международного обычая – воздерживаться от поставок вооружений в зоны боевых действий, – что не менее характерно и для других участников рынка вооружений.

Основным получателем военной техники стала Ангола, с правительством которой Россию связывают традиционно дружественные отношения. Одной из вех в развитии военнотехнического сотрудничества с Анголой стал визит министра обороны РФ Игоря Сергеева в Луанду в августе 1998 года. Во время визита стороны договорились о ремонте и модернизации вооружений ангольской армии, а также о создании совместных предприятий для этих целей¹³. Фактически Россия стала главным поставщиком оружия для правительства Эдуарду душ Сантуша, которое так же, как и УНИТА, использовало мирный процесс для подготовки к военной операции с целью сокрушить противника. В 1997 году Ангола закупила у РФ новые боевые вертолеты и заказала 20 истребителей-бомбардировщиков Су-24¹⁴. В ноябре 1998 года в Анголу начали поступать многоцелевые истребители МиГ-23, и началось восстановление уже имеющихся у Анголы МиГ-21 и МиГ-23¹⁵. В апреле 1999 года появились сообщения о новой сделке с Россией, оцениваемой почти в миллиард долларов¹⁶, включая закупку самолетов и танков Т-72. После срыва мирного процесса и активного возобновления военных действий осенью 1998 года Россия, как член *тройки* наблюдателей за соблюдением Лусакского протокола 1994 года, должна была бы всячески содействовать возвращению сторон за стол переговоров, а не поддерживать правительство в его стремлении наголову разбить УНИТА, возглавляемый Жонасом

Савимби. Но учитывая то, что два других члена *тройки* – Португалия и США – также отвергли принцип беспристрастности и заявили об открытой поддержке Эдуарду душ Сантуша, а ООН справедливо, в принципе, обвинила Жонаса Савимби в нарушении договоренностей, российская позиция не менее оправдана¹⁷.

Однако нельзя оправдать те нелегальные поставки вооружений из России, которые шли в обход эмбарго ООН для УНИТА. УНИТА значительно укрепилась в результате перевооружения и не только за счет украинской техники, но и благодаря, например, поставкам российских неуправляемых ракет (НУР)¹⁸. В 1997 году ангольская полиция задержала российское судно с грузом оружия на борту, якобы направлявшееся в Экваториальную Гвинею¹⁹. В 1998 году власти ЮАР задержали четыре самолета российской принадлежности, использовавшихся в нарушение санкций ООН²⁰.

Большой резонанс вызвало задержание испанской полицией рыболовных судов России, нелегально перевозивших различные вооружения, включая автоматы и гранатометы, из Марокко через Канарские острова предположительно в такие страны, как Ангола, Сьерра-Леоне и Конго²¹.

В апреле 1999 года появились сообщения о намерении правительства Зимбабве закупить крупную партию оружия и боеприпасов из России, включающую 10 вертолетов Ми-24. Предварительные переговоры были проведены министром юстиции Эммерсоном Мнангава во время его визита в Россию, а объем сделки должен был составить около миллиарда зимбабвийских долларов (или около 26 млн долл. США). Это соглашение не вызвало бы особого резонанса, если бы не тот факт, что частичное финансирование должно было осуществляться правительством ДРК, которая охвачена вооруженным конфликтом, а оружие должно было быть использовано в борьбе с повстанцами ДРК²². Подозрения прессы вызвал и тот факт, что правительство Зимбабве вело переговоры об этих поставках в обход существующих механизмов (то есть с привлечением министра юстиции и личного помощника президента страны Роберта Мугабе, а министр обороны страны вообще заявил о том, что «мы еще не закупили никаких вооружений у России»²³. Ранее, в 1998 году Зимбабве уже закупила у России вооружения более, чем на 54 млн долл.²⁴.

Очевидно, подобная секретность сделки была связана с желанием правительства обойти вопрос о расходах на оборону, которые увеличились после ввода воинского контингента в Конго, что вызвало резкую критику со стороны парламента и оппозиции в Зимбабве.

Еще одним давним союзником России является Эфиопия, которая в мае 1998 года вступила в войну с Эритреей. Несмотря на многочисленные усилия международного сообщества по урегулированию конфликта, вплоть до июня 2000 года обе стороны вели широкомасштабные военные действия с применением тяжелых вооружений, авиации и т.п. ООН и ОАЕ призвали воздержаться от поставок вооружений в данный регион²⁵, что, действительно, позволило бы снизить напряженность через истощение и устаревание арсеналов двух государств. Однако в декабре 1998 года в Эфиопию были направлены четыре истребителя Су-27, несколько вертолетов Ми-24 и Ми-8, а также боеприпасы к авиатехнике и средства наземного обеспечения на общую сумму в 150 млн долл²⁶. В то же время было заявлено о закупке российских МиГ-29 Эритреей²⁷.

Российская позиция в данном случае определяется не только внешнеполитическими, но и экономическими соображениями, о чем говорят поставки оружия в регион вообще и поставки оружия Эритрее, в частности. Официальная позиция МИДа заключается во всесторонней поддержке мирного урегулирования, что выразилось в попытках стать посредником в данном конфликте. Однако есть информация о том, что, помимо вооружений, в боевых действиях с обеих сторон участвуют российские и украинские летчики и военные специалисты²⁸. На официальном уровне Россия и Эритрея этот факт отрицают, заявляя, что летчики и военные специалисты находятся в Аддис-Абебе и Асмаре, вдали от приграничных районов, где и развернулись бои.

Можно констатировать, что африканские нелегальные рынки вооружений во многом повторяют ситуацию, сложившуюся и в других регионах мира, где основными внешними поставщиками *грязного* оружия являются компании из Китая, Восточной Европы и бывшего СССР, распродающие остатки советской техники по низким ценам, руководствуясь, главным образом,

намерением получить краткосрочную экономическую выгоду.

Большую роль в организации нелегальных поставок оружия играют и сами африканские государства, поддерживающие ту или иную группировку на территории соседней страны. Следует заметить, что именно они чаще всего являются главными посредниками в *серой* и *черной* торговле оружием, либо предоставляют свою территорию для перевалочных пунктов контрабандистов. Часто предметом торговли становится оружие, оставшееся после прекращения военных действий в одной из зон конфликта. Приведем лишь несколько примеров.

Одним из районов, охваченных вооруженными конфликтами высокой интенсивности, является Центральная Африка и прилегающие к ней государства Южной Африки. Это прежде всего Ангола, Бурунди, Демократическая Республика Конго (бывший Заир), Зимбабве, Конго, Намибия, Руанда, Уганда, Центральноафриканская республика (ЦАР). В регионе несколько раз менялось соотношение сил и состав противоборствующих блоков:

1990–1994 годы – гражданская война в Руанде. Силы Руандийского патриотического фронта (РПФ) и Уганда против ФАР и Заира;

1996–1997 годы – гражданская война в Заире. Отряды Альянса демократических сил за освобождение Конго-Заира во главе с Лораном-Дезире Кабилой, Уганда, Руанда (во главе с правительством РПФ, победившим в гражданской войне) и Бурунди против правительства Заира (во главе с президентом Заира Мобуту Сесе Секо, формирования бывших ФАР, повстанцев Бурунди и Уганды, боевиков УНИТА (Ангола));

1997 год – гражданская война в Конго. Оппозиция Конго во главе с бывшим президентом Дени Сассу-Нгессо, вооруженные силы Анголы (ФАА), отряды Альянса демократических сил ДРК против правительства Паскаля Лиссубы, формирования бывшей армии Заира и боевиков УНИТА;

1998–1999 годы – гражданская война в ДРК. Правительство Лорана-Дезире Кабилы, вооруженные силы Зимбабве, Намибии, Анголы, остатки формирования ФАР против повстанцев-тутси, Уганды, Руанды, УНИТА.

Имея представление о военных альянсах, можно предположить и направление основных потоков вооружений. Про события в Руанде в 1994–1996 годах и про действия УНИТА более подробно будет сказано ниже. А пока остановимся на Уганде. В этой стране расположен один из крупнейших аэропортов Энтеббе, который служит перевалочным пунктом для поставок вооружений в различные районы Африканского континента. Во время войны в Заире в 1996–1997 годах власти Уганды во главе с президентом страны Йовери Мусевени были заинтересованы не только в ликвидации баз боевиков на территории соседнего государства, но и в получении коммерческой выгоды за счет продажи оружия, высвобождающегося в процессе модернизации угандийской армии²⁹. Подобные цели преследовали и поставки оружия через Уганду для УНИТА.

Помимо прочего, Уганда является одним из крупных импортеров оружия в этом регионе. При этом озабоченность международных кредиторов вызывает увеличение военных расходов страны в последние два–три года, что связано с активизацией боевых действий против повстанцев (в частности, и на территории Судана³⁰), а также участием Уганды в войне в соседней ДРК. Финансирование сделок с оружием является и объектом добычи коррумпированных чиновников. Так, в октябре 1998 года было объявлено об аннулировании государственного заказа с одной из стран СНГ на поставку и обслуживание четырех вертолетов на сумму 12 млн долл. Сделка была подготовлена в спешке, так как авиатехника была срочно нужна для проведения операции против лагерей боевиков. Парламентское расследование показало, что военные чины минимум в два раза завысили сумму контракта³¹.

Кроме того, в сентябре 1999 года после обострения отношений между Руандой и Угандой появились сообщения о наличии у обеих стран противотанковых управляемых ракет (ПТУР) *Red Arrow-73C* китайского производства³², которые использовались ими в стычке между подразделениями двух стран. Очевидно, что появление этих ракет стало определенным прорывом в боевых возможностях армии Уганды и Руанды. Причем, вероятно, оружие было получено именно по нелегальным каналам, поскольку известно, что КНР поддерживает в войне в ДРК правительство Кабилы и Зимбабве.

Говоря о Руанде, следует отметить и ее вклад в поставки вооружений в соседние страны, в частности для повстанцев в ДРК. В сентябре 1999 года в Кигали прибыл некий гражданин Израиля Дэнни Решеф, якобы представлявший министерство обороны Израиля, для ведения переговоров о продаже Руанде самолетов российского производства МиГ-21 БИС и МиГ-21 УМ, а также Су-22. Дэнни Решеф оказался сотрудником компании *Air Defense Consultants*, офисы которой расположены в Израиле и Бурунди³³. Компания ведет активную деятельность в регионе и имеет сомнительную репутацию, будучи вовлеченной в ряд сделок о поставке самолетов плохого качества из Восточной Европы в Уганду. Следует учитывать тот факт, что правительство Израиля официально не продает вооружения в регионы, охваченные вооруженными конфликтами³⁴. Правда, в этом случае трудно оценить сделку между государственной компанией *Israeli Aircraft Industries* и Угандой о модернизации семи МиГ-21, закупленных около 20 лет назад в Польше, учитывая, что Уганда официально признала открытую вовлеченность в конфликт в ДРК, не говоря уже о борьбе с собственными повстанческими движениями³⁵.

Кроме того, вот уже около года длится история с руандийскими военными вертолетами, задержанными на территории Свазиленда. Вертолеты были разобраны и перевозились как обычный груз якобы в ЮАР для ремонта. Власти Свазиленда арестовали груз до получения удовлетворительных объяснений со стороны Руанды о странном характере перевозки и о причинах посадки транспортного самолета с этим грузом именно в Свазиленде без особой на то необходимости³⁶.

Интерес Руанды к авиатехнике выразился в переговорах о поставке боевых вертолетов из России с предприятия в Казани³⁷, которое уже продало Руанде несколько транспортных вертолетов Ми-8МТВ. Руандийские официальные лица отрицают наличие такой сделки, заявляя об отсутствии планов закупать новую авиатехнику в ближайшее время³⁸, что, в частности, несколько не согласуется с вышеупомянутым фактом переговоров с израильской компанией.

Для стран региона, открыто не втянутых в конфликт, нелегальная торговля оружием создает серьезные проблемы, поскольку часто их территория используется для переброски вооружений в соседние страны. Кроме того,

часть оружия с *черного* рынка попадает в руки криминальных структур, способствуя росту преступности, а порой и дестабилизируя политическую ситуацию. Причем очень часто проблемы создают и беженцы, которые проносят с собой оружие, а затем, неудовлетворенные размерами гуманитарной помощи, сколачивают бандитские группировки и терроризируют местное население. За период с января 1998 года по сентябрь 1999 года полицией Танзании было задержано 1016 единиц огнестрельного оружия и 5650 единиц боеприпасов³⁹. Основная часть нелегального оружия была изъята в районах, где располагаются лагеря беженцев из Руанды, Бурунди и ДРК. С этой целью принимаются меры по блокированию границы, как это сделала, например, Танзания еще в 1997 году. Тогда на границе Танзании и Замбии были размещены полувоенные формирования, чтобы пресечь контрабанду оружия, потоки которого шли из Заира через территорию Замбии⁴⁰.

Другой способ борьбы с незаконным распространением оружия – правительственные гарантии при закупке вооружений или оборудования для их производства. Так, в 1997 году в Кении было начато строительство завода по производству боеприпасов (20 млн патронов калибра 7,62 мм ежегодно). Оборудование для него было поставлено бельгийской фирмой *ФН Херстал* под гарантии правительства Кении правительству Бельгии, что боеприпасы не будут использованы для экспорта, а исключительно для нужд кенийской армии⁴¹.

Не менее драматична ситуация на Африканском Роге. Здесь продолжается противостояние Уганды и Эфиопии с Суданом, Эритреей и Сомали, когда каждый из блоков поддерживает повстанцев, ведущих антиправительственную деятельность. При этом положение осложняется уже упоминавшейся выше войной между Эфиопией и Эритреей (соглашение о прекращении огня было подписано лишь в июне 2000 г., его перспективы пока неясны), а также продолжающейся нестабильностью в Сомали.

Сомали, по сути, является *черной дырой* на Африканском континенте из-за отсутствия центрального правительства и государственных структур с 1991 года, когда страна была ввергнута в гражданскую войну. Территория Сомали поделена на отдельные районы между полевыми командирами,

являющимися лидерами соответствующих кланов, поэтому говорить о каком-либо контроле над поставками вооружений здесь не приходится. Тем не менее с 1992 года введено эмбарго ООН на поставки оружия в Сомали, поэтому вооружения доставляются тайно и с использованием сложных транспортных схем. Так, в январе 1997 года в Сомали для группировки Хусейна Айдида поступила большая партия оружия, закупленного в Гонконге и доставленного на неопознанном судне в Дубаи, где оно было перегружено и отправлено в порт Мерка к югу от Могадишо⁴². В июне 1999 года в населенный пункт Фах к северу от Могадишо прибыл незарегистрированный корабль со 125 т оружия для группировки того же Хусейна Айдида (5000 АК-47, зенитные пулеметы, немецкие винтовки G-3 и боеприпасы)⁴³. Крупный импорт оружия в Сомали лидерами группировок, ведущих борьбу за Могадишо, привел в 1999 году даже к резкому падению цен на местном рынке вооружений (в среднем в три раза). Например, цена АК-47 упала с 225 до 137 долл⁴⁴.

Хаос в Сомали используется соседними Эритреей и Эфиопией для борьбы друг с другом. Так, подразделения эфиопской армии вторгались на территорию Сомали и совместно с некоторыми полевыми командирами проводили операции по ликвидации баз мятежников. Кроме того, Эфиопия перебрасывает самолетами вооружения и боеприпасы в Кисмайо для полевых командиров Сомали. В свою очередь, Эритрея поддерживает наиболее влиятельную в Сомали группировку Хусейна Айдида, который за это оказывает содействие тем же мятежникам из Фронта освобождения оромо. Например, в мае 1999 года в тот же порт Мерка прибыло транспортное судно из Эритреи, на борту которого находилось 40 переносных зенитных комплексов, четыре БТР, 80 тяжелых пулеметов, боеприпасы, несколько тысяч АК-47 и запчасти для военной техники⁴⁵.

В течение почти 20 лет продолжается гражданская война в Судане между мусульманским Севером и христианским Югом, где борьбу возглавила Народно-освободительная армия Судана (СПА). Судан с 1994 года находится под эмбарго Европейского союза (ЕС) на поставки вооружений, а также причислен США к разряду государств, поддерживающих террористическую деятельность, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако,

несмотря на эти ограничения, Судан продолжает закупки оружия, финансируемые за счет добычи нефти и кредитов от дружественных государств. Контракты в большинстве случаев обусловлены исключительно экономическими соображениями: главным экспортером оружия в Судан является Китай, который осуществляет поставки и соседней Эфиопии, находящейся в крайне напряженных отношениях с правительством Судана. Среди китайских поставок Судану следует отметить в 1995 году 50 вертолетов Z-6, 100 минометов калибра 82 и 120 мм, шесть самолетов F-7 (модификация МиГ-21), а также большие контракты на танки Т-59 (1997 год) и ракеты *Скад* (конец 1996 года, объем сделки – около 200 млн долл.)⁴⁶. В октябре 1999 года, по данным Национального центра авиационной разведки ВВС США, Судан получил предложение от Северной Кореи о продаже завода по сборке ракет *Скад*⁴⁷.

Трудно определить роль России в поставках вооружений Судану. Основные данные в этой области получены от суданских дипломатов и военных, которые бежали из страны. Они утверждают, что Россия в 1996 году поставила в Судан 32 бомбардировщика Су, а также 10 вертолетов Ми-24, 40 танков Т-55, большое количество военных грузовиков и джипов и осуществляет ремонт истребителей МиГ-19 и МиГ-21, состоящих на вооружении суданской армии. Достоверность подобной информации может быть подвергнута сомнению, поскольку экипажи, технический персонал и военные эксперты, говорившие по-русски и не имевшие каких-либо отметок в паспортах о прибытии на территорию Судана, могли прибыть из любого другого государства бывшего СССР⁴⁸.

Другие страны СНГ активно вовлечены в процесс вооружения суданской армии. Белоруссия поставила в это африканское государство шесть вертолетов Ми-24В и девять танков Т-55 российского производства. Украина также вовлечена в поставки Ми-24 и шести БМП-2. Среди поставщиков оружия называются также Казахстан и Киргизия⁴⁹.

Исключение составляют вооружения, приходящие из Ирана, Ирака и Малайзии, которые связаны политическими обязательствами с нынешним правительством в Хартуме. При этом роли распределяются следующим образом: Малайзия финансирует закупки вооружений, Ирак осуществляет программы подготовки личного состава и оказывает техническое содействие, Иран

направил в Судан большое количество военных и политических советников, которые также тесно взаимодействуют с базами исламистов, расположенными на территории Судана⁵⁰. Иран также вовлечен непосредственно в поставки вооружений, среди которых можно отметить боеприпасы для противотанковых гранатометов РПГ-7 и СПГ-9, 122-мм ракеты для российских ракетных систем залпового огня (РСЗО) БМ-21, боеприпасы для танков, артиллерии, минометов и большое количество стрелкового оружия.

Соединенные Штаты поддерживают соседей Судана, а через них оказывают и косвенное содействие СПЛА. Так, в конце 1996 года США заявили о намерении передать военную технику на сумму около 20 млн долл. правительствам Эритреи, Уганды и Эфиопии для повышения их обороноспособности (учитывая, что правительство Судана оказывает помощь повстанцам, сражающимся против центральных правительств этих трех государств)⁵¹.

Определенные надежды на нормализацию обстановки дает соглашение между Угандой и Суданом о восстановлении дипломатических отношений и содействии миру в регионе, подписанное при посредничестве бывшего президента США Джимми Картера. Государства обязались не прибегать к использованию военной силы при разрешении споров и уважать суверенитет и территориальную целостность друг друга. Кроме того, лидеры обеих стран договорились прекратить поддержку повстанческих группировок, обменяться военнопленными и объявить амнистию для всех боевиков, сложивших оружие⁵². Уганда и Судан уже предприняли несколько шагов по прекращению поддержки антиправительственных движений, что дает основания полагать, что, по крайней мере, эта ось противостояния на Африканском Роге будет ликвидирована. Кроме того, в январе 2000 года Судан восстановил дипломатические отношения с Эритреей.

В Западной Африке нелегальные потоки оружия были связаны прежде всего с конфликтами, разгоревшимися в девяностые годы в Либерии и Сьерра-Леоне. Следует учитывать тот факт, что конфликт в Сьерра-Леоне был во многом спровоцирован именно боевиками из соседней Либерии, заинтересованными в нарушении работы государственных структур, которые могли бы

контролировать потоки контрабанды на границе двух стран. Даже после окончания войны в Либерии и проведения выборов в 1997 году влияние на Сьерра-Леоне прекращено не было. Напротив, территория Либерии используется для транзита оружия для повстанцев Сьерра-Леоне (Революционный объединенный фронт (РОФ) и отрядов свергнутой военной хунты, которые финансируют закупку вооружений за счет добычи и продажи алмазов.

Сложная ситуация сложилась в 1997–1999 годах на границе Сенегала и Гвинеи-Бисау. В 1997 году военные двух стран договорились об ужесточении контроля над совместной границей, поскольку боевики ДДСК получали оружие из соседней страны⁵³. В результате разразившегося в январе 1998 года скандала о поставках вооружений и мин ДДСК, осуществлявшихся военными Гвинеи-Бисау, был отправлен в отставку начальник Генерального штаба Гвинеи-Бисау Ансумане Мане, обвиненный в преступной халатности. Это привело к возникновению летом 1998 года вооруженного конфликта в Гвинеи-Бисау, когда на стороне мятежного генерала выступили боевики Казаманса, а правительство в Гвинеи-Бисау получило военную поддержку со стороны Сенегала⁵⁴. Весной 1999 года военный переворот Ансумане Мане, совершенный в нарушение мирных договоренностей, поставил точку во внутреннем конфликте, но пока не привел к разрешению противоречий с Сенегалом.

Следует также отметить, что в Западной Африке *черный* рынок оружия активно используется криминальными структурами, что приводит к необходимости координации усилий полицейских и таможенных органов по предотвращению бандитизма. Главным образом, работа ведется на основе двусторонних и многосторонних межведомственных соглашений. Например, в мае 1998 года министры внутренних дел Мавритании, Сенегала и Мали приняли решение усилить меры безопасности в районе стыка границ, чтобы «обезопасить границу, пресечь переброску через нее оружия, а также уничтожить пограничный бандитизм»⁵⁵. Борьба правоохранительных органов достаточно успешна. В марте 1998 года ганские таможенники перехватили несколько грузовиков, везших оружие из Аккры в Нигер. В результате операции было задержано более 200 тыс. патронов и 11 винтовок *Байкал*⁵⁶. В ноябре 1998 года полиция Гамбии задержала гражданина Бельгии, пытавшегося ввезти в

страну два ящика с гранатами и пистолетами⁵⁷. В январе 1999 года таможенники Бенина задержали две машины, следовавшие из Ганы в Нигерию и перевозившие 13 винтовок и около 2,5 тыс. патронов⁵⁸. В октябре 1999 года полиция Ганы обнаружила крупный склад незаконно ввезенного в страну оружия: 299 ящиков с одноствольными ружьями, 274 ящика с винтовками *Байкал*, 293 складных ружья и большое количество патронов⁵⁹.

Ситуация с поставками оружия в Южной Африке определяется рядом причин: продолжающейся гражданской войной в Анголе, длительным противостоянием Намибии и Ботсваны из-за вод реки Окаванго, а также большим количеством вооружений, оставшихся со времен национально-освободительной борьбы, которые сегодня попадают в руки бандформирований.

Пограничный спор между Намибией и Ботсваной о принадлежности небольшого острова Седуду был связан с проблемой раздела вод реки Окаванго. Очередной виток милитаризации произошел в 1997 году, когда Ботсваной были закуплены канадские истребители-бомбардировщики CF-5, 36 британских танков *Scorpion*, а затем еще 32 танка в Австрии, что вызвало недовольство Намибии⁶⁰. Надо заметить, что контракт на поставку танков Ботсвана планировала заключить еще в 1996 году. Тогда для закупки немецких танков *Leopard* образца шестидесятых годов правительство обратилось к Голландии. Однако Бонн наложил вето на эту сделку и осудил поставки и в другие африканские страны из-за сохраняющейся нестабильности в регионе. Год спустя Ботсване удалось найти других продавцов, а всего эта страна выделила 94 млн долл. на перевооружение армии. Нужно отметить, что Германия была последовательна в проведении линии на ограничение поставок оружия в Африку, о чем свидетельствует подписанное в августе 1997 года соглашение с Намибией о сотрудничестве в военной области, в том числе в области контроля над вооружениями⁶¹. Намибия, также проводя модернизацию своей армии, заявила в 1999 году о намерении закупить военную технику в Чехии⁶².

Отношения двух стран усугубляются действиями сепаратистов в районе Каприви в Намибии, которые получают поддержку от Ботсваны. Район Каприви в силу своего неопределенного статуса и сохраняющейся там нестабильности уже давно стал

перевалочным пунктом для контрабандного оружия и грузов, в том числе предназначенных УНИТА. В торговлю вовлечены бывшие офицеры Сил обороны ЮАР, бизнесмены из ЮАР и Намибии⁶³.

В декабре 1999 года Международный Суд в Гааге вынес решение о том, что спорный остров принадлежит Ботсване⁶⁴. Одновременно армия Намибии с начала декабря 1999 года проводит активные операции по уничтожению вооруженных формирований в Каприви и *зачистке* территории от боевиков УНИТА, отступающих из Анголы. Все это в перспективе должно привести к нормализации отношений между Ботсваной и Намибией и нейтрализации воздействия фактора на ситуацию в Южной Африке.

Серьезную проблему представляют запасы оружия, оставленные национально-освободительными движениями и прошлыми войнами. С этой проблемой столкнулись, в частности, ЮАР и Мозамбик. В Мозамбике, долгое время охваченном гражданской войной, были накоплены огромные запасы оружия обеими противоборствующими сторонами. Однако, помимо этого, на территории Мозамбика и еще нескольких соседних с ЮАР государств располагались базы борцов с режимом апартеида, чьи вооружения сегодня используются криминальными группировками, развернувшими контрабандную торговлю. Потоки контрабандного оружия расходятся из страны в неизвестном направлении через порт Накала (один из возможных каналов снабжения оружием УНИТА в Анголе⁶⁵). Подобное положение заставило правительство Мозамбика и оппозицию создать рабочую группу по обнаружению тайников. Только в 1995–1996 годах полиция Мозамбика обнаружила более 50 тайников с оружием, содержащих около тысячи ружей и сотни мин и гранат⁶⁶. Регулярно проводятся совместные операции с полицией ЮАР, где выходцы из Мозамбика составляют основную часть организованной преступности. Например, в июле 1997 года в горах Гогого в Мозамбике найдены восемь тайников, содержащих 98 АК-47, 44 гранатомета РПГ, 94 штуки иного огнестрельного оружия, 75-мм и 120-мм пушки, 85 противопехотных мин, шесть гранат, 100 магазинов к АК-47, 20 тыс. патронов разного калибра⁶⁷. В общей сложности в результате совместных рейдов полиций двух стран только за осень 1998–весну 1999 года было обнаружено и

уничтожено 900 т вооружений: более 14 тыс. единиц стрелкового оружия, 27,5 тыс. разного рода мин и около трех миллионов единиц боеприпасов⁶⁸.

Наконец, одним из основных импортеров и экспортеров оружия в Тропической Африке является ЮАР. При этом правительством этого государства проводится достаточно ясная политика по контролю над вооружениями. ЮАР была одной из первых стран Африки, которая в короткие сроки уничтожила арсенал противопехотных мин, а сегодня проводит активную кампанию по ограничению нелегальной торговли легким и стрелковым вооружением. После краха режима апартеида ЮАР перестала быть основным источником нестабильности на юге континента, прекратила вмешательство в вооруженные конфликты в соседних странах и пошла на резкое сокращение своего оборонного бюджета, направляя высвобождающиеся средства на цели развития. Одновременно с этим страна начала модернизацию вооруженных сил посредством распродажи и уничтожения устаревших вооружений и заключения контрактов с ведущими западными производителями оружия на поставки военной техники для своей армии.

В сентябре 1999 года правительство ЮАР одобрило закупку военной техники для ВВС и ВМС на сумму более 3,5 млрд долл. Оплата поставок будет осуществляться в течение восьми лет, за исключением самолетов, которые будут оплачены в течение 14 лет. К 2005 году ВВС ЮАР получат 12 учебных истребителей *Hawk-100* от *British Aerospace*, специально адаптированных под условия Южной Африки, а в 2006 году могут быть закуплены еще 12 таких самолетов, которые заменят учебные самолеты *Impala*, находившиеся на вооружении с шестидесятих годов и окончательно устаревшие. В 2006–2008 годах ЮАР получит девять двухместных истребителей *Gripen JAS-39* от *British Aerospace/Saab*, а в 2009–2011 году будут поставлены еще 19 одноместных *Gripen*. С 2003 года в ЮАР начнут поступать легкие итальянские вертолеты A109, закупленные в количестве 30 штук. ВМС ЮАР в 2005–2007 годах пополнятся четырьмя немецкими корветами и тремя дизельными подводными лодками⁶⁹. По мнению правительства ЮАР, данные сделки не отразятся на бюджетных показателях, не приведут к увеличению дефицита бюджета и будут частично покрыты

за счет экспорта военной техники, произведенной или обслуживаемой ЮАР.

В целом, можно отметить стремление ЮАР воздерживаться от поставок оружия в регионы, охваченные конфликтами, и в государства, характеризующиеся нарушением прав человека. Например, в августе 1997 года ЮАР отменила решение о поставке Турции 12 боевых вертолетов на 260 млн долл., так как Турция, занимающая доминирующее положение в регионе, отмеченная случаями нарушений прав человека и незаконно оккупировавшая северную часть Кипра, могла бы использовать эти вооружения в наступательных целях⁷⁰. В данном контексте следует отметить, что за три месяца до этого правительством ЮАР было отменено эмбарго на поставки вооружений в Турцию, введенное в апреле 1995 года.

Широкую дискуссию вызвал вопрос о продаже оружия Руанде, которая возобновилась в июле 1997 года под гарантии того, что военная техника не будет использована за пределами этой страны. Многие эксперты и общественные деятели ЮАР высказали сомнения в надежности подобных гарантий от правительства Руанды и указали на случаи нарушения прав человека правительством в Кигали. После начала военных действий в ДРК летом 1998 года ЮАР заявила о приостановке поставок в Уганду и Руанду, хотя и не отрицался тот факт, что ранее проданное оружие может быть использовано воюющими сторонами. Нельзя исключить и вероятность того, что южноафриканское оружие используется Угандой для поддержки СПЛА в Судане.

Не меньший резонанс вызвала и сделка с правительством Алжира, вовлеченным в конфликт с исламистами. Первые сообщения о ней появились в октябре 1997 года, а в марте 1998 года был подписан контракт на 25 млн долл. на поставку беспилотных самолетов-разведчиков и прошли переговоры о продаже боевых вертолетов *Rooivalk*. Сделка была одобрена Национальным комитетом по контролю над обычными вооружениями после того, как правительство Алжира обязалось не использовать эти вооружения для внутренних репрессий⁷¹. В феврале 1999 года был отложен долго готовившийся контракт с Саудовской Аравией на продажу 155-мм самоходных гаубиц G-6 и ракет класса *земля-воздух* в обмен на поставки нефтепродуктов⁷².

Гораздо большую озабоченность вызывают поставки вооружений, осуществляемые на негосударственном уровне, которые порой происходят в нарушение международных режимов и механизмов контроля над вооружениями, созданных правительством ЮАР. В 1995–1997 годах в Судан транзитом через Йемен были доставлены легкая артиллерия, тяжелые пулеметы и запчасти для суданских ВМС⁷³. В то же время повстанцы Судана получали через территорию Танзании и Уганды боеприпасы из ЮАР⁷⁴. По частным каналам оружие из ЮАР уходило в Руанду во время геноцида, а сегодня продолжает поступать в Анголу и ДРК. Например, на территории ЮАР в 1998 году находилось более 50 международных аэропортов, часть из которых не была соответствующим образом оборудована для надлежащего таможенного контроля. В свое время это было вызвано желанием режима апартеида уйти из-под действия международных санкций и преодолеть с помощью воздушных перевозок с небольших, расположенных в труднодоступных местах аэродромов установленные эмбарго. Однако в настоящее время эти аэродромы стали воротами для контрабанды. Поэтому в июле 1998 года было принято решение ограничить количество международных аэропортов в ЮАР⁷⁵. В сентябре 1998 года в связи с участившимися случаями нападения на военные объекты со стороны криминальных группировок, желающих получить доступ к оружию, было решено усилить охрану военных баз⁷⁶. В мае 1998 года парламент ЮАР принял специальный закон о зарубежной военной помощи, который запрещает гражданам страны выступать в качестве наемников, а также участвовать в вербовке, использовании, обучении, финансировании и поддержке повстанцев в других странах. Законодательный акт призван, таким образом, ограничить деятельность таких печально известных частных компаний, как *Executive Outcomes*, и уменьшить нелегальный оборот оружия, предотвратив поставки в страны, охваченные вооруженными конфликтами⁷⁷.

Таким образом, можно говорить о том, что конъюнктура *серого* и *черного* рынка обычных вооружений в Африке в равной степени определяется политическими и коммерческими соображениями. При этом если внешние участники рынка – компании стран СНГ, Восточной Европы, ЮАР – в большей степени подвержены воздействию экономических факторов и руководствуются намерением получения финансовой выгоды,

то у африканских участников налицо два уровня мотивации. *С одной стороны*, это прямое или косвенное вовлечение в вооруженный конфликт и поддержка дружественных группировок или режимов в соседних странах, то есть исключительно политические причины. *С другой стороны*, можно говорить о наличии большого количества криминализованных групп, часто организованных на кланово-этнической основе и пользующихся поддержкой бюрократических структур, которые используют поставки вооружений для личного обогащения.

Эмбарго ООН: легко в нарушении – легко в бою?

Рассмотрим несколько случаев нарушения эмбарго на поставки вооружений в зоны конфликтов, получивших широкую огласку в мире и ставших предметом специальных расследований национальных и международных органов.

Большинство ситуаций, связанных с нелегальной торговлей оружием в обход санкций ООН, так или иначе остаются за пределами внимания международного сообщества. В средствах массовой информации лишь изредка можно встретить разоблачительные материалы, касающиеся отдельных фактов такой торговли, в то время, как основные криминальные цепочки продолжают существовать и достаточно эффективно действовать, используя как повсеместно известные, так и новые механизмы нарушения санкций международного сообщества. Часто на суд общественности выносятся скандалы скорее морального, нежели правового плана, как это было, например, в Руанде с продажей оружия виновникам геноцида 1994 года.

ООН и рядом европейских стран было проведено специальное расследование о поставках оружия в Руанду весной 1994 года, когда в результате развязанного террора против народности тутси и ее сторонников из числа умеренных хуту за несколько месяцев было убито, по разным оценкам, от 800 тыс. до одного миллиона человек. Эмбарго ООН на поставки вооружений в Руанду, которая с 1990 года находилась в состоянии гражданской войны, перемежавшейся краткосрочными перемириями, было введено 17 мая 1994 года, то есть почти через месяц после того, как начался геноцид. Следует отметить, что в целом оно было выполнено, и многие страны приостановили поставки режиму в Кигали

вскоре после решения Совета безопасности ООН. Это относится к Египту, Ливии, Сейшельским островам и ЮАР, которые либо прекратили переговоры, либо запретили отправку очередных партий оружия в Руанду.

Однако частные торговцы оружием продолжили свои операции на этом рынке. Наибольшую известность получила деятельность зарегистрированной на острове Мен корпорации *Mil-Tec*, которая управлялась двумя кенийцами и принадлежала двум британским гражданам Джону и Тревору Доннели. Корпорация, используя зарегистрированный в Нигерии самолет, взятый в лизинг у компании с Багамских островов, осуществила в апреле–мае 1994 года пять поставок боеприпасов и гранат на сумму около 5,5 млн долл., закупленных в Израиле и Албании. Лишь в июне 1994 года правительство Великобритании издало запрет на продажу оружия из третьих стран в Руанду при посредничестве английских фирм, затормозивший деятельность *Mil-Tec*. Парламентское расследование, подтвердившее факты нарушения эмбарго со стороны *Mil-Tec*, было проведено в 1996 году. Именно в ноябре 1996 года был захвачен архив Генерального штаба бывших ФАР, содержащий данные о нелегальных поставках оружия как в 1994 году, так и позднее боевикам бывших ФАР в лагеря беженцев в Заире⁷⁸.

Заир в лице режима Мобуту Сесе Секо, заинтересованного в поддержке бывших ФАР, также сыграл свою роль в доставке вооружения в Руанду. Виновники геноцида использовали аэродромы в Киншасе и Гоме для приема самолетов, везших смертоносный груз. Более того, в ряде случаев при оформлении сделок на закупку оружия Заиром предъявлялись фальшивые декларации, а эмиссары из Кигали представлялись военнослужащими заирской армии⁷⁹. Более того, правительство Заира тайно вооружало боевиков бывших ФАР в лагерях беженцев в 1995–1996 годах, проводивших диверсионные операции на территории Руанды и готовивших новое наступление на правительство РПФ.

Неоднозначной была и роль Франции – главного союзника режима хуту в Руанде. Большинство официальных поставок французского оружия в 1990–1994 годах осуществлялось с нарушением установленных законодательством этой страны процедур. Французское правительство неоднократно заявляло о том, что поставки были прекращены после 8 апреля 1994 года, но

комиссия ООН отмечала в своем докладе, что неофициальные партии оружия продолжали прибывать в Руанду и позднее. В частности, на одном из первых французских самолетов, доставивших подразделения для эвакуации европейцев 9 апреля, были привезены и боеприпасы для минометов армии Руанды⁸⁰. В мае 1994 года французская компания SOFREMAS, являющаяся своего рода аналогом российского *Росвооружения*, вела активные переговоры с тогдашним правительством Руанды и была готова поставить вооружения из ЮАР на восемь миллионов долларов после получения сертификата конечного пользователя из Заира и 30-процентного авансового платежа. После решения кабинета министров Франции о приостановлении выдачи разрешений на поставки оружия в Руанду и решения Совета безопасности ООН SOFREMAS отменила сделку и, по заявлению ее директора Жермена Гелля, больше не продавала оружия Кигали⁸¹. Однако, по мнению экспертов, оружие могло идти и через Заир, учитывая упоминавшийся выше случай с сертификатом конечного пользователя⁸².

Таким образом, поставки вооружений в период с 7 апреля по 17 мая 1994 года не являются прямым нарушением эмбарго ООН в отличие от последующих сделок. Однако именно они во многом способствовали осуществлению актов геноцида, что явилось серьезным уроком для международного сообщества.

Постоянно нарушались и санкции ООН, введенные против УНИТА в Анголе в сентябре 1993 года. Нужно отметить, что это был один из немногих примеров нового применения механизма эмбарго, когда санкции устанавливались против одной из сторон в конфликте, виновной в его эскалации или срыве мирного процесса. Несмотря на то, что, помимо органов ООН, в режим контроля над соблюдением эмбарго активно включилась *тройка* международных наблюдателей, созданная после подписания Лусакского протокола 1994 года, поставки вооружений УНИТА продолжались. В начале 1997 года УНИТА получал оружие от правительства Мобуту Сесе Секо в обмен на поддержку его в военных действиях против повстанцев. После падения режима Мобуту Сесе Секо в мае 1997 года УНИТА вынужден был искать новые обходные пути. На территории Анголы, контролировавшейся УНИТА, были оборудованы посадочные полосы. Партии оружия начали прибывать через аэропорты в

Пуэнт-Нуаре и Майя-Майя в Конго (Браззавиль), а также через ЮАР и, возможно, Замбию и Мозамбик. Перевалочными пунктами служили Того, Кот-д'Ивуар и Буркина-Фасо.

Некоторые случаи поставок вооружений УНИТА уже упоминались выше. Однако следует, пожалуй, также остановиться на обвинениях, которые выдвигались правительством Анголы в адрес соседней Замбии и которые серьезно осложнили отношения между двумя странами. Правительство Эдуарду душ Сантуша неоднократно заявляло о том, что территория Замбии используется для переправки оружия УНИТА. При этом многочисленные инспекторские проверки ООН и ОАЕ показывали несостоятельность доводов ангольского правительства, а власти Замбии отрицали эти обвинения, заявляя о том, что Ангола использует соседнее государство «в качестве козла отпущения» для решения собственных проблем⁸³. Тем более, что значительная часть оружия закупалась УНИТА и у самих солдат армии Анголы⁸⁴. Кроме того, в 1997 году правительство Фредерика Чилубы запретило иностранным самолетам приземляться и взлетать с территории Замбии без специального осмотра, а также приняло ряд жестких дисциплинарных мер к тем чиновникам, которые разрешали подобные полеты⁸⁵.

В феврале 1999 года власти Луанды заявили о том, что вице-президент Замбии Крестон Тембо и министр энергетики Бен Мвила замешаны в поставках оружия УНИТА⁸⁶. Все эти обвинения были отвергнуты. В отношении якобы использованных УНИТА аэродромов на северо-западе Замбии было заявлено, что они технически не в состоянии принимать тяжелые самолеты *Боинг-737*, *Боинг-707*, C-130, DC-10, взлетная масса которых превышает 20,5 т⁸⁷. Появившиеся в апреле сообщения о том, что украинские реактивные истребители и вертолеты для УНИТА были доставлены в Анголу при содействии Замбии, также не нашли своего подтверждения.

В результате в июне 1999 года правительство Анголы сняло свои обвинения в отношении Замбии после проведения ряда консультаций. Несмотря на это, нельзя полностью исключить возможность того, что отдельные замбийские частные предприниматели являются элементами цепи нелегального импорта оружия группировкой УНИТА, а территория

этой страны может служить для транзита грузов.

Одним из показательных примеров соотношения морально-правовых аспектов при нарушении эмбарго ООН является громкое дело о поставках оружия в Сьерра-Леоне британской компанией *Sandline International*. Проблема возникла, главным образом, из-за нечеткости формулировки в резолюции Совета безопасности ООН о введении санкций против режима военной хунты в Сьерра-Леоне, пришедшего к власти в результате переворота.

В феврале 1998 года британская компания *Sandline International* доставила в Сьерра-Леоне партию болгарского оружия и боеприпасов (по разным оценкам, 21–35 т) в аэропорт Лунги, контролируемый силами ЭКОМОГ. Вооружения предназначались для правительства Сьерра-Леоне в изгнании, которое совместно с ЭКОМОГ вело боевые действия против военной хунты, захватившей власть в стране в 1997 году. Партия оружия прибыла уже после успешного штурма силами ЭКОМОГ столицы Сьерра-Леоне – Фритауна – и восстановления законно избранного правительства Ахмада Теджана Каббы и была помещена на склады. В транспортировке груза участвовала еще одна английская компания *Sky Air Cargo Services UK*, которая использовала *Боинг-707*, зарегистрированный в Либерии. Директор компании утверждал, что ничего не знал о характере груза.

В результате в мае 1998 года в Великобритании разразился скандал по поводу вышеозначенных поставок. Проблема заключалась в том, что, по утверждению *Sandline International*, государственные органы были в курсе происходивших событий и дали добро на продажу оружия правительству Ахмада Теджана Каббы в то время, как резолюция Совета безопасности ООН гласила о полном запрете на поставки вооружений в Сьерра-Леоне. Было начато парламентское расследование, проведен ряд слушаний по этому делу. Британский МИД и таможенное ведомство в свою очередь также провели расследование, чтобы, как заявил министр иностранных дел Робин Кук, наказать виновных в этом деле, если министерство, действительно, было уведомлено об этой сделке. В то время, как в Великобритании разгорался правительственный кризис, в Сьерра-Леоне проходили демонстрации в поддержку тех британских чиновников, которые были якобы вовлечены в

организацию этих поставок⁸⁸. В середине мая 1998 года расследование, проводившееся таможенными органами, было завершено. Генеральному прокурору Великобритании было рекомендовано не возбуждать уголовное дело за отсутствием достаточных доказательств. Было признано, что *Sandline* технически нарушила эмбарго ООН, но проблема была столь запутанной и чувствительной с политической точки зрения, что любое уголовное преследование закончилось бы полным провалом в суде⁸⁹. 21 мая 1998 года юристы ООН окончательно прояснили этот вопрос, заявив о том, что продажа оружия правительству Сьерра-Леоне не была нарушением эмбарго, поскольку санкции распространялись только на повстанцев и режим военной хунты. Таким образом, морально оправданные действия *Sandline* получили и юридическую поддержку.

В июне 1998 года Совет безопасности ООН отменил эмбарго против Сьерра-Леоне, но продлил действие санкций против повстанцев (наподобие ангольской модели), которые впрочем продолжали нарушаться. Повстанцы и отряды свергнутой военной хунты получали оружие в обмен на алмазы и рис⁹⁰. В частности, для этих целей использовалась территория Либерии и некоторых других соседних государств. В феврале 1999 года вновь появились сообщения об уже упоминавшейся компании *Sky Air Cargo* и фирме *Occidental Airlines*, которые на самолетах *Боинг* перебрасывали АК-47 и 60-мм переносные минометы повстанцам Сьерра-Леоне⁹¹. Кроме того, правительство Сьерра-Леоне осудило бывшего израильского офицера Яира Клейна, который организовывал поставки оружия из Украины и Ливии для повстанцев РОФ транзитом через Либерию. Примечательно, что Яир Клейн также разыскивался правительством Колумбии, которое обвиняло его в вооружении и подготовке отрядов боевиков для наркобаронов⁹².

Таким образом, можно сделать несколько выводов относительно эффективности эмбарго ООН. Данная международная организация не в силах проконтролировать полностью соблюдение санкций Совета безопасности без содействия региональных объединений и государств, а также без поддержки развитых стран, где сосредоточены основные производители вооружений. Большинство выявленных средствами массовой информации случаев нарушения эмбарго ООН на поставки оружия так и остались не более,

чем неподтвержденными слухами, в то время как истинные нелегальные торговцы продолжают свою деятельность. Проведенные ООН расследования чаще всего заканчиваются опубликованием соответствующих докладов, предполагая, что все юридические меры против нарушителей должны быть приняты национальными правоохранными органами. Но если во Франции, Великобритании, Бельгии и других странах с мощным общественным мнением и развитой культурой законности это действительно приводит к политическим скандалам, отставкам в правительстве, изъятию лицензий у провинившихся компаний, то в африканских государствах в большинстве случаев наказания носят чисто формальный характер. Разумеется, что это не всегда так, о чем свидетельствуют примеры Сьерра-Леоне или Замбии, но часто шаги предпринимаются только тогда, когда возникает непосредственная угроза правительству или его отдельным чиновникам. И ООН в данном случае оказывается бессильной при отсутствии реальных механизмов принуждения к соблюдению санкций.

Способы ограничения нелегальной торговли оружием

Существует несколько уровней, на которых принимаются меры по ограничению *серого* и *черного* импорта оружия в Африку.

Это прежде всего международные режимы контроля. С 1992 года введен Регистр ООН по обычным вооружениям, и число стран, предоставляющих для него информацию, постоянно растет. Обмен данными о реальной торговле оружием мог бы содействовать большей прозрачности в отношениях между африканскими государствами и способствовать снижению угрозы, что в свою очередь, привело бы к ограничению закупок военной техники. Недостаток Регистра в том, что он не охватывает легкие вооружения и стрелковое оружие, которые и являются основным товаром на нелегальном рынке. Эта категория была несколько лет назад исключена из Регистра, однако в последнее время эксперты заговорили о необходимости ее вернуть.

Вопрос сокращения торговли оружием в Африке неоднократно поднимался в докладах Генерального секретаря ООН и резолюциях Совета безопасности. В своем докладе по Африке в 1998 году Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан указывал на ряд мер, способных уменьшить как легальные, так и

нелегальные поставки оружия: ограничения экспорта вооружения в зоны конфликтов в Африке; принятие членами ООН законов, разрешающих национальным правоохранным и судебным органам уголовное преследование за нарушение эмбарго ООН; усиление роли ООН в сборе и распространении информации о торговле оружием; гармонизация политики африканских государств в борьбе с нелегальными поставками вооружений; более активное участие в Регистре ООН; создание соответствующих региональных регистров; сокращение расходов на закупки вооружений до полутора процентов ВВП; замораживание роста военных бюджетов на ближайшее десятилетие⁹³. В продолжение этой инициативы Совет безопасности ООН в сентябре 1998 года одобрил резолюцию, в которой рекомендовал государствам-членам принять законы, по которым нарушение эмбарго ООН признавалось бы уголовным преступлением. Кроме того, специальные комитеты по контролю над соблюдением эмбарго (создаваемые под конкретные резолюции и в основном малоэффективные) обязаны теперь ежегодно представлять в Совет безопасности доклады о выполнении санкций и возможных нарушениях⁹⁴.

В 1998 году ООН была создана Межведомственная группа по координации действий в отношении легкого и стрелкового оружия (CASA) в рамках департамента по вопросам разоружения, первая встреча которой была проведена 8 сентября 1998 года. В ноябре 1998 года по инициативе Норвегии был создан Фонд Программы развития ООН (ПРООН) для поддержки предотвращения и уменьшения распространения легкого и стрелкового оружия; правительство Норвегии выделило для фонда 15 млн крон в 1998–1999 году. В сентябре 1999 года Совет Безопасности ООН провел заседание на уровне министров иностранных дел, посвященное легким вооружениям. А на 2001 год намечена Конференция по нелегальной торговле легким и стрелковым оружием, которая, по словам заместителя Генерального секретаря ООН по вопросам разоружения, должна завершиться подписанием международной конвенции или политической декларации. Первая сессия Подготовительного комитета конференции состоялась 28 февраля–3 марта 2000 года.

В 1998 году на встрече стран-участниц Вассенаарских договоренностей было принято решение, например, «ввести максимальные

ограничения при рассмотрении вопросов продажи оружия в Центральную Африку и район Великих озер»⁹⁵. Однако нужно заметить, что в нарушение согласованных позиций некоторые государства продолжают осуществлять поставки оружия в зоны, охваченные вооруженными конфликтами. Это и поставки России в Анголу, Болгарию – в Эритрею, Румынию – в Западную Африку и другие.

В октябре 1998 года представители 98 стран провели встречу в Бельгии, на которой был согласован «Брюссельский призыв к действиям», содержащий требования ограничить импорт и экспорт легких и стрелковых вооружений⁹⁶.

Широкое развитие получила идея международной конвенции по торговле легким и стрелковым оружием. В частности, на встрече в Осло в июле 1998 года, организованной неправительственными организациями (НПО), канадская делегация выдвинула предложение принять конвенцию о запрещении продажи оружия негосударственным участникам рынка вооружений. Эта инициатива вызвала споры, так как основные усилия НПО направлены на достижение сразу двух целей: борьбы с нелегальной торговлей легким оружием и ограничения государственных и *серых* поставок. При этом основной упор при решении вопроса о продаже оружия должен делаться, по мнению НПО, на соблюдение прав человека и международного гуманитарного права в стране-получателе.

Активную роль играет Интерпол. Большое внимание данной организации привлекает ситуация на юге Африканского континента. По данным Интерпола, там в постоянном обращении находится около четырех миллионов единиц легких вооружений, оставшихся со времен колониализма, войн за независимость, противостояния времен *холодной войны*, а также поступающих из зон конфликтов и произведенных местной оружейной промышленностью. Озабоченность Интерпола вызывает тот факт, что оружие используется для совершения тяжких преступлений (убийств, угона автомобилей, ограбления банков) и способствует разгулу бандитизма в регионе. Руководитель бюро Интерпола на юге Африки Фрэнк Мсуту заявил, что правительства стран региона намерены широко использовать созданную Интерполом Систему контроля над оружием и взрывчатыми веществами для пресечения

потоков нелегальных вооружений⁹⁷. Интерполом также проводятся конференции и семинары по повышению уровня профессиональной подготовки полицейских и усилению режима контроля над незаконным оборотом оружия.

Важная роль в борьбе с нелегальными поставками вооружений принадлежит региональным механизмам. С 1997 года действует программа ЕС по предотвращению и борьбе с нелегальной торговлей обычными вооружениями. Кроме того, в мае 1998 года министры иностранных дел ЕС одобрили на своей встрече в Брюсселе соответствующий Европейский кодекс поведения, который был подписан в июне того же года. Соглашение предполагает наличие восьми критериев, которыми должны руководствоваться страны ЕС при принятии решений о поставках оружия. Запрещается выдача экспортных лицензий, если существует явный риск того, что вооружения могут быть использованы для внутренних репрессий или могут спровоцировать или увеличить длительность вооруженного конфликта. К другим критериям относятся положение с правами человека в государстве-покупателе, степень региональной стабильности, безопасность стран-членов ЕС и отсутствие связей покупателя с террористическими организациями. Перед тем, как разрешить экспорт в государство, получившее отказ от члена ЕС в течение последних трех лет, другая страна, входящая в ЕС, должна провести консультации со своим европейским партнером⁹⁸.

Основными недостатками кодекса признаны его необязательный характер, а также отсутствие общих списков вооружений и военной техники, подлежащих контролю, и стран-получателей, поставки которым нужно ограничить. Эти списки согласовываются уже в течение полутора лет, причем особые споры вызывает вопрос о товарах двойного назначения. Комиссии по правам человека и безопасности и разоружению Европарламента согласились следить за соблюдением кодекса, запрашивая периодические отчеты у Совета министров ЕС. Под давлением парламента, неправительственных организаций, добившихся специального решения Европейского суда в июле 1999 года, ЕС представил в октябре 1999 года обобщенный доклад о выполнении положений кодекса. Положительным моментом стало также то, что страны ЕС начали активно уведомлять друг друга об отказах в выдаче лицензий на экспорт

вооружений третьим странам, как это предусмотрено кодексом.

В августе 1998 года к кодексу неофициально присоединились 13 европейских стран, не входящих в ЕС (Болгария, Венгрия, Исландия, Кипр, Латвия, Литва, Норвегия, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Чехия и Эстония). Они заявили, что принимают вышеуказанные критерии и будут руководствоваться ими в проведении политики в области экспортного контроля. В декабре 1998 года к этому присоединилась и Канада, а США в мае 1999 года заявили о намерении рассмотреть возможность присоединения к кодексу.

В ноябре 1999 года на встрече стран АКТ (Африка, Карибский бассейн, Тихий океан) в Сан-Доминго был одобрен план действий по ограничению распространения легкого и стрелкового оружия. План предполагает проведение межминистерских консультаций между государствами АКТ и ЕС по усилению контроля над нелегальными поставками оружия из европейских стран в страны АКТ, а также более активный обмен информацией о передвижениях произведенного в Европе оружия в страны АКТ⁹⁹.

В июне 1998 года ОАЕ издала резолюцию, подчеркивающую необходимость межафриканского сотрудничества в области ограничения торговли легким и стрелковым оружием и главенствующую роль ОАЕ в этом процессе. Особенно активную позицию занимает ЮАР, правительство которой неоднократно высказывалось за проведение международной конференции, а также выдвинуло ряд инициатив для Африканского континента. В июле 1999 года саммит ОАЕ поручил Генеральному секретарю этой организации Салиму Ахмеду Салиму провести региональную конференцию по легким вооружениям в 2000 году. Встреча в верхах одобрила идею подписания протокола к конвенции по транснациональной организованной преступности, касающегося производства, обращения, распространения и незаконной торговли огнестрельным оружием, боеприпасами и другими соответствующими материалами¹⁰⁰.

В октябре 1998 года саммит ЭКОВАС в Абудже принял решение о трехлетнем моратории на производство, экспорт и импорт легких вооружений. Несмотря на то, что реализация этого решения и механизмы контроля над его выполнением находятся

лишь в начальной стадии, сама по себе эта инициатива стала важным шагом и хорошим примером для других субрегионов Африки и мира в целом.

В феврале 2000 года на встрече африканских экспертов в Кампале было принято решение о создании Института по огнестрельному оружию в Африке, задачами которого стали бы формирование баз данных и выработка рекомендаций по ограничению криминального оружейного бизнеса.

Еще одним из способов ограничения торговли оружием служат региональные эмбарго, которые, впрочем, в отличие от санкций ООН носят исключительно добровольный характер и опираются на согласованность позиций государств региона или субрегиона. В частности, достаточно успешным оказалось эмбарго ЭКОВАС на поставки вооружений в Либерию и Сьерра-Леоне, которое получило и международную легитимность от ООН. Эффективность контроля обеспечивалась наличием политической воли стран западно-африканского сообщества, а также вооруженной силой в лице ЭКОМОГ, контингент которой осуществлял блокаду морских и сухопутных границ. Определенную эффективность имели и региональные санкции против Бурунди, введенные после военного переворота в этой стране в августе 1996 года. Эмбарго было не только военным, но и экономическим и, в конечном итоге, заставило руководство Бурунди пойти на уступки оппозиции и начать переговорный процесс с целью восстановления демократии в стране. Действие санкций было частично приостановлено в начале 1999 года, но это не распространяется на эмбарго оружия. Поэтому, например, Уганда задержала на своей территории крупную партию вооружений (560 т), закупленных правительством Бурунди у Китая и шедших транзитом через территорию Уганды¹⁰¹.

Барьером на пути незаконных поставок оружия может служить и политика отдельных стран. В этом смысле можно приветствовать курс, направленный на отказ продавать вооружения в регионы, охваченные конфликтами (например, официальную позицию Израиля). Активные шаги по ограничению нелегальных поставок в опасные регионы предпринимают США, озабоченные распространением международного терроризма. Разумеется, что здесь не обходится без двойных стандартов, и основной контроль сосредотачивается на

таких государствах-париях, как Ливия. Однако справедливости ради надо заметить, что в информации относительно нелегального рынка оружия в Африке практически не просматривается участие фирм из Соединенных Штатов.

Примечателен пример Либерии – страны, которая в течение семи лет находилась в состоянии гражданской войны. Вопрос о том, как распорядиться оружием, собранным в результате демобилизации боевиков и разоружения повстанцев и гражданского населения, вызвал ожесточенные споры. Проблема заключалась в том, уничтожить ли все оружие (десятки тысяч автоматов, артиллерийских орудий, тяжелых вооружений и три миллиона единиц боеприпасов) или ликвидировать лишь негодные вооружения, а остальное передать на усмотрение правительства Либерии и ООН. Президент Чарльз Тейлор высказывался за то, чтобы исправное оружие поступило в армию страны. После долгой дискуссии в июне 1999 года Либерией было принято решение полностью уничтожить эти запасы вооружений при содействии ЭКОВАС и ООН¹⁰². В октябре 1999 года была проведена торжественная церемония по показательной ликвидации этого оружия – все оно было взорвано¹⁰³.

Безусловной поддержки заслуживают и инициативы по разоружению гражданского населения, предпринимаемые в рамках концепции постконфликтного укрепления мира. Мало просто говорить о необходимости обеспечения безопасности мирных жителей, введении амнистии для всех добровольно сдавших оружие и т.п. Нужно создание заинтересованности у населения, а, следовательно, финансовая поддержка международного сообщества. Например, с 1995 года в Мозамбике действует проект «Стволы на орала» (ТАЕ), направленный на сбор и уничтожение оружия. Сданные вооружения обмениваются на такие полезные в хозяйстве вещи, как велосипеды, швейные машины, сельскохозяйственный инвентарь. С 1995 по 1998 годы ТАЕ собрала 27 тыс. единиц оружия¹⁰⁴.

В целом, решение проблемы *серых* и *черных* поставок оружия на Африканский континент возможно лишь в многостороннем формате. Речь идет о том, чтобы совместить политические средства (пропаганда культуры мира и компромисса, укрепление стабильности и безопасности в регионе, воздержание от действий, способных привести

к эскалации конфликта в соседнем государстве, использование мер доверия и т.п.) и юридические, правоохранные механизмы контроля над нелегальной и полунелегальной торговлей оружием. Создание таких механизмов мониторинга требует политической воли африканского руководства при финансовой, моральной и правовой поддержке международного сообщества. Очевидна необходимость комплексного подхода, который позволил бы сосредоточить усилия на государственных и негосударственных участниках рынка оружия, а также производителях и потребителях, выбив, таким образом, наименее контролируемое звено посредников, являющихся основными виновниками расширения и устойчивого характера нелегальной торговли вооружениями. ■

¹ *Panafrican News Agency (PANA)*, 15 July 1999

² Макиенко Константин. *Серый рынок оружия и военной техники в государствах СНГ: тенденции и перспективы развития. Научные Записки ПИП-Центра*, №6, ноябрь 1997

³ То же

⁴ *PANA*, 23 September 1999

⁵ Bulgaria: Money Talks. Arms Dealing with Human Rights Abusers. Human Rights Watch, No.4 (D), Vol.11, April 1999

⁶ *Известия*, 11 декабря 1996, с.1, 2

⁷ Один из примеров – задержание в сентябре 1999 года властями Замбии самолета Ил-76 и пяти украинских членов экипажа по подозрению в транспортировке оружия для УНИТА. *The East African*, 21 September 1999

⁸ *Коммерсант-Daily*, 24 октября 1997, с.5

⁹ *Итаp-Тасс*, 8 ноября 1997

¹⁰ *Итаp-Тасс*, 30 марта 1999

¹¹ *Mail & Guardian*, 17 January 1999

¹² *New Vision*, 7 December 1999

¹³ *Коммерсант-Daily*, 20 августа 1998, с.4

¹⁴ Human Rights Watch World Report 1998, <http://www.hrw.org>

¹⁵ *Известия*, 4 декабря 1998, с.1

¹⁶ *New Congo Net (NCN)*, 8 April 1999

¹⁷ Жонас Савимби обвинил США, Португалию и Россию в пристрастной позиции и содействии правительству Эдуарду душ Сантуша и разорвал все отношения с *тройкой*.

¹⁸ *NCN*, 3–4 April 1999

¹⁹ *Angop*, 21 mayo 1997

²⁰ Human Rights Watch World Report 1999, <http://www.hrw.org>

²¹ *El Mundo*, 2 noviembre 1999

²² *Financial Gazette*, 9 April 1999

²³ *NCN*, 8 April 1999

²⁴ *Standard*, 22 November 1998

²⁵UN Security Council Resolution, S/RES/1227 (1999), 10 February 1999. Страны ЕС приняли решение воздержаться от поставок, как и было рекомендовано резолюцией. Например, в Антверпене было задержано судно с советской техникой для Эритреи. Отправителем была британская фирма; груз включал двигатели для Т-54, Т-55, запчасти для МиГов, приборы ночного видения, 40 военных грузовиков. Все это было куплено в Германии и через Нидерланды отправлено по железной дороге в Антверпен. По документам груз проходил как «строительное оборудование и насосы». *Итаp-Тасс*, 11 февраля 1999

²⁶*Интерфакс*, 16 декабря 1998

²⁷То же

²⁸*Times*, 19 February 1999

²⁹Кукушкин Павел, Поликанов Дмитрий. Кризис в районе Великих озер: Руанда, Бурунди, Заир. М., Институт Африки РАН, 1997, с.177

³⁰Например, бывший президент Уганды Годфрей Бинайса (Godfrey Binaisa) обвинил ЮАР в поставках современных вооружений правительству Йовери Мусевени (Yoweri Museveni), которое будет использовать их «не только для того, чтобы творить убийство собственного народа, но и народа Заира, а также вторжения в Судан». *New Vision*, 9 June 1997

³¹*Итаp-Тасс*, 1 октября 1998

³²*NCN*, 5 September 1999. Уганда в свое время передала несколько этих противотанковых управляемых ракет Руанде в рамках соглашения о военном сотрудничестве. Ситуация в целом напоминает случай с Эфиопией и Эритреей. Последняя, находясь в союзе с Аддис-Абебой и в конфликте с Йеменом в 1996 году, вызванном территориальным спором, получила от Эфиопии во временное пользование четыре вертолета и разрешение закупить военные суда эфиопских ВМС. Ни суда, ни вертолеты Эритрея не вернула и, возможно, в 1998–1999 годах они использовались в боевых действиях против армии Эфиопии. *Итаp-Тасс*, 17 марта 1999

³³*NCN*, 26–27 September 1999

³⁴Однако Израиль согласился, например, несмотря на протесты Эритреи, передать Эфиопии 10 румынских модернизированных МиГ-21 в обмен на старые эфиопские самолеты, которые израильтяне, в свою очередь, переоснастят для Румынии. Сделка была заключена с надеждой, что через год, когда первый самолет будет передан, война между Эфиопией и Эритреей уже закончится. *Итаp-Тасс*, 8 сентября 1998

³⁵*Agence France-Presse (AFP)*, 15 novembre 1999

³⁶*PANA*, 24 November 1999

³⁷*Xinhua*, 28 November 1999

³⁸*NCN*, 2 December 1999

³⁹*Xinhua*, 25 December 1999

⁴⁰*Guardian* (Dar es Salaam), 24 April 1997

⁴¹*Итаp-Тасс*, 30 мая 1997

⁴²*Associated Press*, 15 January 1997

⁴³*NCN*, 19–20 June 1999

⁴⁴*Итаp-Тасс*, 16 апреля 1999. По некоторым данным, из-за большого предложения на рынке оружия в ряде районов Африки цены в 1999 году упали и до шести долларов за АК-47.

⁴⁵*NCN*, 6 May 1999

⁴⁶*Indian Ocean Newsletter*, 23 December 1995; *International Security Digest*, January 1996

⁴⁷*Washington Times*, 28 October 1999

⁴⁸Sudan: Global Trade, Local Impact. Arms Transfers to All Sides in the Civil War in Sudan. Human Rights Watch, No.4 (A), Vol.10, August 1998

⁴⁹*Ibid.*

⁵⁰*Ibid.*

⁵¹Human Rights Watch World Report 1998, <http://www.hrw.org>

⁵²*PANA*, 9 December 1999

⁵³*Итаp-Тасс*, 6 октября 1997

⁵⁴В октябре 1998 года США заявили о намерении поставить вертолеты и боеприпасы в Сенегал и оказать соответствующее содействие правительству Гвинеи-Бисау. *Итаp-Тасс*, 1 октября 1998. Кроме того, американские зеленые береты тренировали миротворческий контингент Сенегала, который с успехом воевал затем и в Казамансе, и в Гвинеи-Бисау. Активно развиваются и военные контакты Сенегала с Россией.

⁵⁵*Итаp-Тасс*, 5 мая 1998

⁵⁶*PANA*, 4 March 1998

⁵⁷*PANA*, 5 November 1998

⁵⁸*Le Matinal*, 8 janvier 1999

⁵⁹*PANA*, 13 October 1999

⁶⁰*Итаp-Тасс*, 2 июня 1997

⁶¹*Итаp-Тасс*, 19 августа 1997

⁶²*PANA*, 16 November 1999

⁶³*Итаp-Тасс*, 18 ноября 1998

⁶⁴*PANA*, 14 December 1999

⁶⁵*PANA*, 5 August 1997

⁶⁶Human Rights Watch World Report 1998, <http://www.hrw.org>

⁶⁷*AIM*, 26 July 1997

⁶⁸*PANA*, 10 May 1999

⁶⁹*PANA*, 17 September 1999

⁷⁰*Итаp-Тасс*, 11 августа 1997

⁷¹Human Rights Watch World Report 1999, <http://www.hrw.org>

⁷²*Итап-Тасс*, 23 февраля 1999

⁷³Sudan: Global Trade, Local Impact. Arms Transfers to All Sides in the Civil War in Sudan. Human Rights Watch, No.4 (A), Vol.10, August 1998

⁷⁴Ibid.

⁷⁵*Итап-Тасс*, 8 июля 1998

⁷⁶*Итап-Тасс*, 4 сентября 1998

⁷⁷Human Rights Watch 1999, <http://www.hrw.org>

⁷⁸Кукушкин Павел, Поликанов Дмитрий. Цит. соч., с.66, 67, 153, 154.

⁷⁹Leave None to Tell the Story, Genocide in Rwanda. Human Rights Watch, 171-1, March 1999

⁸⁰*Le Monde*, 23 juillet 1995

⁸¹*Le Figaro*, 15 janvier 1998

⁸²Leave None to Tell the Story, Genocide in Rwanda. Human Rights Watch, 171-1, March 1999

⁸³Это заявление было сделано министром информации Замбии. *Post of Zambia*, 3–4 April 1999

⁸⁴*NCN*, 19 May 1999

⁸⁵*PANA*, 21 January 1999

⁸⁶*Post* (Luanda), 9 February 1999

⁸⁷*PANA*, 10 March 1999

⁸⁸*Sierra Leone News (SLN)*, 10 May 1998, <http://www.sierra-leone.org>

⁸⁹*SLN*, 18 May 1998

⁹⁰*PANA*, 21 June 1998

⁹¹*SLN*, 11 February 1999

⁹²*SLN*, 19 February 1999

⁹³The Causes of Conflict and the Promotion of Durable Peace and Sustainable Development in Africa. Report of the Secretary-General, A/52/871-S/1998/318, 16 April 1998

⁹⁴UN Security Council Resolution, S/RES/1196 (1998), 16 September 1998

⁹⁵Human Rights Watch World Report 1999, <http://www.hrw.org>

⁹⁶*PANA*, 14 November 1998

⁹⁷*NCN*, 28 April 1999

⁹⁸*SLN*, 25 May 1999

⁹⁹*PANA*, 29 November 1999

¹⁰⁰*PANA*, 14 July 1999

¹⁰¹*New Vision*, 7 December 1999

¹⁰²*PANA*, 7 June 1999

¹⁰³*PANA*, 19 October 1999

¹⁰⁴*PANA*, 1 June 1998

Вышли в свет в апреле – июне 2000 года

- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей, №9*. Май 2000. В номере: «Политические перспективы и возможный союз движения Яблоко и Союза правых сил», «Новая военная доктрина России» и др. (на русском и английском языках). Цена 700 руб.
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей, №10*. Май 2000. В номере: «Реформа региональных отношений и политическая устойчивость президента Владимира Путина» и др. (на русском и английском языках). Цена 700 руб.
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей, №11*. Июнь 2000. В номере: «Владимир Путин: укрепляя свой властный ресурс», «Российско-американский саммит: переговоры по ПРО и СНВ-3» и др. (на русском и английском языках). Цена 700 руб.
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей, №12*. Июнь 2000. В номере: «Конфликт в Чечне: новые аспекты политики федеральных властей», «Утечка умов из России: угроза нераспространению?» и др. (на русском и английском языках). Цена 700 руб.

(См. также с.13, 28)

Страницы истории**УРОКИ ДОГОВОРА О ЛИКВИДАЦИИ РАКЕТ СРЕДНЕЙ И МЕНЬШЕЙ ДАЛЬНОСТИ****Владимир Медведев**

Договор между бывшим Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней и меньшей дальности (договор РСМД), соблюдаемый и Россией, по праву занимает ведущее место во всем разоруженческом процессе. Договор прост и ясен по содержанию, в основном рационально-разумен, понятен широкой общественности. В отличие от ранее заключенных договоров в области ядерных вооружений он потребовал от сторон крупных организационных усилий и материальных затрат, связанных с реальной ликвидацией немалой части их ядерных потенциалов. Создал и узаконил широкую структуру делового взаимодействия военных специалистов сторон, способствовал укреплению взаимного доверия.

При подписании и ратификации договора он был встречен мировой общественностью, правительствами и парламентами СССР и США единодушно одобрительно. Мировая пресса была полна восторженно-положительных отзывов о нем. При этом некоторые *недоработки* договора – естественно, существовавшие в нем как и во всяком компромиссном документе – на фоне его положительных сторон попросту игнорировались. Примечательно, что за весь уже более чем одиннадцатилетний период реализации договора РСМД положительное отношение к нему как общественности, так и официальных инстанций сторон *не изменилось*.

Это отношение к договору РСМД во многом определялось тем обстоятельством, что он выработывался под бурный аккомпанемент невероятно широкого общеевропейского антивоенного движения восьмидесятых годов. Антивоенное движение, в свою очередь, было вызвано усилиями сторон по развертыванию новых ядерных средств так называемой *промежуточной* дальности. Европа, да и весь мир, жили в то время под постоянным давлением нового этапа гонки европейских ядерных вооружений: появившихся с конца семидесятых годов новых советских ракет средней дальности – в ответ на существование в Европе многочисленных американских ядерных средств передового базирования – и

настойчиво проводимого в жизнь с 1979 года так называемого *двойного решения* НАТО, предусматривающего – в ответ на действия СССР – начать дополнительное развертывание в Европе 572 американских ядерных баллистических и крылатых ракет средней и меньшей дальности. Договор, радикально решивший судьбу как тех, так и других ядерных средств, дал выход накопившимся антивоенным стрессам, и потому его заключение было встречено весьма позитивно.

Как это было

Первоначальные идеи о каком-либо договорном упорядочении ядерных вооружений, не относящихся к категории стратегических (то есть имеющих дальность менее 5500 км), вышли из многочисленных дискуссий, проводившихся в семидесятых годах. Их авторов заботило как само существование, так и особенно рост количества *неучтенных* ядерных средств нестратегического класса – ядерных вооружений так называемой *серой зоны*, которые размывали строгое балансирование *центральных* стратегических средств.

Началу переговоров предшествовала развернувшаяся в конце семидесятых годов острая политическая полемика сторон, в ходе которой СССР оправдывал развертывание своих новых ракет средней дальности сохраняющейся угрозой со стороны американских средств передового базирования, а США и страны НАТО оправдывали необходимость *довооружения Европы* появлением этих советских ракет. Кстати, необходимо заметить, что в ходе этой дискуссии руководство СССР (Леонид Брежнев, октябрь 1979 года) изъявляло готовность в качестве жеста доброй воли в одностороннем порядке сократить, по сравнению с существующим уровнем, количество ядерных средств средней дальности, развернутых в западных районах СССР, при условии, что в Западной Европе не будет дополнительного размещения ядерных средств средней дальности. Эти заявления советского руководства остались безответными.

В октябре 1980 года в Женеве делегациями СССР и США были начаты переговоры об ограничении ядерных вооружений в Европе. В ходе переговоров советская сторона демонстрировала твердое намерение добиваться ограничения и сокращения размещенных в Европе американских ядерных вооружений передового базирования, которые по отношению к СССР были способны решать боевые задачи стратегического масштаба и поэтому, не без основания, считались весомой добавкой к американским стратегическим вооружениям. Это подрывало баланс, устанавливаемый сторонами в ходе переговоров по стратегическим наступательным вооружениям (учитывая то обстоятельство, что советские ракеты средней дальности территории США не достигали). Советская сторона рассчитывала путем переговоров добиться отмены или пересмотра *двойного решения* НАТО о довооружении (развертывание новых американских ракет к тому времени еще не было начато). Американская сторона, вступив в переговоры, тем самым формально выполняла *двойное решение* НАТО, которое одновременно предусматривало ракетное довооружение и параллельное ведение переговоров с СССР о возможном ограничении вооружений.

На этих подходах были построены и конкретные позиции сторон на переговорах. Советская сторона предлагала охватить будущим соглашением все *ракетные и авиационные* ядерные средства США в Европе, а также ракеты Великобритании и Франции, начиная с определенного радиуса действия (1000 км) и соответствующие советские ядерные средства на континенте. Американская сторона выступала за ограничение в Европе лишь *ракетных* средств наземного базирования СССР и США. Даже сами переговоры она именовала не иначе как *переговоры о ракетах средней или промежуточной дальности*. Оставаясь в плену этих существенных позиционных расхождений, стороны долгое время обсуждали теоретически возможные способы ограничений европейских ядерных средств: варианты количественных сокращений, границы возможного отвода и неразмещения сокращаемых ядерных средств, отдельные технические характеристики вооружений и т.д.

Переговоры не дали реальных результатов. Несмотря на то, что в их ходе советская сторона продолжала подавать ясные сигналы партнеру о готовности частично пожертвовать

своей программой развертывания новых ракет средней дальности в обмен на пересмотр *двойного решения* НАТО (и даже объявила в марте 1982 года односторонний мораторий на развертывание своих ядерных средств средней дальности в Европе), США в конце 1983 года все же приступили к размещению в Европе новых ядерных ракет, продемонстрировав тем самым, что в этом решении НАТО его *довооруженческая* сторона имела явный приоритет перед *переговорной*. С появлением в Европе первых новых американских ракет советская сторона незамедлительно покинула Женеву.

Следующий этап переговоров – переговоры по космическим и ядерным вооружениям – был начат в марте 1985 года. На них рассматривались сразу три проблемы: стратегические наступательные вооружения, ядерные вооружения средней дальности и так называемые космические вооружения (включая противоракетную оборону). В части ядерных вооружений средней дальности стороны пришли на переговоры в основном с прежними позициями. Новизна советского подхода состояла лишь в том, что все три темы переговоров – стратегические, средней дальности и космические вооружения – завязывались в тугий узел. Предусматривалась выработка единых, пакетных договоренностей по предотвращению гонки вооружений в космосе и ее прекращению на Земле, по ограничению и сокращению ядерных вооружений – стратегических и средней дальности, укреплению стратегической стабильности. Американская сторона не принимала такого подхода, предпочитая рассматривать три темы вне связи друг с другом. Эти принципиальные расхождения отражались даже на структуре коллективов, проводящих переговоры: три проблемы обсуждались отдельными коллективами, которые в советской *единой* делегации назывались *группами*, а в американской – самостоятельными *делегациями*.

Первый год переговоров и на этот раз также не дал выхода на договоренности. В январе 1986 года новым руководством СССР была провозглашена программа поэтапной ликвидации ядерного оружия в мире к 2000 году, встреченная Западом как пропагандистская, хотя она, несмотря на ее нереалистичность, была продиктована верой ее авторов в идеалы ядерного разоружения. Очевидно, не без влияния этой веры, в это же время в советском подходе к решению разоруженческих проблем произошли

существенные сдвиги. Ранее незыблемый принцип переговоров – *принцип равенства и одинаковой безопасности*, предусматривающий необходимость поддержания строгого паритета сторон в вооружениях с учетом всех приводящих факторов (количественные и качественные ограничения вооружений, их дислокация, географическое положение сторон, наличие у них союзников и т.д.) – был потеснен новым концептуальным элементом – положением о приоритете политических средств перед военно-техническими средствами обеспечения международной безопасности. Провозглашалось, что решения военно-технического порядка не могут компенсировать дефицит политической воли в стремлении человечества выйти из замкнутого круга эскалации военных усилий. Проведению в жизнь этого принципа в немалой степени способствовали ставшие в этот период регулярными советско-американские встречи на высшем уровне, каждая из которых придавала новый импульс разоруженческому процессу.

Новая концептуальная установка оказала существенное воздействие на формирование практических шагов советской стороны на разоруженческих переговорах и прежде всего на переговорах по ядерным вооружениям средней дальности, как наиболее продвинутых к этому времени. Именно они послужили как бы полигоном для опробования новых концептуальных идей. Подвиги советской стороны на этих переговорах – не в хронологическом порядке, а по существу – выглядят следующим образом. Прежде всего – снятие с рассмотрения вопроса об *авиационных* ядерных средствах средней дальности, а также включение в повестку дня наряду с ядерными *наземными* ракетными средствами *средней дальности* (1000–5500 км) ядерных *наземных* ракетных средств *меньшей дальности* (500–1000 км). Было также снято требование об учете на переговорах ядерных вооружений средней дальности союзников США по НАТО – Великобритании и Франции – с отнесением его на неопределенное будущее. Снятие этого требования проходило весьма болезненно, в обостренной борьбе мнений в среде советской разоруженческой элиты. Далее с советской стороны было высказано согласие – и даже предложение – пойти на установление нулевого уровня по ракетам средней и меньшей дальности в Европе (*двойной нуль в Европе*), а затем и в глобальном масштабе (*глобальный двойной нуль*). Наконец, советская сторона пошла на

отделение в ходе переговоров проблемы ядерных средств средней дальности от решений по стратегическим вооружениям и космическим вооружениям, окончательно выделив тем самым проблему ядерных вооружений в Европе в самостоятельную.

Существенные изменения претерпела также позиция советской стороны по вопросу о контроле будущего соглашения. Ранее она хотя и базировалась на признании, что каждое международное соглашение должно предусматривать специальные меры контроля, в отношении конкретных таких мер была весьма консервативной. Долгие годы с завидным постоянством заявлялось, что контроль не должен служить инструментом вмешательства во внутренние дела суверенных государств – участников соглашения, не должен быть самоцелью и должен соответствовать характеру и объему принимаемых сторонами обязательств. И хотя теоретически эти положения не вызвали сомнений, практически они служили лишь тому, чтобы сузить меры контроля, не допустить проникновения на военные объекты *соглядатаев-разведчиков*. Абсолютный приоритет отдавался национальным техническим средствам контроля – космической и иным видам технической разведки. На заключительном этапе переговоров в этом вопросе произошел существенный прорыв: советская сторона признала возможность использования для контроля за выполнением будущего соглашения широкого спектра инспекций на местах. Характерно, что в последующие годы советская, а затем российская сторона к своим прежним опасениям относительно инспекционного метода контроля соглашений практически не возвращалась, допуская его в качестве рутинного для всех будущих разоруженческих соглашений. Определяющую роль в этом сыграл практический опыт проведения инспекций по договору РСМД, о чем будет сказано ниже.

Особенности Договора РСМД

Несмотря на серьезные трудности в ходе советско-американских переговоров, 8 декабря 1987 года договор РСМД был подписан и 1 июня 1988 года вступил в силу. В отличие от других разоруженческих договоров, полугодие, отведенное на ратификацию договора РСМД, партнеры провели не в политических рассуждениях о его пользе или вреде, а в целенаправленных и напряженных усилиях по подготовке к исполнению его положений. В начале 1988 года обе стороны

начали усиленное формирование специальных служб, на которые возлагалась ответственность за реализацию договора. В марте, апреле и мае 1988 года в Москве, Вашингтоне и Вене между представителями этих служб были проведены интенсивные технические консультации с целью уточнения более ста процедурных практических деталей, связанных с выполнением договора. В мае этого же года в Женеве стороны, кроме того, провели обмен дипломатическими нотами, содержащими толкование некоторых конкретных положений договора, которые в период ратификации вызывали неадекватное понимание их сторонами.

В соответствии с договором РСМД, стороны обязались ликвидировать все свои развернутые и неразвернутые ракеты средней (1000–5500 км) и меньшей (500–1000 км) дальности и не иметь таких ракет в будущем. Кроме самих ракет предусматривалось ликвидировать их пусковые установки, связанные с ракетами и пусковыми установками вспомогательные сооружения и вспомогательное оборудование, а также районы развертывания ракет, ракетные операционные базы и ракетные вспомогательные объекты (места производства, складского хранения, ремонта, обучения, испытательные полигоны). На ликвидацию категории ракет средней дальности отводилось три года – до 1 июня 1991 года, а меньшей дальности – 18 месяцев – до 1 декабря 1989 года. *Развернутые* ракеты меньшей дальности и все их пусковые установки должны были быть сосредоточены в местах ликвидации в течение 90 дней, а *неразвернутые* такие ракеты – в течение 12 месяцев; причем места ликвидации ракет и пусковых установок ракет меньшей дальности должны были быть разнесены не менее, чем на 1000 км. При подписании договор предусматривал обмен сторонами подробными данными о количестве и местах дислокации существующих у них ракет средней и меньшей дальности; обширную программу последующих уведомлений друг друга об изменениях в первоначальном состоянии ракет и объектов их размещения; детальные процедуры ликвидации ракет, пусковых установок и связанных с ними вспомогательных сооружений и вспомогательного оборудования; а также беспрецедентную по широте программу инспекций на местах, рассчитанных на 13 лет действия договора. Сам же договор носит бессрочный характер.

В соответствии с договором, СССР обязался ликвидировать свои ракеты средней дальности РСД-10 (в обозначении НАТО – СС-20) – новые твердотопливные ракеты с тремя боеголовками большой мощности, размещенные на мобильных пусковых установках. Ко времени подписания договора РСМД СССР развернул в Европе около 240 ракет РСД-10. Еще около 160 таких ракет было развернуто в азиатских районах страны. Кроме того, около 250 *неразвернутых* таких ракет размещалось на разных вспомогательных объектах, главным образом, в местах складского хранения на всей территории страны. Должны были быть ликвидированы также жидкостные ракеты старых типов – Р-12 (СС-4) и Р-14 (СС-5). В диапазоне средств меньшей дальности ликвидировались ракеты ОТР-22 (СС-12) и ОТР-23 (СС-23), размещенные на всей территории СССР и на семи базах в бывших ГДР и Чехословакии. За шесть месяцев после вступления договора в силу ликвидации подлежало также небольшое число испытанных, но неразвернутых крылатых ракет наземного базирования РК-55.

Соединенные Штаты в категории средств средней дальности ликвидировали свои вновь развернутые по *двойному решению* НАТО баллистические ракеты *Pershing-2* и крылатые ракеты наземного базирования BGM-109G. К декабрю 1987 года США выполнили *двойное решение* НАТО почти в полном объеме: развернули 120 ракет *Pershing-2* на трех базах в ФРГ (еще около 130 неразвернутых таких ракет находилось в местах складского хранения на территории США), а также более 300 крылатых ракет BGM-109G на базах в Великобритании, ФРГ, Италии, Бельгии и Нидерландах (еще около 130 неразвернутых таких ракет находились на вспомогательных объектах, в основном, на территории США). В категории средств меньшей дальности ликвидировались старые ракеты *Pershing-1A*; имелась в виду также ликвидация испытанных, но неразвернутых ракет *Pershing-1B*, если бы они появились к моменту вступления договора в силу. Одновременно с этим практически ликвидировались западногерманские ракеты *Pershing-1* на территории ФРГ, а также некоторое количество таких ракет, находившихся на территории США.

Стороны полностью и в установленные сроки выполнили свои обязательства по договору. Количество ликвидированных элементов ракетных комплексов сторон, с учетом

некоторых изменений в период между подписанием и ратификацией договора, приведено в таблицах 1 и 2. Уничтожаемые ракеты СССР размещались на 117, а США – на 31 объектах, которые также были ликвидированы практически в те же сроки.

Приведенные цифры нуждаются в комментариях. Прежде всего обращает на себя внимание их асимметрия: СССР в результате выполнения договора РСМД вынужден был сократить заметно большее число ракетных

комплексов и объектов их размещения, чем США. В этом состоит одна из особенностей договора РСМД. Основное внимание договора было уделено, если можно так выразиться, *качественной* стороне вопроса. Полной ликвидации подлежали две категории ядерных ракетных вооружений наземного базирования СССР и США, в диапазоне дальностей 500–5500 км. Неравные количества ликвидированных средств лишь отражали реальное положение дел с их состоянием к моменту вступления договора в силу.

Таблица 1. Количество ликвидированных элементов ракетных комплексов ракет средней и меньшей дальности по договору РСМД со стороны СССР (с 1 июня 1988 года по 12 мая 1991 года)

Ликвидируемые элементы ракетных комплексов	Наименования ракет						Всего
	РСД-10	P-12	P-14	Pк-55	ОТР-22	ОТР-23	
Ракеты, в том числе:	654	149	6	80	718	239	1846
развернутые	405	60	-	-	85	127	677
неразвернутые	249	89	6	80	633	112	1169
Пусковые установки, в том числе:	509	72	-	6	132	106	825
развернутые		468			101		569
неразвернутые		119			137		256
Корпуса головных частей	405	60	-	-	220	127	812
Транспортно-пусковые контейнеры	688	-	-	80	-	-	768
Транспортные средства	126	163	-	-	62	88	439
Стационарные сооружения для пусковых установок (укрытия)	408	-	-	-	-	-	408
Установщики	-	83	-	-	-	-	83
Емкости для топлива	-	509	-	-	-	-	509
Учебные ракеты	34	77	-	-	190	121	422
Учебные пусковые установки	49	-	-	-	-	-	49

Таблица 2. Количество ликвидированных элементов ракетных комплексов ракет средней и меньшей дальности по договору РСМД со стороны США (с 1 июня 1988 года по 6 мая 1991 года)

Ликвидируемые элементы ракетных комплексов	Наименования ракет			Всего
	Pershing-2	BGM-109G	Pershing-1A	
Ракеты, в том числе:	234	443	169	846
развернутые	120	322	-	442
неразвернутые	114	121	169	404
Пусковые установки, в том числе:	165	123	1	289
развернутые		209	-	209
неразвернутые		79	1	80
Корпуса головных частей	120	322	-	442
Пусковые контейнеры	-	443	-	443
Стационарные сооружения для пусковых установок (укрытия)	6	-	-	6
Учебные ракеты (ступени)	179	3	71	253
Учебные пусковые установки	-	29	-	29
Учебные пусковые контейнеры	-	63	-	63

Уместны и некоторые дополнительные соображения на этот счет. Если говорить только о *развернутых ракетах средней дальности*, игравших основную роль в соотношении сил, то СССР и США уничтожили их примерно одинаковое количество, 465 и 442 единицы соответственно. Если говорить только о европейском регионе, размещение ядерных средств в котором вызывало наибольшую озабоченность СССР, то США уничтожили там примерно в полтора раза больше *развернутых РСД*, чем СССР, соответственно 442 и 303 единицы. Стало быть, большее число уничтоженных СССР ракет средней дальности определялось, главным образом, количеством *неразвернутых* таких ракет. Количество уничтоженных СССР *неразвернутых* ракет обеих категорий составило 61% от их общего числа, в то время как со стороны США эта величина составляла лишь 47%, что говорит, пожалуй, о недостаточной согласованности планов производства ракет в тогдашнем СССР с их реальными военными потребностями.

Таким образом, симметричен – и это главное – конечный результат договора: две категории ракет ликвидированы на нулевой и глобальной основе. И если на момент подписания договора еще могло пониматься, что речь в нем идет лишь о *ядерных* ракетах, то точка в этом вопросе была поставлена на встрече руководителей политических департаментов сторон в Женеве 11–12 мая 1988 года: стороны обменялись нотами, в которых указывалось, что запрет по договору распространяется на ракеты средней и меньшей дальности в любом оснащении – ядерном, неядерном или каком-либо возможном в будущем.

Особенность договора состоит еще и в том, что ликвидировались весьма опасные вооружения сторон – с малым подлетным временем (8–10 мин), что было немаловажно для повышения так называемого ядерного порога. Причем, уничтожались в основном современные вооружения, далеко не отслужившие свой срок.

Можно полагать, что именно все это в совокупности побудило в дальнейшем Соединенные Штаты полностью освободить Европу от своих ядерных средств наземного базирования.

Необходимо, однако, сказать и о недостатках договора РСМД. Нарекания военных и технических специалистов вызвало принятое в

апреле 1987 года решение тогдашнего руководства СССР включить в предмет переговоров советские ядерные оперативно-тактические ракеты ОТР-23 (*Ока*), имевшие дальность 400 км и по этому критерию не подпадающие под обязательства договора. Это был чисто политический шаг, по-видимому, призванный сохранить и поддержать темпы подготовки будущего соглашения, заданные состоявшейся незадолго до этого – в конце 1986 года – встречей на высшем уровне в Рейкьявике. Требование о включении в переговоры ракет ОТР-23, независимо от их дальности, американская сторона выдвигала давно, начиная с 1982 года. Не исключено, что поначалу, на первых этапах переговоров об ограничении ядерных вооружений в Европе, вопрос о включении в переговоры ракет ОТР-23 использовался американской стороной лишь как неприемлемое для советской стороны условие – для затягивания переговоров и, следовательно, для оправдания последующего развертывания в Европе новых американских ракет. Постепенно это требование стало с американской стороны неприемлемым условием заключения будущего соглашения. Несмотря на то, что решение о судьбе ракет ОТР-23 быстро развязывало этот переговорный узел, все же, на мой взгляд, следует отдать должное справедливой критике российскими военными и техническими специалистами этого решения.

Другим недостатком договора РСМД является то обстоятельство, что советской стороне – в связи со снятием вопроса об авиационных средствах средней дальности – не удалось добиться ограничения договором американских крылатых ракет воздушного базирования, идентичных по техническим характеристикам ограничиваемым крылатым ракетам наземного базирования. Хорошо известно, что эти ракеты в неядерном оснащении широко применяются Соединенными Штатами в Европе и в других регионах мира.

Можно говорить также, хотя и несколько условно, и еще об одном недостатке договора: о допущенном им снятии с ликвидируемых вооружений – и, естественно, последующем сохранении – ядерных зарядов уничтожаемых ракет, а также некоторых аппаратурных элементов, таких, например, как системы управления крылатых ракет наземного базирования, которые могли использоваться в иных аналогичных средствах вооружения.

Следует, однако, заметить, что отмеченные недостатки договора РСМД никак не сказались на его ратификации и успешном выполнении.

О механизме реализации договора РСМД

Как уже отмечалось, для реализации договора РСМД в СССР и США потребовалось создание весьма разветвленных организационных структур, не имевших прецедента в разоруженческой практике.

Прежде всего в эти структуры были включены заново организованные московский и вашингтонский Национальные центры по уменьшению ядерной опасности, договоренность о создании которых стороны заключили незадолго до подписания договора РСМД (15 сентября 1987 года). Московский центр был организован в структуре Генерального штаба ВС СССР, вашингтонский – в структуре Государственного департамента США. На центры возлагалась задача при помощи формализованных уведомлений (около 50 заранее согласованных между сторонами документов) информировать друг друга по всем вопросам реализации договора: об исходных данных и о любых изменениях в них по ходу ликвидации вооружений, о запланированных мероприятиях по ликвидации и об их результатах, о перемещениях ракетных средств между объектами, о намерениях провести инспекции и т.д. Центры выполняли эту работу (и продолжают выполнять в настоящее время) непрерывно и круглосуточно, используя спутниковые линии связи. За первые три года реализации договора, когда осуществлялся наиболее интенсивный обмен данными, московский Национальный центр по уменьшению ядерной опасности передал около 3200 уведомлений и принял от американского центра около 2600 уведомлений.

В видах Вооруженных сил СССР (Ракетные войска стратегического назначения, Сухопутные войска и Военно-воздушные силы) были созданы центры управления ликвидацией РСМД. Оборудованы восемь мест ликвидации вооружений и техники: Капустин Яр (наземный подрыв ракет РСД-10), Сарны (разрезание пусковых установок РСД-10), Лесная (разрезание ракет и пусковых установок Р-12 и Р-14), Канск и Чита (ликвидация ракет РСД-10 методом пуска), Сарьозек (подрыв ракет ОТР-22 и ОТР-23), Станьково (разрезание пусковых установок

ракет ОТР-22 и ОТР-23), Елгава (разрезание ракет Рк-55 и их пусковых установок). Оборудование мест ликвидации включало их обустройство, строительство дорог и инженерно-технических сооружений, создание условий для размещения, работы и отдыха работающего на них личного состава, а также для проживания и обеспечения деятельности на них американских инспекционных групп.

США оборудовали четыре места ликвидации вооружений и техники: Пуэбло (сжигание ракет *Pershing-1* и *Pershing-2* и разрезание их пусковых установок), Лонгхорн (сжигание ракет *Pershing-1* и *Pershing-2*), Девис-Монтан (разрезание крылатых ракет BGM-109G и их пусковых установок), Хаузен (ФРГ, разрезание пусковых установок *Pershing-1* и *Pershing-2*). Во всех местах ликвидации также были созданы условия для пребывания советских инспекторов.

Для осуществления инспекционной деятельности в Генеральном штабе ВС СССР была создана инспекционная служба при Национальном центре по уменьшению ядерной опасности, а в министерстве обороны США – Агентство по инспекциям на местах. Договором РСМД предусмотрены шесть видов инспекций, в частности: проверка исходных данных (в течение второго и третьего месяцев действия договора проверялись все заявленные сторонами объекты), подтверждение факта ликвидации объекта (по мере выполнения), квотные инспекции (выборочные инспекции с кратким временем предупреждения – первые три года по 20 инспекций в год, пять последующих лет по 15 инспекций в год, последние пять лет по 10 инспекций в год), инспекции ликвидации (непрерывное наблюдение процесса ликвидации с фиксацией числа ликвидированных средств), инспекции бывших заводов по производству ракет средней дальности. В последнем случае стороны условились постоянно контролировать друг у друга по одному заводу: в Магне (США) и в Воткинске (СССР). С этой целью у специально оборудованных проходных пунктов этих заводов непрерывно и круглосуточно несут дежурство инспекционные группы сторон, ротируемые через определенные периоды времени.

Объем инспекционной деятельности по договору РСМД весьма велик. За первые три года действия договора на объектах, подпадающих под его действие, с учетом ротаций инспекционных групп в Воткинске и

Магне, проведено 225 советских инспекций и 534 американских; в этот период советская сторона в среднем каждые два дня принимала американскую инспекционную группу и в среднем каждые четыре–пять дней направляла свою инспекционную группу на объекты США. По состоянию на конец 1997 года эти цифры составили соответственно 398 и 894 инспекции. Каждая инспекционная группа состоит из 10 человек, а при контроле ликвидационных процессов – до 20 человек; заводы на постоянной основе, учитывая сменную работу в этих местах, контролируют группы до 30 человек. Уведомление о прибытии группы, само прибытие группы в страну и ее доставка (встречающим персоналом контролируемой страны) из установленного пункта въезда к месту инспекции осуществляется по жесткому временному графику. На территории СССР два пункта въезда: Москва и Улан-Удэ; в последнем наша служба вынуждена иметь как бы свой филиал для выполнения функций сопровождения американских инспекционных групп. На территории США также два пункта въезда: Вашингтон и Сан-Франциско. Имелись также согласованные пункты въезда во всех европейских странах размещения ракет. Продолжительность пребывания инспекционной группы в стране – от двух–трех суток до двух–трех недель (при контроле ликвидации). Группы формируются из числа инспекторов, заранее включенных в списки из двухсот человек; списки согласуются между сторонами, могут обновляться, а нежелательные персоны по требованию сторон могут при согласовании из них исключаться. Доставка групп к местам инспекций по территории контролируемой страны из-за жестких временных ограничений осуществляется, как правило, самолетами, в большинстве случаев – спецрейсами. Затраты на авиатранспорт, а также на содержание инспекторов на местах инспекций (за счет принимающей стороны – кроме постоянных инспекций в Воткинске и Магне) составляют немалую статью расходов. В настоящее время проводятся лишь квотные инспекции бывших объектов размещения ракет средней и меньшей дальности, а также постоянные инспекции в Воткинске и Магне. В соответствии с договором они будут продолжаться до июня 2001 года.

Инспекции в целом подтвердили соблюдение сторонами договорных обязательств и, в частности, то, что ликвидация вооружений проходила в полном соответствии с положениями договора. Сегодня можно

уверенно утверждать, что предусмотренный договором механизм контроля полностью оправдал себя, является достаточно надежным и эффективным. Уместно отметить, что подобный механизм контроля, а также созданные для реализации договора РСМД организационные структуры в дальнейшем успешно используются при выполнении других договоров – об обычных вооруженных силах в Европе, о стратегических наступательных вооружениях и прочие.

Вместе с тем, в ходе реализации договора РСМД у сторон возникали озабоченности и вопросы друг к другу, появлялась необходимость в обсуждении отдельных неясных ситуаций. Большинство вопросов разрешалось непосредственно в ходе проведения инспекций, в процессе общения инспектируемого и сопровождающего персонала. Для рассмотрения других, не решаемых на рабочем уровне проблем в соответствии с договором была создана Специальная контрольная комиссия, которой предписано разрешение различных вопросов, относящихся к выполнению принятых обязательств, а также согласование мер, которые могут быть необходимы для повышения жизнеспособности и эффективности договора.

Из наиболее существенных неясностей, возникших по ходу выполнения договора, можно упомянуть вопросы о контроле за ракетными средствами *Pershing-1A*, принадлежавшими ФРГ и находившимися на территории США (поставлен советскими инспекторами) и о неядерных ракетных средствах ОТР-23, принадлежавших Болгарии, бывшей ГДР и бывшей Чехословакии (поставлен американской стороной). Эти и другие, менее значимые вопросы были полностью разрешены к взаимному удовлетворению сторон.

В конечном счете, выполнение договора РСМД, при всей объемности предусмотренных им задач, большом количестве ликвидируемых ракетных средств, заложенных в нем детальных процедурах ликвидации вооружений и контроля, может быть по праву отнесено к наиболее бесконфликтному в современной истории разоружения. Огромная заслуга в этом принадлежит персоналу, выполнявшему и продолжающему выполнять договор. С обеих сторон реализацией договора, проведением инспекций занимались сотни и даже тысячи специалистов. Если прежде можно было

говорить о специалистах-разоруженцах лишь в смысле проведения ими разоруженческих переговоров, то с подписанием договора РСМД впервые появилась новая общность людей – специалисты, главным образом военные, по выполнению и контролю разоруженческих договоров. Эту общность, несмотря на принадлежность к различным договорным сторонам, объединяет глубокое осознание важности выполняемого ими дела, уважение к партнеру, высочайшая ответственность. Эти люди высоко образованы, проходят в своих странах специальную подготовку, горды своей принадлежностью к новой сфере человеческой деятельности. Благодаря их напряженным и самоотверженным усилиям договор РСМД и стал хрестоматийным примером успешного выполнения соглашений по разоружению.

Вновь говоря о позитивном значении договора РСМД, особенно для своего времени – конца восьмидесятых годов – необходимо отметить, что договор отвечал интересам обоих его участников, интересам всех европейских стран, благотворно сказывался на политической ситуации в других регионах мира. Он впервые разорвал устоявшуюся логику гонки ядерных вооружений, основанную на принципе *действие–противодействие*, показал реальность усилий, прилагаемых разоруженческим сообществом. Договор снизил уровень ядерного противостояния в Европе, уменьшил вероятность развязывания локального европейского ядерного конфликта с его перерастанием в глобальный ядерный конфликт. Освободив планету от двух категорий наземных ядерных средств США и России, договор способствовал тем самым и некоторой сдержанности ядерных союзников

США по НАТО в реализации их ядерных программ.

Договором впервые провозглашены новые формы открытости и контроля. Широкий обмен исходными данными о состоянии группировок ракет средней и меньшей дальности, схемами объектов размещения ракет, фотографиями ограничиваемых им средств, последующий обмен уведомлениями о состоянии вооружений – все это является показателем углубления доверия между участниками договора. Дополнением к этому служит система широкого общения военных специалистов сторон в процессе выполнения договора, позволяющая им глубже и конкретнее понимать взгляды друг друга на взаимоотношения России и США.

В конце восьмидесятых–начале девяностых годов договор РСМД способствовал успешной разработке последующих разоруженческих соглашений – договоров об обычных вооруженных силах в Европе, о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений СНВ-1 и других соглашений.

Сегодня, однако, договор РСМД, как и вся система разоруженческих отношений России и США, подвергается серьезным испытаниям. Причины этого в действиях США и НАТО в Европе, в маневрах США по выходу из договора по ПРО. Как не раз в последнее время заявляло российское руководство, действия США по разрушению договора по ПРО могут привести к подрыву всех переговорных российско-американских отношений в области стратегических ядерных вооружений. И можно лишь сожалеть о том, что это бросит тень и на светлое пятно в истории разоружения – договор РСМД. ■

Сообщения**О КОНФЕРЕНЦИИ ПОНАРС**

4-5 мая директор ПИР-Центра Владимир Орлов принял участие в конференции Программы по новым подходам к российской безопасности (*Program for New Approaches to Russian Security*, PONARS) – группы американских и российских политологов, известной как ПОНАРС. Конференция прошла в Вашингтоне.

В конференции, помимо членов ПОНАРС, приняли участие многочисленные представители исполнительной и законодательной власти США. Обсуждался широкий спектр вопросов экономической,

военной безопасности, внутренней и внешней политики России, взаимоотношения *центр–регионы*, российско-американских отношений и их возможной трансформации.

Владимир Орлов выступил на секции по вопросам контроля над вооружениями с комментариями о перспективах политики России в области нераспространения ОМУ. На этой секции также выступили Александр Пикаев (Московский центр Карнеги), Павел Подвиг (МФТИ) и Николай Соков (Монтерейский институт международных исследований, США).

О СЕМИНАРЕ «РОЛЬ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И СМИ В ОСВЕЩЕНИИ ПРОБЛЕМЫ НЕЛЕГАЛЬНЫХ ТРАНСФЕРОВ ВООРУЖЕНИЙ, ПОДКОНТРОЛЬНЫХ ТОВАРОВ И ТЕХНОЛОГИЙ»

17 мая в Киеве состоялся научно-практический семинар на тему «**Роль неправительственных организаций и СМИ в освещении проблемы нелегальных трансферов вооружений, подконтрольных товаров и технологий**» для представителей прессы.

В ходе семинара были освещены следующие темы:

- Нелегальные трансферы как фактор глобального распространения оружия массового поражения (Сергей Галака, доцент ИМО Национального университета им. Т. Шевченко);
- Взаимодействие государственных структур и СМИ в предотвращении нелегальных трансферов (Сергей Свистиль, заместитель Председателя Госслужбы экспортного контроля);
- Журналистские разоблачения нелегальных трансферов: возможные форматы для исследований (Вячеслав Поздняк, директор МИПИ, Минск, Белоруссия);
- Тема нелегальных трансферов в исследованиях неправительственных организаций (Владимир Чумак, директор Центра исследования проблем нераспространения, Киев, Украина);
- Роль американских неправительственных организаций в укреплении контроля экспорта (Виктор Заборский, директор программы, Центр международной торговли и безопасности университета Джорджии, США);
- КОКОМ и Вассенаарские соглашения – сравнительный анализ (Грегори де Сантис

(Gregory de Santis), Центр передач технологий, директор, США);

- Опыт Центра исследований проблем нераспространения Монтерейского института в организации базы данных по нелегальным трансферам (Скотт Перриш (Scott Parrish), Монтерейский институт, США);
- Предотвращение нелегальных трансферов: как это делает общественность (Стенли Эрикссон (Stanley Erickson), ведущий эксперт, Ливерморская национальная лаборатория, США);
- Опыт отечественной журналистики в освещении проблемы нелегальных трансферов (Сергей Згурец, газета *День*);
- Опыт журналистов и неправительственных структур в Центральной Азии (Дастан Елеукенов, исполнительный директор Алма-Атинского представительства Монтерейского института, Казахстан);
- Ре-экспорт: *серая зона* трансферов вооружений (Вадим Козюлин, ПИР-Центр, Россия).

В ходе семинара участники отмечали, что роль средств массовой информации и общественных организаций в предотвращении незаконных трансферов вооружений очень высока. При этом подчеркивалось, что круг журналистов, работающих в этой области, очень невелик, а их знания и навыки недостаточны. Для повышения профессионального уровня журналистов рекомендовалось проводить подобные семинары чаще.

О СЕМИНАРЕ «ПРОБЛЕМЫ КОНТРОЛЯ ЭКСПОРТА ВООРУЖЕНИЙ, ТОВАРОВ И ТЕХНОЛОГИЙ ДВОЙНОГО НАЗНАЧЕНИЯ»

19 мая в Киеве состоялся научно-практический семинар на тему «**Проблемы контроля экспорта вооружений, товаров и технологий двойного назначения**» для представителей украинских организаций и предприятий оборонного комплекса.

В ходе семинара состоялось три заседания, на которых были освещены следующие темы:

На первом заседании «Специальный экспорт и его контроль на Украине: опыт, проблемы, перспективы» были представлены доклады:

- Экспортный контроль на Украине: опыт, проблемы, перспективы развития (Сергей **Свистиль**, заместитель председателя Госслужбы экспортного контроля Украины);
- Стратегия экспорта вооружений: национальные особенности и перспективы (Владимир **Чумак**, директор ЦИПН);
- Роль технических экспертов в оказании помощи предприятиям в осуществлении экспорта и импорта подконтрольных товаров и технологий (Сергей **Яцкевич**, старший научный сотрудник научного центра ядерных исследований НАНУ).

На втором заседании «Международный контроль экспорта»:

- Текущая ситуация в области глобальных режимов контроля экспорта (Вячеслав **Поздняк**, директор МИПИ, Минск, Белоруссия);
- Предотвращение ядерного и ракетного распространения: опыт Центра

исследований проблем нераспространения (США) в отслеживании нелегальных трансферов (Скотт **Перриш** (Scott Parrish), Монтерейский институт, США);

- КОКОМ и Вассенаарские договоренности: сравнительный анализ опыта функционирования (Грегори де **Сантис** (Gregory de Santis), Центр передач технологий, директор, США).

На третьем заседании «Международный опыт контроля за экспортом»:

- Система экспортного контроля США: насколько она совершенна? – Влияние на украинский спецэкспорт (Виктор **Заборский**, Директор программы, Центр международной торговли и безопасности университета Джорджии, США);
- Экспорт ядерных и ракетных технологий: взгляд из США (Стенли **Эрикссон** (Stanley Erickson), ведущий эксперт, Ливерморская национальная лаборатория, США);
- Особенности осуществления экспортного контроля в ННГ: опыт Казахстана (Дастан **Елеукенов**, исполнительный директор Алма-Атинского представительства Монтерейского института, Казахстан);
- Проблемы эффективности контроля реэкспортных операций (Вадим **Козюлин**, ПИР-Центр, Россия).

В ходе дискуссий участники обсудили возможности мирового сообщества в деле предотвращения нелегальной торговли вооружением в мире, а также обменялись опытом обновления контрольных списков.

О КОНФЕРЕНЦИИ «БЕЗОПАСНОСТЬ И СОТРУДНИЧЕСТВО В БАЛТО-ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ: ЕВРОПЕЙСКИЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ»

22–23 июня в Минске проходила международная конференция «**Безопасность и сотрудничество в Балто-Черноморском регионе: европейский и региональный аспекты**». Конференция проводилась аналитическим центром *Стратегия* (Минск) при поддержке фонда Макартуров в рамках традиционного международного минского Форума по европейской безопасности. В конференции приняли участие представители государственных институтов (МИД,

министерств обороны, других ведомств) Белоруссии, Украины, Польши, России, Литвы, Латвии и эксперты НАТО. ПИР-Центр на конференции представлял директор проекта и научный сотрудник ПИР-Центра Иван **Сафранчук**, который выступил с докладом «Расширение НАТО и проблемы безопасности в Балто-Черноморском регионе. Инициатива создания в регионе зоны, свободной от ядерного оружия».

Из редакционной почты

- О статье Игоря Николайчука «Первый удар остается важным элементом современной ядерной политики» (*Ядерный Контроль*, №4, 1999)

Редактору:

Всегда с большим интересом читаю Ваш журнал, узнаю много нового о событиях, происходящих в России в области контроля над ядерными вооружениями, с удовольствием знакомлюсь с мнением российских специалистов по этой проблеме. В журнале *Ядерный Контроль* была опубликована статья Игоря Николайчука «Первый удар остается важным элементом современной ядерной политики», по поводу которой я бы хотела представить некоторые свои комментарии.

В данной статье автор несколько раз упоминает позицию Германии по вопросам, связанным с ядерным оружием. В частности, «...не исключено, что такой шаг может стимулировать руководство Германии начать разработку ядерного оружия для обеспечения гарантии собственной безопасности...» (с.66), «...проблема приемлемости *европейского ядерного зонтика* для Германии является [...] крайне болезненной темой...» (с.66), «...снятия обеспокоенности Германии по поводу отсутствия у нее ядерного оружия...» (с.67), «...вопрос в практической плоскости ставится ей [Германией – Ред.] следующим образом: либо опора на ядерное оружие США в Европе, либо на свое собственное ядерное оружие...» (с.68). Автор также отмечает, что Германия выступила бы решительно против принятия США декларации о неприменении первыми ядерного оружия: «...Германия, которая полностью зависит от НАТО в вопросах обороны и особенно от его *ядерного зонтика*. Существуют обоснованные опасения, что Германия воспримет декларацию о неприменении первыми ядерного оружия со стороны США как [...] желание [...] ограничить регион ядерного конфликта территорией Европы...» (с.67).

Подобная характеристика немецкой политики дает неправильное представление об истинной позиции Германии, которая в гораздо большей степени имеет антиядерную направленность и, вообще, является значительно более сложной. Более того, немецкая политика в этой области переживает переходный период. В статье же не дается указаний на источники, послужившие поводом для вышеназванных заявлений, представляемых как бесспорные факты. Это создает опасность возникновения

ложных стереотипов и укрепления позиций сторонников жесткой линии.

В частности, следует подчеркнуть тот факт, что министр иностранных дел Германии Йошка Фишер поддержал в ноябре 1998 года идею принятия НАТО концепции неприменения ядерного оружия первой и, таким образом, нарушил существовавшее долгое время табу (см., например, интервью с г-ном Фишером в *Der Spiegel*, No.48, November 23, 1998, p.84). И хотя ему не удалось добиться успеха, а предложение вызвало горячие споры, оно было с одобрением встречено широким кругом аналитиков и лиц, отвечающих за принятие решений.

На мой взгляд, основной причиной, по которой на немецкой земле еще сохраняется ядерное оружие, является скорее консервативная инертность мышления, нежели реальное осознание угрозы. Страны, на территории которых размещено ядерное оружие, играют более важную роль в рамках группы планирования НАТО. Консервативно настроенные чиновники боятся потерять это влияние в том случае, если ядерное оружие будет выведено из Германии. Таким образом, в НАТО стараются избегать обсуждения вопроса о размещении ядерного оружия, поскольку все знают, что сразу возникнут проблемы поиска убедительных доводов.

Германия рада тому, что ей не приходится нести на себе бремя расходов по дорогостоящему ядерно-оружейному комплексу. Поскольку большинство населения настроено отрицательно в отношении ядерного оружия, то сегодня было бы практически невозможно создать такой комплекс. Люди считают, что международный вес их страны зависит больше от здоровья экономики, чем от военной силы. Они не видят какой-либо серьезной угрозы для себя после окончания *холодной войны*. Будучи экспертом, долгие годы следящим за официальной и неофициальной дискуссией по ядерной политике, я никогда не встречала настоящего сторонника создания Германией ядерного оружия. Большая часть населения, напротив, выступает за дальнейшее сокращение ядерных вооружений. Важную роль в этом процессе играет договор «2+4», который не просто привел к объединению Германии, но и юридически закрепил неизменный отказ ФРГ от всех видов оружия массового уничтожения (ОМУ). Немцы

привержены выполнению положений этого договора и очень серьезно относятся к взятым по нему обязательствам. Отказ от всех видов ОМУ считается основой внешней политики страны. Невозможно забыть и о той позитивной роли, которую сыграла Россия в выработке и принятии договора «2+4».

Для того чтобы ярче проиллюстрировать немецкую политику в области разоружения и контроля над ядерными вооружениями, позвольте упомянуть несколько общих факторов, оказывающих влияние на ее формирование:

Во-первых, с окончанием противостояния между Востоком и Западом произошло значительное укрепление безопасности Германии. В 1994 году правительство ФРГ представило доклад, в котором содержалась общая оценка вызовов безопасности, в том числе с учетом развития социальной, экономической и экологической обстановки. Опасений по поводу возможности прямой ядерной угрозы Германии (как это было во времена *холодной войны*) больше не существует. В перечне задач политики в области безопасности контроль над вооружениями стоит предпоследним (Белая книга Федерального министерства обороны. 1994, с.25 и далее (на немецком языке)).

Во-вторых, правительство ФРГ неоднократно подчеркивало важность выполнения существующих соглашений по контролю над вооружениями и необходимость продолжения усилий в этой области. Определенной вехой стала выдвинутая в 1993 году внешнеполитическая инициатива Клауса Кинкеля, состоящая из 10 пунктов (краткий обзор инициативы содержится в *Nuclear Proliferation News*, Issue No.5, 10 June 1994). «Предотвращение и ограничение распространения ядерного, бактериологического и химического оружия и средств доставки становится все более важным. Эта задача [...] является центральным пунктом немецкой внешней политики и политики в области безопасности» (Доклад по контролю над вооружениями, разоружению и нераспространению 1997. МИД Германии, с.7 (на немецком языке)). Поддержка Германией режима нераспространения и контроля над вооружениями после окончания конфликта между Востоком и Западом неоспорима. И на это стоит обратить внимание, ибо в течение предшествующих десятилетий германская ядерная политика прошла несколько этапов,

совершенно иных по содержанию. Важным фактором, способствовавшим смене приоритетов, был и вышеназванный договор «2+4», подписанный в 1990 году. В отличие от политики безопасности США, немецкая политика в этой области вписывается во все без исключения международные соглашения и находит отражение в деятельности международных органов.

В-третьих, поскольку Германия является неядерным государством (НЯОГ), то в ней, в отличие от ядерных государств (ЯОГ), нет ничего похожего на лоббирование со стороны предприятий ядерно-оружейного комплекса. Следствием этого является меньшая в сравнении с США полярность взглядов по вопросам контроля над ядерными вооружениями и отсутствие ярых противников данного контроля (как это есть в США).

В-четвертых, консерватизм в отношении существующей стратегии НАТО можно проследить при рассмотрении таких вопросов, как *ядерный зонтик*, доктрина сдерживания, размещение ядерного оружия на территории Германии и нанесение первого ядерного удара. В то же время необходимо отметить, что министр иностранных дел Йошка Фишер все же одобрил политику неприменения ядерного оружия первым, о чем уже говорилось выше. В 1993 году тогдашний министр иностранных дел Клаус Кинкель призвал создать Реестр ООН по ядерным вооружениям. Но это были лишь исключения, а господствующий консерватизм привел к довольно осторожной, ориентированной на статус-кво политике в области контроля над вооружениями. Выказанные же министрами предложения не сумели получить практического развития в рамках международных организаций.

В-пятых, уже многие годы сохраняется и недовольство в отношении дискриминационного характера режима ядерного нераспространения. Причины для этого были самые разные, но по большому счету, подобное недовольство может быть объяснено реально существующими или воспринимаемыми как таковые конкурентными препятствиями для ядерной промышленности. Неудовольствие по этому поводу ограничивается исключительно вопросами невоенного характера, особенно учитывая, что НЯОГ должны находиться под гарантиями МАГАТЭ, а ЯОГ нет. В результате от ЯОГ начинают требовать больших обязательств по ядерному разоружению и гарантиям. В последние годы наблюдается все

большее раздражение в отношении медленного хода ядерного разоружения. Примером может служить волна критики, последовавшая за провалом попыток США ратифицировать ДВЗЯИ.

В-шестых, Германия традиционно сравнительно слабо участвовала в международных переговорах по контролю над ядерными вооружениями. Это частично объясняется ее статусом НЯОГ, частично это происходило в силу исторических причин, а также в результате небольшого значения, придававшегося вопросам контроля над ядерными вооружениями по сравнению с другими внешнеполитическими задачами. Важную роль играет и стремление выработать общую позицию ЕС, когда это возможно. Контрпродуктивным следствием такого стремления является необходимость согласовывать интересы НЯОГ и ЯОГ в рамках ЕС, что часто приводит к наименьшему общему знаменателю, поскольку любая более решительная позиция не приветствуется. Те члены ЕС, которые ставят вопросы контроля над ядерными вооружениями выше в списке многочисленных задач Союза (в особенно Франция и Великобритания), имеют большее влияние по сравнению с теми, кто предпочитает другую иерархию приоритетов (например, Германия, чьи интересы в рамках ЕС лежат несколько в других областях, таких, как экономика). Таким образом, ФРГ часто идет на уступки Франции и Великобритании в вопросах, касающихся контроля над ядерным оружием.

В-седьмых, поскольку проблемы контроля над ядерными вооружениями не являются приоритетными, то число специалистов в этой области крайне ограничено. Это справедливо в отношении и правительства, и политических партий, и научного сообщества. Кроме того, интерес широких слоев общественности к ядерному разоружению практически угас после окончания противостояния между Востоком и Западом. Исключениями являются лишь кратковременные протесты против возобновления Францией ядерных испытаний и некоторое внимание прессы к ядерным испытаниям Индии и Пакистана весной 1998 года.

Аннетт Шапер

Автор – старший научный сотрудник, Франкфуртский институт изучения проблем мира, Германия

- **О статье Анатолия Шевцова «Договор об ограничении систем противоракетной обороны: основа стратегической стабильности или яблоко раздора?» (Ядерный Контроль, №3, 2000)**

Анатолий Шевцов, подчеркивая свою обеспокоенность *противоречиями* между США и Россией в отношении судьбы договора по ПРО 1972 года и бросая им упрек в том, что они «не пытаются провести объективный анализ своих действий», претендует на восполнение объективности в «оценке сложившейся ситуации». Такая цель в общем-то не может не приветствоваться. Однако при внимательном прочтении рассматриваемой статьи приходишь к однозначному выводу о том, что автору, претендующему на объективность, как раз именно этой объективности и недостает.

В самом деле, если попытаться *оголнить* главный тезис статьи Анатолия Шевцова, то он сводится к следующему: возможное осложнение международной обстановки, перспектива развала всей системы договоров и соглашений в области контроля над вооружениями и подрыва стратегической стабильности связывается не с курсом Соединенных Штатов на развертывание ПРО территории страны и, как следствие, фактическую ликвидацию договора по ПРО – фундамента стратегической стабильности, а с позицией России, последовательно выступающей за сохранение этого договора.

Если бы Анатолий Шевцов действительно стремился к объективности, то в своем анализе *существующей ситуации* он не мог бы не задаться такими принципиальными вопросами, как: существуют ли реальные причины, диктующие необходимость развертывания в США ПРО территории страны; будет ли такая ПРО *ограниченной*, как об этом говорят в Вашингтоне; и, наконец, почему подавляющее большинство политиков, ученых, экспертов в области ПРО видят угрозу подрыва стратегической стабильности в случае развертывания в США ПРО территории страны.

Ни одного из этих вопросов автор – как это ни странно – не поднимает.

США в качестве предлога для развертывания ПРО территории страны выдвигают угрозу удара с помощью межконтинентальных баллистических ракет (МБР) Северной Кореи,

Ирана и Ирака. Неужели Анатолию Шевцову, специалисту в области ракетно-космической техники, неведома несостоятельность этого предлога? Неужели ему неизвестно, какие сложнейшие проблемы технического плана имеют место на пути создания МБР? Но при этом, даже отвлекаясь от технических проблем и предполагая, что этим странам удастся создать МБР, должно быть предельно ясно, что фактор ядерного сдерживания будет в полной мере *работать* и в отношении этих государств.

Если же исходить из того, что эти страны создают МБР, как утверждают в Вашингтоне, для шантажа Соединенных Штатов, то, *во-первых*, следует задуматься, какие же цели в этом случае могут ставить эти государства? Ни в политической, ни в экономической, ни в военной областях этих целей *реально* не просматривается. *Во-вторых*, предположим, что упомянутые страны захотят шантажировать США, но ведь для этого известен целый ряд других способов, не требующих огромных затрат на создание МБР, и главное – против которых планируемую к развертыванию национальную ПРО будет совершенно не эффективна.

Реальной угрозы нанесения удара по Соединенным Штатам МБР Северной Кореи, Ирана и Ирака в обозримой перспективе, по оценкам наших специалистов, не существует, и, стало быть, нет и той официально объявленной первопричины для реализации курса США по развертыванию ПРО территории страны. Для объективных аналитиков совершенно ясно, что эта *надуманная* угроза является лишь предлогом для развертывания такой ПРО. Истинные причины курса США, конечно же, другие, но, видимо, автора рассматриваемой статьи они не беспокоят.

Особо следует остановиться на вопросе о так называемом ограниченном характере планируемой к развертыванию в США национальной ПРО. В сущности, Анатолий Шевцов в своих рассуждениях смыкается со сторонниками развертывания национальной системы ПРО, утверждающими, что она будет ограниченной и в силу этого не подрывающей стратегическую стабильность.

Здесь необходимо указать на следующее. *Во-первых*, даже если исходить из того, что на каком-то этапе своего развития эта система ПРО будет способна перехватывать несколько десятков боеголовок МБР, то и в таком случае

она будет оказывать свое деструктивное воздействие на стратегическую ситуацию в мире в силу целого *букета* негативных последствий ее развертывания, о чем речь будет идти ниже. А, *во-вторых*, планируемая к развертыванию в США ПРО территории страны и по своей объективной технической природе (создание и функциональное сопряжение широкоразветвленной инфраструктуры с элементами космического базирования и создание системы боевого управления – ключевой этап в развертывании ПРО территории страны, наращивание же количества противоракет – вопрос лишь принятия соответствующего решения), и потому, что в нее изначально закладывается поэтапное наращивание ее потенциала, и с учетом ее реальной ориентации она не может быть и не будет ограниченной. Рассуждения об *ограниченном* характере национальной ПРО США призваны лишь завуалировать ее существо.

Обращает на себя внимание и то, что в статье содержатся утверждения, прямо искажающие официальную позицию России, отчетливо просматривается стремление очернить ее и напротив – всячески оправдать действия Соединенных Штатов, направленные на развертывание национальной ПРО. Статья изобилует многочисленными неточностями, которые, как хотелось бы думать, связаны лишь с недостаточным пониманием того, о чем пишет автор. Так, Анатолий Шевцов обвиняет российскую сторону, вопреки реальному положению дел, в отходе от положений Совместного заявления президентов России и США, принятого в Кельне в июне 1999 года.

Фактически поддерживая американскую сторону в вопросе об *адаптации* договора по ПРО, допускающей развертывание в США национальной ПРО, автор статьи пытается подкрепить это тем, что «уточнение содержания статьи III договора уже имело место в 1974 году», напирая при этом на то, что договор по ПРО, мол, «не священное писание». Однако все это выглядит как в известной народной поговорке: «В огороде бузина, а в Киеве – дядька». В 1974 году стороны договорились по существу о повышении эффективности действия договора по ПРО: вместо двух разрешенных районов размещения системы ПРО, предназначенной для защиты отдельного района, иметь по одному такому району.

То, к чему сейчас ведут дела США, *полностью обесценивает* договор по ПРО: вместо запрета развертывания ПРО территории страны и запрета создания основы такой обороны (причем, что важно – независимо от масштабов развертывания такой системы, от ее способности обеспечивать перехват того или иного количества боеголовок стратегических баллистических ракет) предлагается дать возможность развертывания ПРО территории страны. Иными словами, предлагается превратить договор по ПРО в свою противоположность.

Стремясь оправдать действия США, Анатолий Шевцов пытается ввести в заблуждение читателя, прибегая к параллелям между испытаниями, проводимыми Соединенными Штатами по программе запрещенной ПРО территории страны и испытаниями, осуществляемыми Россией в рамках разрешенной ПРО отдельного района. Такая же цель видна и в его стремлении поставить знак равенства между национальной ПРО США, «удовлетворяющей допустимым исключениям» (!), и российской ПРО, развернутой вокруг Москвы в полном соответствии с договором по ПРО.

И *открытия* подобного рода в рассматриваемой статье этим не исчерпываются, но вряд ли стоит все их анализировать. Остановимся лишь на одном из них. Для этого процитируем автора: «Примером предвзятого отношения к планам США является принятая по предложению России резолюция Генеральной Ассамблеи ООН (А/54/563), пункт 3 которой «призывает участников Договора об ограничении систем противоракетной обороны, в соответствии с их обязательствами по Договору, ограничить развертывание систем противоракетной обороны и воздерживаться от противоракетной обороны территории своей страны и не создавать основу для такой обороны и не передавать другим государствам и не размещать вне своей национальной территории системы противоракетной обороны или компоненты, ограниченные Договором».

Стремясь к *объективному анализу*, автор увидел в упомянутой резолюции прямо-таки вопиющее юридическое противоречие! «Нельзя, – пишет он, – *ограничивать развертывание* и одновременно *воздерживаться от развертывания* систем ПРО». И далее: «Следовательно, принятая резолюция – пример плохой работы юристов

ООН, что не делает чести этой организации, как и всем проголосовавшим за принятие резолюции в рассматриваемой редакции. Предложенная редакция явилась прежде всего следствием принятого ее авторами политического курса на противодействие планам США».

Однако, прежде чем выступать в роли судьи ООН, необходимо было бы, как минимум, вникнуть в то, что записано в резолюции, кстати, предложенной не одним, а тремя государствами – Россией, Белоруссией и Китаем, и над ней работали не только юристы ООН. Между тем в резолюции никакого юридического противоречия нет: «ограничения развертывания систем противоракетной обороны» относятся к системам ПРО отдельного района, характер и объем этих ограничений определяется договором по ПРО. Что же касается ПРО территории страны, то резолюция призывает не развертывать их, как того и требует договор по ПРО.

Единственно, в чем Анатолий Шевцов прав, так это в том, что Россия последовательно выступает против курса США на развертывание ПРО территории страны, чреватого возвратом к временам периода *холодной войны*. Эта позиция России продиктована высшими интересами поддержания стратегической стабильности и международной безопасности. Может быть, такая позиция кому-то не нравится, может быть на Украине, воздержавшейся при голосовании по вышеупомянутой резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, прислушиваются к мнению Анатолия Шевцова. Но это уже не является темой нашего письма.

Не меняет впечатления от содержания статьи Анатолия Шевцова и его попытка представить свой *объективный* анализ, прибегая к использованию аналитических зависимостей из теории боевой эффективности вооружений. Не станем останавливаться на корректности использования этих зависимостей, это предмет отдельного разговора. Но что обращает на себя внимание, так это то, что в этом *анализе* не учитывается целый ряд весьма важных факторов. И тем не менее автором делается вывод: вряд ли следует говорить о влиянии развертывания национальной ПРО на стратегическую стабильность и как бы мимоходом отмечается: «Заданные министерством обороны США требования о необходимости гарантированного перехвата

200 боеголовок приводят к необходимости развертывания 1000 противоракет, что существенно сдвигает область стратегической стабильности в область с общим количеством с 1000 до 3000 единиц с каждой стороны. Такое влияние бесспорно существует и не может игнорироваться». Но в дальнейших не очень убедительных рассуждениях это обстоятельство автором статьи фактически и игнорируется.

Те, кто непредвзято относится к анализу последствий развертывания в США ПРО территории страны, отдают себе отчет в том, что развертывание в Соединенных Штатах национальной ПРО означает открытие *ящика Пандоры*. Оно станет препятствием на пути дальнейших сокращений стратегических наступательных вооружений, окажет разрушающее воздействие на механизм контроля над вооружениями и на режимы нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, приведет к обесцениванию ядерных потенциалов сдерживания ряда ядерных государств и к раскручиванию национальных ракетных программ в странах *третьего мира*, предопределив выход оружия в космос, а в итоге – все это будет означать не что иное, как начало нового витка гонки вооружений с распространением ее на новые сферы. Гонка же вооружений, как свидетельствует история, не может не вести к подрыву стратегической стабильности.

И в заключение. Договор по ПРО выдержал испытание временем. Он получил всеобщее признание в качестве краеугольного камня стратегической стабильности. Внесение в договор поправок, допускающих возможность развертывания ПРО территории страны, обесценит этот важнейший международный документ. Хотелось бы надеяться, что разрушение договора по ПРО не будет допущено. У международного сообщества есть широкое поле сотрудничества для подлинного укрепления стратегической стабильности и международной безопасности.

Виктор Колтунов
Геннадий Хромов

Авторы письма – Виктор Колтунов, профессор Академии военных наук и Геннадий Хромов, эксперт по проблемам контроля над вооружениями

Редакция с благодарностью принимает письма, но оставляет за собой право отказать в их публикации или опубликовать с сокращениями, не искажающими смысла. В переписку редакция не вступает. ПИР-Центр приветствует направление рукописей. Пожалуйста, предварительно запрашивайте описание требований, предъявляемых нами к рукописям (высылается по почте, электронной почте или факсу). Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Библиотека**ИНДИЙСКАЯ ЯДЕРНАЯ БОМБА. Влияние на глобальное распространение.**

Джордж Перкович. Беркли, Лос-Анджелес, Лондон. Издательство Калифорнийского университета, 1999, 597 с.

INDIA'S NUCLEAR BOMB. The Impact on Global Proliferation. George Perkovich. Berkeley, Los Angeles, London. University of California Press, 1999, 597 pp.

Джордж Перкович – известный американский специалист по проблемам ядерного нераспространения, директор программы Безопасный мир фонда У. Олтона Джоунса.

Джордж Перкович создал, пожалуй, самый обстоятельный труд по истории индийской атомной программы. Главное в нем – это попытка разобраться в причинах и побудительных мотивах движения Индии к ядерному статусу, которое заняло около полувека и еще полностью не завершилось. Если взять какое-либо другое ядерное государство, неважно какое – официально признанное или нет – США, СССР или, скажем, Израиль, то тут мы имеем дело с гораздо более коротким сроком овладения ядерным оружием, исчисляемым несколькими годами. А у Индии создание и испытание первого ядерного взрывного устройства заняло почти три десятилетия, а перерыв между первым и вторым ядерным испытанием составил 24 (!) года. Не правда ли факты удивительные и для людей непосвященных и незнакомых с индийской историей, философией, с менталитетом индийского народа, совершенно непонятные.

И в том, что касается фактологической стороны дела, книга Джорджа Перковича выгодно отличается от других публикаций богатством и тщательностью приводимых в ней данных. Он использовал колоссальный объем литературы, проинтервьюировал огромное число специалистов, знакомых с индийским атомным проектом, и широко использовал беседы с ними в своей монографии. (Впрочем, один из них жаловался мне на неточности при цитировании его.)

История индийской атомной программы не похожа ни на одну другую, она прошла через столько зигзагообразных перипетий, что детальное знакомство с ней напоминает увлекательный роман. Все началось еще в 1946 году, когда был создан Комитет по исследованию атомной энергии (*Atomic Energy Research Committee*) под председательством

знаменитого физика, выпускника Кембриджского университета Хоми Баба (Homi Bhaba). Бытует мнение, что первый премьер-министр Индии Джавахарлал Неру (Jawaharlal Nerhu) был сторонником исключительно мирного использования атомной энергии (между прочим, широко известно, что он первым выступил в апреле 1954 года за прекращение ядерных испытаний). Однако это не совсем так, и г-н Перкович доказательно утверждает на основании многих заявлений и высказываний Джавахарлала Неру, что он поддерживал усилия Хоми Бабы в направлении развития независимой атомной программы, которая – при необходимости – была бы способна произвести и ядерное оружие.

Полномочная Комиссия по атомной энергии Индии была образована в 1948 году, в соответствии с принятым парламентом законом, то есть еще до создания КНР и задолго до того, как Мао Цзедун заинтересовался атомной бомбой (напомним читателю, что это произошло после Тоцкого боевого учения в Оренбургской области в 1954 году с использованием атомного взрыва, на котором присутствовали китайские военачальники). Поэтому традиционное мнение, что Индия приступила к военному атомному проекту только после первого китайского ядерного взрыва в 1964 году, расходится с исторической правдой. Точка зрения многих аналитиков, что именно китайская угроза вынудила Индию создать ядерный противовес для обеспечения своей безопасности, не вполне соответствует действительности, как это убедительно показывает Джордж Перкович, хотя она и сыграла определенную, но, по всей видимости, не решающую роль в ядерном выборе Индии.

Дальнейшее развитие индийского атомного проекта достаточно хорошо известно. Канада поставила Индии во второй половине пятидесятых годов тяжеловодный реактор CIRUS без гарантий, только под честное слово, что он будет использоваться исключительно в мирных целях, и уже в 1964 году был получен оружейный плутоний. А в ноябре того же года после китайского взрыва премьер-министр Лал Бахадур Шастри (Lal Bahadur Shastri) объявил, что будет исподволь

вестись подготовка к созданию мирных ядерных взрывных устройств для таких гражданских целей, как, например, прорытие тоннелей в горах. Джордж Перкович, анализируя внутреннюю обстановку в стране, считает, что это было единственно правильным решением, учитывая широко распространенные в стране антиядерные настроения и в то же время необходимость достойно реагировать на китайское испытание.

Автор рассказывает о доселе не известном факте, что в госдепартаменте США по инициативе Дина Раска (Dean Rusk) были подготовлены предложения о возможности предоставления ядерного оружия под контролем США дружественным азиатским государствам, включая Индию, в качестве геополитического противовеса Китаю, однако они были отвергнуты министром обороны Робертом Макнамарой (Robert McNamara).

Последующее движение Индии к ядерному статусу также отличалось непоследовательностью. После смерти Лал Бахадур Шастри и гибели Хоми Бабы в авиакатастрофе в 1966 году новый руководитель программы Викрам Сарабхай (Vikram Sarabhai) был убежденным противником атомного вооружения Индии по моральным мотивам. Именно при нем Индия согласилась на применение гарантий МАГАТЭ к строящейся при содействии Канады Раджастанской АЭС. Но в то же время в октябре 1967 года министр обороны Сваран Сингх (Swaran Singh) объявил в ООН, что Индия не присоединится к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) как к дискриминационному договору.

Лишь в 1968 году, то есть через четыре года после китайского взрыва, под руководством нынешнего руководителя индийской атомной комиссии Раджагопалана Чидамбарам (Rajagopalan Chidambaram) были начаты работы по конструированию ядерного устройства. Но в индийском парламенте продолжались острые дебаты между сторонниками и противниками ядерного оружия. И окончательное *компромиссное* решение приступить к сборке первого *мирного* ядерного устройства было принято премьер-министром Индирой Ганди (Indira Gandhi) только в сентябре 1972 года. По мнению г-на Перковича, главнейшими факторами, которые привели к взрыву устройства в 1974 году, были «решимость Комиссии по атомной энергии проявить свой характер и осознание

Индирой Ганди того факта, что Индия тем самым приобретет уверенность в себе как нация, а она сама – в качестве лидера нации» (с.161). Ни внешнеполитические соображения и ни соображения безопасности сыграли основную роль в решении Индиры Ганди произвести взрыв и в выборе момента (с.177). Автор также не считает, что война с Пакистаном 1971 года и ввод в Бенгальский залив американского авианосца *Enterprise* сделали императивным создание ядерного оружия с точки зрения обеспечения безопасности страны. Взрыв на полигоне Похран, полагает Джордж Перкович (и, на мой взгляд, правильно), проистекал из соображений внутреннего порядка и его последствия тоже были в основном внутренними (с.187).

Так почему же между первым ядерным взрывом в 1974 году и серией испытаний в мае 1998 года прошло без малого четверть века? Как считает автор, причиной были конфликтующие интересы различных фракций индийской политической элиты, руководствовавшихся преимущественно внутренними мотивами. Сменявшие друг друга премьер-министры «жали на тормоза», пишет он, а «стратегический анклав», со своей стороны, «давил на акселератор» (с.190). В марте 1977 года в результате парламентских выборов к власти пришел новый премьер-министр Морарджи Десаи (Morarji Desai), который был убежденным противником создания ядерного оружия и проведения нового взрыва. Определенную роль играл и тот фактор, что в середине семидесятых годов ядерные поставщики ужесточили правила ядерного экспорта через Комитет Цангера и *Лондонский клуб*, а конгресс США при Джимми Картере принял в 1978 году закон о ядерном нераспространении, который требовал установления полноохватных гарантий в качестве условия ядерных поставок. В результате США должны были прекратить поставки топлива для реактора в Тарапуре (Tarapur), находившегося под гарантиями Агентства. (Франция взяла на себя роль заместителя, а когда сама Франция приняла принцип полноохватных гарантий, то с 1995 года топливо стал поставлять Китай, который не признает этот принцип и сейчас.)

После прекращения канадской помощи, Индия в течение ряда лет испытывала нехватку тяжелой воды для реакторов канадской конструкции – как промышленных, так и гражданских. Автор допускает неточности при описании советско-индийского

сотрудничества в этой области, которые могут создать у читателя впечатление о несоблюдении Советским Союзом своих международных обязательств (с.201). В действительности, как свидетельствуют материалы Архива внешней политики РФ, Советский Союз действовал в полном соответствии с ними.

По решению советского правительства от 29 февраля 1976 года, Москва согласилась поставить 200 т тяжелой воды, но, разумеется, с учетом своих международных обязательств, то есть на условиях ДНЯО и первоначальных Руководящих принципов для ядерного экспорта, принятых *Лондонским клубом* в конце января этого года. Последовали длительные переговоры, продолжавшиеся несколько месяцев.

В июне 1976 года министерством внешней торговли (В/О *Техснабэкспорт*) был подписан контракт с индийской стороной, который полностью соответствовал международным обязательствам СССР. Однако правительство Индии не утвердило его, поскольку в нем содержалось обязательство о предоставлении гарантий неиспользования тяжелой воды для создания *мирных* ядерных взрывных устройств.

Переговоры были продолжены, и в конце концов индийское правительство, остро нуждавшееся в поставках тяжелой воды, согласилось с условиями, выдвинутыми советской стороной. В сентябре в Дели был подписан контракт, в котором предусматривалось, что получатель представит продавцу в течение шестидесяти дней официальное заявление правительства Индии о том, что «покупатель не будет использовать расщепляющийся ядерный материал, полученный или используемый в атомных электростанциях, для которых поставляется тяжелая вода, для производства ядерного оружия, и будет использовать такой материал для производства электроэнергии на атомных реакторах и радиоизотопов для сельскохозяйственных, промышленных или медицинских целей. Полученный расщепляющийся ядерный материал не будет также использоваться для производства какого-либо ядерного взрывного устройства». Но и после окончательного заключения контракта правительство Индии тянуло с заключением соглашения о гарантиях с МАГАТЭ. Первая партия тяжелой воды была отправлена в Индию после заключения контрольного соглашения – в октябре–ноябре

1976 года, о чем МАГАТЭ было информировано.

В конце 1982 или в начале 1983 года индийские специалисты убедили Индиру Ганди, вновь пришедшую к власти, дать согласие на проведение испытания ядерного устройства новой конструкции, однако уже на следующий день она отменила свое решение. Причины отмены Джорджу Перковичу установить не удалось (с.243, 244). Зато в 1983 году Индира Ганди приняла решение приступить к программе создания баллистических ракет. В конце 1984 – начале 1985 года, по данным американской и западногерманской разведки, в Индии приступили к работам над водородным оружием (с.271).

После убийства Индиры Ганди ставший премьер-министром ее сын Раджив (Rajiv) также скептически относился к ускорению развертывания атомной программы, несмотря даже на тот факт, что соседний Пакистан всерьез и интенсивно создавал ядерный потенциал. Находясь с визитом в США, он заявил в интервью на телевидении 4 июня 1985 года: «Мы не имеем ядерного оружия. Мы взорвали экспериментальное устройство в 1974 году, но больше не вели никаких работ в этой области. Мы больше не взрывали устройства. У нас нет запасов. Мы не имеем ядерного оружия» (с.267).

Однако на практике именно в конце восьмидесятых годов и в Индии, и в Пакистане начались активные приготовления к созданию минимального ядерного сдерживающего средства. В 1988 и 1989 годах прошли первые испытания баллистических ракет *Притхви* и *Агни*. К 1990 году Индия обладала по меньшей мере двумя десятками ядерных устройств, приготовленных к быстрой сборке и доставке на базы ВВС (с.293). Пакистан тоже овладел способностью быстро собрать ядерное оружие. Каждая из сторон в этих условиях стала исходить из того, что противоположная сторона располагает сдерживающим средством. Тем не менее обе страны пока воздерживались от открытого развертывания ядерного оружия. В мае 1990 года США получили информацию, что имеется опасность ядерного обмена между Индией и Пакистаном, и направили в Дели и Исламабад специальных эмиссаров, но тревога оказалась ложной.

Тем временем индийское общественное мнение постепенно склонялось к

необходимости ядерного выбора. Проведенный осенью 1994 года опрос среди образованной элиты показал, что 57% опрошенных высказались за «свободу ядерного выбора», 33% за овладение ядерным оружием и только 8% за отказ от этого оружия. Рубежным в приближении Индии к полному ядерному статусу стало, по мнению автора, решение конференции участников ДНЯО о бессрочном продлении договора, которое было расценено в Индии как увековечение системы *ядерного апартеида*. Премьер-министр Нарасимха Рао (Narasimha Rao) распорядился провести ядерные испытания, но американская разведка обнаружила подготовительные работы, в декабре 1995 года в прессу была сделана утечка информации об этом, и Нарасимха Рао не решился проводить испытания.

Но в мае 1996 года в стране прошли новые парламентские выборы, в результате которых к власти пришло правительство Бхаратия Джаната Парти (*Bharatiya Janata Party – BJP*) и премьер-министром стал ее руководитель Атал Бихари Ваджпай (*Atal Bihari Vajpayee*). Это было первое в истории Индии правительство, считает автор, которое не было принципиальным противником ядерного оружия. И одним из первых решений Атал Бихари Ваджпай было указание руководителям индийского атомного проекта А.П.Дж. Абдулу Каламу (*A.P.J. Abdul Kalam*) и Раджагопалану Чидамбараму приступить к ядерным испытаниям.

Очередной вехой в движении Индии к ядерному оружию явился отказ от поддержки проекта Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), подготовленного на Женевской Конференции по разоружению (КР) в 1996 году. При этом индийским представителем на конференции в качестве «ключевого фактора при принятии нашего решения» впервые были названы «соображения нашей национальной безопасности». Индия заблокировала принятие консенсуса в КР, и сторонникам договора пришлось впервые в практике КР внести проект соглашения непосредственно на одобрение Генеральной Ассамблеи ООН. Решение индийского правительства было с большим подъемом воспринято внутри страны.

Джордж Перкович подробно описывает подготовку и проведение ядерных испытаний в мае 1998 года, впрочем об этом было написано достаточно много в российской и

мировой прессе, и мы воздержимся от повторения. Может быть, только затронем вопрос о термоядерном взрыве, поскольку в прессе было много спекуляций относительно этого испытания. Утверждалось, что этот взрыв мощностью 43 кт (цифра была названа руководителем индийской атомной комиссии Раджагопаланом Чидамбарамом на пресс-конференции 17 мая) был не двухступенчатым (деление + синтез), а лишь одноступенчатым, но с тритиевым усилением (*boosted-fission*). Автор приводит различные мнения специалистов на этот счет, и, как представляется, склоняется к тому, что это все же был взрыв водородного устройства. Мои беседы с некоторыми индийскими экспертами также подтверждают такой вывод.

Автор делает вывод – и, на мой взгляд, правильный, – что проведенные испытания были «смелым сигналом и заявкой на утверждение Индии в качестве мощной силы в международной системе» (с.438) и что «стремление к международному статусу и автономии объясняют испытания лучше, чем конкретные соображения безопасности» (с.441).

В заключение он высказывает заслуживающее внимание суждение, что Индия находится в благоприятных условиях, чтобы играть влиятельную роль в XXI веке. Это будет мир, в котором экономические возможности станут определяющим источником силы, а реальная ценность ядерного оружия будет и дальше снижаться. Однако, чтобы реализовать свой потенциал, Индии следует, считает он, отойти от того, что на протяжении десятилетий сдерживало ее переход к ядерной дипломатии прагматического толка, – от рассмотрения ядерного фактора с позиции страны с колониальным прошлым. Он призывает Индию отказаться от идеалистических постулатов и перейти к прагматизму в своей внешней политике. Но это требует проявления государственной мудрости и повышения уровня образованности населения. При более прагматичном подходе Индия могла повести за собой международное сообщество к уменьшению угроз, которые исходят от развернутого ядерного оружия. Не став еще в полной мере державой, обладающей ядерным оружием, Индия способна сейчас больше, чем когда-либо, быть силой, влияющей на перемены в международной системе. «И это могло бы стать конечным наследием удивительной пятидесятилетней истории ядерной политики Индии».

Роланд Тимербаев

Новости ПИР-Центра

19 апреля в Национальном институте прессы ПИР-Центр провел пресс-конференцию на тему «**Россия при Путине: новая повестка дня по контролю над вооружениями**».

В пресс-конференции приняли участие: директор ПИР-Центра Владимир **Орлов**, старший советник ПИР-Центра Роланд **Тимербаев**, научный сотрудник ПИР-Центра Иван **Сафранчук**.

На пресс-конференции присутствовали журналисты агентства *Интерфакс*, информационного агентства *Киодо Цусин*, Московской немецкой газеты, Федерального агентства новостей, агентства *АиФ-Новости*, *Русского журнала*, информационного сервера *Гарант-Парк*, представители пресс-службы министерства обороны РФ и другие.

Директор ПИР-Центра Владимир **Орлов** и старший советник Чрезвычайный и Полномочный посол (в отставке) Роланд **Тимербаев** находились в Нью-Йорке на шестой **Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия** (КР ДНЯО), проходившей в штаб-квартире ООН с **24 апреля по 19 мая**. (О работе конференции см. их статью в этом номере в разделе Горячая тема.)

18 мая Владимир Орлов выступил на ежегодном заседании Комитета неправительственных организаций по разоружению, которое прошло в здании штаб-квартиры ООН и было приурочено к КР ДНЯО. Директор ПИР-Центра рассказал о том, как видится ситуация с процессом контроля над вооружениями из России, остановился на задачах, которые стоят перед российскими неправительственными организациями, занимающимися вопросами контроля над вооружениями и нераспространения. На заседании выступили также: директор Института Акроним (Лондон, Великобритания) Ребекка **Джонсон** (Rebecca Johnson), директор Центра по изучению проблем нераспространения (Монтерей, США) Уильям **Поттер** (William Potter), директор программы по нераспространению Института Карнеги за международный мир (Вашингтон, США) Джозеф **Сиринционе** (Joseph Cirincione), сенатор Дуглас **Рош** (Douglas Roche) (Оттава, Канада) и др.

24 мая в ПИР-Центре состоялась встреча с делегацией участников международного семинара «Изменение ядерной политики и военной доктрины: перспективы укрепления мер доверия и развития процесса разоружения», организованного Российским комитетом «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» (ВМПЯВ).

ПИР-Центр представляли директор Владимир **Орлов**, заместитель директора Дмитрий **Поликанов**, старший советник Роланд **Тимербаев**, советник Василий **Лата**, научный сотрудник Иван **Сафранчук**, младший научный сотрудник Дмитрий **Ковчегин**, стажер Дэниел **Самнер** (Daniel Sumner). В состав делегации ВМПЯВ вошли Франсис **Ли** (Francis Lee) (США), Джиллиан **Рив** (Gillian Reeve) (Великобритания), Ханс **Левандер** (Hans Levander) (Швеция), Клас **Лундиус** (Klas Lundius) (Швеция), Кристина Вигре **Лундиус** (Christina Vigre-Lundius) (Швеция), Хенрик **Лундиус** (Henrik Lundius) (Швеция), Аннели **Шмаух** (Anneli Schmauch) (Швеция), Леоноре **Вайд** (Leonore Wide) (Швеция), Ян **Правиц** (Jan Prawitz) (Швеция), Ларс **Полмаейр** (Lars Poulmeier) (ФРГ), Роман **Долгов** (Россия), Оксана **Хабиб** (Россия).

В ходе встречи состоялся обмен мнениями по вопросам СНВ-ПРО, будущего ядерного оружия, проблемам безопасности и надежности российского ядерного арсенала. Кроме того, стороны обсудили положения Военной доктрины России и Концепции национальной безопасности.

30 мая ПИР-Центр провел пресс-конференцию на тему «**Российско-американская встреча в верхах: перспективы диалога по ПРО-СНВ**» в Национальном институте прессы.

На пресс-конференции выступили директор ПИР-Центра Владимир **Орлов**, советник ПИР-Центра Василий **Лата** и научный сотрудник ПИР-Центра Иван **Сафранчук**.

На конференции присутствовали представители различных российских и зарубежных СМИ, включая *Голос России*, *РИА-Новости*, Федеральная Служба Новостей, *ТВ-Центр*, *Интерфакс*, *Московский Комсомолец*, *Голос Америки*, *Либерасьон*,

Киодо Цусин, Токио Симбун, Бейцзинжисбао, Китайская Молодежь, Майнити, канадской телекомпании Си-Би-Си.

2 июня ПИР-Центр провел очередное заседание Экспертно-консультативного совета Центра на тему: **«Итоги Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия».**

С докладами выступили заместитель директора департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ Борис **Квок**, старший советник ПИР-Центра, Чрезвычайный и Полномочный посол (в отставке) Роланд **Тимербаев**, директор ПИР-Центра, к.п.н. Владимир **Орлов**.

В ходе встречи были обсуждены результаты конференции, проходившей в г. Нью-Йорке с 24 апреля по 19 мая 2000 года.

В дискуссии приняли участие Владимир **Белоусов** (Центр *Основа*), Марина **Беляева** (Минатом), Михаил **Виноградов** (Комитет ученых за глобальную безопасность), Юрий **Забалуев** (министерство обороны РФ), Наталия **Калинина** (аппарат правительства РФ), Александр **Калядин** (ИМЭМО), Элина **Кириченко** (ИМЭМО), Василий **Кривохижа** (РИСИ), Эдуард **Крючков** (МИФИ), Юрий **Мараховский** (СВР), Евгений **Маслин** (ПИР-Центр), Владимир **Новиков** (РИСИ), Павел **Подвиг** (Центр экологии, безопасности и разоружения при МФТИ), Геннадий **Хромов** (*Главкосмос*), Сюзен **Хайленд** (Susan Hyland) (посольство Великобритании), Арджун **Махиджани** (Arjun Makhijani) (США) и др.

12 июня министр обороны США Уильям **Коэн** провел в Москве рабочий обед с российскими экспертами по вопросам безопасности. На встрече обсуждались проблемы российско-американских отношений, итоги московского саммита на высшем уровне, а также перспективы переговоров по модификации договора по ПРО и заключения договора СНВ-3. ПИР-Центр на встрече представлял директор проекта и научный сотрудник Иван **Сафранчук**.

14 июня ПИР-Центр провел очередное заседание Экспертно-консультативного совета на тему **«Проблемы договора по ПРО на современном этапе»** в офисе Фонда Макартуров.

С докладом выступил научный сотрудник ПИР-Центра, директор проекта «Будущее ядерного оружия» Иван **Сафранчук**.

В ходе встречи были обсуждены итоги российско-американского саммита, проходившего в Москве со 2 по 5 июня, широкий круг вопросов, касающихся договоров ПРО и СНВ, а также проблемы развертывания системы ПРО США и возможных ответных действий России.

В дискуссии приняли участие сотрудники 27 ЦНИИ министерства обороны РФ, Российской академии космонавтики им. К.Э. Циолковского, представители министерства обороны РФ, аппарата правительства РФ, Росавиакосмоса, Госатомнадзора, исследователи из РИСИ, ИМЭМО, Центра экологии, безопасности и разоружения при МФТИ и других научных центров, занимающихся данной проблематикой.

5 июля 2000 года ПИР-Центр провел очередное заседание Экспертно-консультативного совета Центра на тему: **«Экспортный контроль в меняющейся системе международных отношений. Экономический аспект».**

С докладом выступил старший научный сотрудник ПИР-Центра к.п.н. Дмитрий **Евстафьев**. Кроме того, с сообщениями выступили заведующая Центром Североамериканских исследований ИМЭМО РАН к.и.н. Элина **Кириченко**, директор Центра экспортного контроля Анатолий **Булочников** и корреспондент журнала *Эксперт* Павел **Быков**.

В ходе встречи были обсуждены различные аспекты проблемы контроля над чувствительным экспортом, трансформация глобальной системы экспортного контроля, а также особенности российской практики лицензирования и принятия решений в области регулирования экспорта двойных технологий.

В дискуссии приняли участия представители МИД РФ, министерства обороны РФ, ФАПРИД, Минатома, *Главкосмоса*, Российского союза промышленников и предпринимателей, ИМЭМО, РИСИ, ВНИИЭФ, Центра исследований проблем нераспространения (Киев), Центра экологии, безопасности и разоружения при МФТИ, Курчатовского института, Фонда Ярошинской и др.

6 июля ПИР-Центр провел пресс-конференцию на тему «**Экспортный контроль: законы есть, что делать дальше?**» в Национальном институте прессы.

Перед журналистами выступили директор ПИР-Центра и руководитель программы «Нераспространение и Россия», к.п.н. Владимир **Орлов** и старший научный сотрудник ПИР-Центра, руководитель программы «Внутренняя политика и безопасность» к.п.н. Дмитрий **Евстафьев**.

На пресс-конференции состоялась презентация сборника статей ПИР-Центра «Экспортный контроль в России: политика и практика», вышедшего в свет в апреле 2000 года.

В пресс-конференции приняли участие журналисты *Красной Звезды*, *Независимой Газеты*, журнала *Иностранец*, агентств *РИА-Новости* и *Мир Новостей*, представители ФАПСИ и посольства США.

С июня 2000 года ПИР-Центр проводит *Научные среды*, на которых научные сотрудники ПИР-Центра, советники ПИР-Центра и члены Экспертно-консультативного совета обсуждают текущие проблемы, затрагиваемые в исследованиях ПИР-Центра. Информацию об этих мероприятиях, планах их проведения и круге обсуждаемых вопросов можно получить у помощника директора Марии Верниковой по тел. 335–1955; факсу 234–9558; e-mail: info@pircenter.org

В ПИР-ЦЕНТРЕ ОТКРЫЛИСЬ СЛЕДУЮЩИЕ ВАКАНСИИ:

Библиотекарь

Требования к кандидатам: наличие специального образования, знание компьютера, английский язык (базовый), дисциплинированность, умение работать в коллективе.

Обязанности: поддержание библиотеки ПИР-Центра, ведение каталога, закупка новых изданий, оформление подписок на периодические издания, работа с посетителями.

Работа по совместительству на полставки.

Оператор базы данных

Требования к кандидатам: знание компьютера (MsWord), сканера (FineReader), дисциплинированность, умение работать в коллективе.

Обязанности: подготовка материалов для базы данных согласно установленного формата, сканирование материалов из периодических изданий.

Работа по совместительству на полставки.

Секретарь

Требования к кандидатам: опыт работы, знание компьютера (основные пользовательские программы), свободное владение английским языком, навыки машинописи и делопроизводства, дисциплинированность, умение работать в коллективе.

Работа на полный рабочий день.

По всем вопросам обращаться к заместителю директора ПИР-Центра Дмитрию **Поликанову** по тел. 335–1955; факсу 234–9558; e-mail: polikanov@pircenter.org

Yaderny Kontrol (Nuclear Control)
International Security. Arms Control. Nonproliferation
Journal of the PIR Center for Policy Studies
Volume 6
Number 4, July – August, 2000

The **Editorial**, entitled «**Russian Missile Defense Initiative: Well-Thought Solution or Another Diplomatic Move?**», states that «July 2000 was a busy month for the US-Russian dialogue on nuclear disarmament. The parties held the summit in Moscow, on the eve of which Vladimir Putin had put forward the initiative on joint US-Russian missile defense system. Soon after the negotiations with Bill Clinton, i.e. during Putin's visit to Italy, the Russian president proposed European nations (NATO) to develop a joint missile defense system. This latest Russian initiative was the most remarkable event in the recent years of ABM-START talks.

«The background for Putin's sensational statement in Italy were unproductive summit in Moscow and the US refusal to consider the possibility of deploying joint US-Russian missile defense.

«In Europe, the opinions divided. The majority of states (especially after their consultations with US Defense Secretary William Cohen in mid-July in Brussels) made some cautious statements about Russian initiative. Meanwhile, the response of Greece was quite positive (Greece, however, has its own reasons for that).

«Nonetheless, none of the European leaders dared to ignore or reject at once the Russian initiative, since they didn't want to spoil the relations with the new Russian president (with whom they will have to coexist for several years). However, one can't rule out that this was one of the objectives of their intense consultations with William Cohen.

«So, what was the Russian proposal? According to Foreign Minister Igor Ivanov and Defense Minister Igor Sergeyev, Russia was speaking about joint non-strategic missile defense. However, the technicalities of the initiative are still vague. Some experts believe that it's the matter of boost phase interception, others argue that now and in the foreseeable future it will be impossible to intercept a missile during three-five minutes of the boost phase, due to technological difficulties. Russian military and diplomats continue to keep in secret the details of the Russian initiative, what gives birth to various interpretations and gossip. After meeting his counter-part in Brussels, the US Defense Secretary said that the Russian proposal was not

clear to him. Even those who have to explain it to public in Russia call it into question, too.

«It is difficult to say who generated this initiative, what agencies approved and prepared it. One can only guess what the presidential and MFA's idea was. One can only assess the results of the statement, i.e. Russia has put forward an ambiguous initiative, which none dares to reject. Hence, the initiative should be explained. The USA had to discuss the issues, which it was not ready and didn't want to discuss. Washington presumes that the ABM-NMD dialogue should be limited to modifications of the 1972 ABM Treaty. At the same time, the United States has to negotiate with Russian the plans of European non-strategic missile defense system. This topic has now been fixed in the agenda of the NATO-Russian Permanent Council. Thus, Russia has managed to change (or to substitute) the agenda for the US-Russian missile defense dialogue. Hence, Russia has an opportunity to win some time, while there is a rising criticism of Clinton's NMD plans in the USA. At the same time, Russia has involved in the NMD dialogue the US allies in Europe, who were against the US plans (France, Canada, Great Britain) but were *hiding* behind Russia, arguing that the ABM Treaty was bilateral and its fate could be solved by Moscow and Washington only.»

The Editorial concludes, «The Russian initiative was a successful diplomatic move. But the USA has already recovered after the first *shock* and has maintained that the Russian initiative can be discussed but not alternatively to the US limited missile defense plans. This means that the USA tries to separate two issues and confine bilateral dialogue to the ABM Treaty modifications again. Russia can only respond with announcing specific technical details of its European initiative».

Vladimir Orlov and Roland Timerbaev in «**The 2000 NPT Review Conference: Implementation Check – OK, What's Next?**» maintain, «An important positive contribution to the work of the conference was made by the agreed statement by the delegations of the N-5 (France, China, Russia, UK and US) presented to the conference on May 1. The statement, *inter alia*, welcomed the ratification of the CTBT by the Russian Federation; declared that 'none of our nuclear weapons are targeted at any state'; said that

'ratification of START II by the Russian Federation is an important step in the efforts to reduce strategic offensive weapons and is welcome. Completion of ratification of START II by the United States remains a priority. We look forward to the conclusion of START III as soon as possible while preserving and strengthening the Anti-Ballistic Missile Treaty as a cornerstone of strategic stability and as a basis for further reductions of strategic offensive weapons, in accordance with its provisions.'

«The combination of words (*preserving and strengthening*) reflected the true sense of the debate: the USA recognized the need to preserve the ABM Treaty, whereas China and Russia approved its strengthening – a vague term, which might mean modification, as well as slight changes, and which was suitable to postpone the discussion until after the conference».

William Potter and **Nikolai Sokov** in «**Tactical Nuclear Weapons: The Nature of the Problem**» argue that «Tactical nuclear weapons (TNW) are the category of US and Russian nuclear arsenals which is the least regulated by arms control agreements. Though the 1991-1992 unilateral initiatives resulted in significant tactical nuclear arms reduction, the fate of the regime is doubtful. This lack of attention to TNW is dangerous given their large number, the risks of early and/or unauthorized use, and their vulnerability to theft. The regime itself is increasingly precarious since it is not legally binding, does not provide for data exchanges, and lacks a verification mechanism. As such, it is poorly equipped to withstand increasing challenges. The situation is difficult and requires prompt concerted efforts. Given the renewed interest in TNW in Russia, and to a lesser extent in the United States, other states will have to take an active role in devising and promoting TNW arms control and disarmament. To do so will require considerable political courage, creativity, and perseverance.»

Dmitry Polikanov in his review «**Illicit Arms Trafficking in Africa and the Mechanisms to Curb It**» states, «The problems of curbing illicit conventional arms trafficking have become increasingly topical in recent years. Conventional arms, mostly small arms, contribute to the escalation of armed conflicts, the spread of criminality and general instability in various regions of the world. One of the regions where the arms trade raises the largest concerns is Africa. According to a US Department of State report, Africa has since the end of the Cold War become a major destination for superfluous weapons from manufacturers in developed countries eager to empty warehouses and arsenals of those arms, which are no longer needed due to post-Cold War political and technological advancements. The UN Secretary-General, the UN Security Council, the Organization of African Unity (OAU) and many prominent African politicians urge for a mechanism to be established in order to control the trafficking of conventional arms, since they are the most frequently used types of weapons in the armed conflicts throughout the continent.»

Lt.-Gen. (ret.) **Vladimir Medvedev** in his analysis «**Ten Years of The INF Treaty**» points out that «The INF Treaty signed by the former Soviet Union and the USA is now observed by Russia and plays a leading part in the disarmament process on the whole. The contents of the treaty are simple and clear, quite rational and understandable to the public. Unlike prior agreements concerning nuclear weapons, the INF Treaty required tense organizational efforts and substantial costs from the parties, since it was necessary to eliminate a large share of their nuclear arsenals. The treaty established the structure of practical cooperation between the military experts of the two states and promoted confidence-building.

«In the late 1980s and early 1990s, the INF Treaty contributed to the successful elaboration of the further disarmament agreements – the CFE Treaty, START I, and others.»

Об авторах

Брезкун Сергей Тарасович родился в 1951 году в Днепропетровске. В 1976 году окончил Харьковский авиационный институт им. Н.Е. Жуковского. С 1978 года работает в Российском Федеральном ядерном центре – ВНИИ экспериментальной физики (г. Саров), в настоящее время – старший научный сотрудник. Сфера научных интересов – ядерная политология, военно-политический анализ, социальный анализ. Автор ряда публикаций в периодических изданиях и соавтор двух книг «СНВ-2 простым взглядом» и «XXI век: будет ли у России ядерный оружейный комплекс?».

Медведев Владимир Иванович – генерал-лейтенант в отставке, член-корреспондент Международной академии информатизации. Родился в 1937 году. В 1961 году окончил Военную академию имени Ф.Э. Дзержинского. В семидесятые-восемидесятые годы занимал ряд руководящих должностей в управлениях министерства обороны и генерального штаба, ответственных за переговорный процесс по ограничению вооружений. В 1988–1994 годах возглавлял Национальный центр по уменьшению ядерной опасности. В 1995–1998 годах – сотрудник аппарата Совета безопасности РФ. Участник переговоров по ограничению вооружений: совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (1973–1974 годы), переговоры по ограничению ядерных вооружений в Европе (1980–1983 годы), переговоры по ядерным и космическим вооружениям (1985–1987 годы), руководитель советской части Постоянной консультативной комиссии по рассмотрению договора по ПРО (1986–1987 годы). Один из ведущих сотрудников делегации по выработке договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (1987 год). Среди последних публикаций – «Некоторые аспекты обеспечения Россией ядерного сдерживания в предстоящем тысячелетии», *Ядерный Контроль*, №1, 1999.

Орлов Владимир Андреевич – кандидат политических наук. Родился в Москве в 1968 году. Директор ПИР-Центра, главный редактор журнала *Ядерный Контроль*. В 1990 году окончил МГИМО МИД СССР. В 1997 году защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата политических наук. Профессиональные интересы включают изучение перспектив международного режима нераспространения ядерного оружия; вопросы экспортного контроля; проблемы предотвращения несанкционированного доступа к ядерным материалам. Автор и соавтор ряда статей и докладов, опубликованных на русском и английском языках, среди которых: Нужна ли РФ особая позиция на конференции в Нью-Йорке? (с Роландом Тимербаевым), *Независимая Газета*, №7, 20 апреля 2000; Russia's Political Players (with Dmitry G. Evstafiev), *The Bulletin of the Atomic Scientists*, March/April 2000; Export Controls in Russia: Policies and Practices, *The Nonproliferation Review*, Vol.6, No.4, Fall 1999. Автор статей и один из редакторов сборника «Экспортный контроль в России: политика и практика». М., Библиотека ПИР-Центра, 2000.

Поликанов Дмитрий Валериевич – доктор политических наук. Родился в 1975 году. В 1998 году с отличием окончил МГИМО МИД РФ. С 1998 года по настоящее время научный сотрудник Института Африки РАН и редактор периодических изданий ПИР-Центра. С марта 2000 года – заместитель директора ПИР-Центра. Специалист по конфликтам и методам их урегулирования. Автор ряда научных трудов по политологии и лингвистике, опубликованных в России и за рубежом.

Поттер Уильям (William Potter) родился в 1947 в Нью-Брунсвике (Нью-Джерси, США). В 1969 году окончил Южно-Иллинойский университет. В 1970 году получил степень магистра и в 1976 году доктора философии в Мичиганском университете. Занимается вопросами нераспространения ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, а также средств их доставки. Является основателем (в 1989 году) и директором Центра по изучению проблем нераспространения при Монтерейском институте международных исследований. Автор многочисленных публикаций, в том числе: Nuclear Profiles of the Soviet Successor States (1993), Soviet Decisionmaking for Chernobyl: An Analysis of System Performance and Policy Change (1990); редактор книг Verification and SALT: The Challenge of Strategic Deception (1980), Verification and Arms Control (1985), and International Nuclear Trade and Nonproliferation (1990); соредактор Dangerous Weapons, Desperate States (1999), Dismantling the Cold War: U.S. and NIS Perspectives on the Nunn-Lugar Cooperative Threat Reduction Program (1997), Soviet Decisionmaking for National Security (1984), The Nuclear Suppliers and Nonproliferation (1985), Continuity and Change in Soviet-East European Relations (1989), and

International Missile Bazaar: The New Suppliers' Network (1994). Его статьи и главы опубликованы более чем в 70 журналах и коллективных трудах.

Соков Николай Николаевич родился в 1958 году в Москве. В 1981 году окончил исторический факультет МГУ. В 1986 году получил степень кандидата исторических наук (Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР) и в 1996 году степень доктора философии (Мичиганский университет). С 1987 по 1992 годы работал в МИД СССР/РФ. С 1996 года работает в Центре по изучению проблем нераспространения при Монтерейском институте международных исследований. В настоящее время – старший научный сотрудник. Автор многочисленных публикаций в российских и американских журналах. В 2000 году выпустил книгу *Russian Strategic Modernization: Past and Future*. Занимается вопросами ядерного разоружения и военных доктрин, а также изучением влияния национальной культуры на переговорный стиль.

Тимербаев Роланд Михайлович – Чрезвычайный и Полномочный посол (в отставке). В 1949 году окончил МГИМО. Доктор исторических наук (диссертация «Контроль за ограничением вооружений и разоружением», 1982). С 1949 по 1992 годы – в МИД СССР. Последняя должность в МИД: постоянный представитель СССР/России при международных организациях в Вене (1988–1992). Принимал участие в выработке Договора о нераспространении ядерного оружия, в переговорах по контролю над вооружениями. С 1992 по 1995 годы – приглашенный профессор Монтерейского института международных исследований. С 1994 по 1997 годы – президент ПИР-Центра. В настоящее время – старший советник ПИР-Центра. Автор многочисленных монографий и статей по вопросам ядерного нераспространения. В феврале 1999 года в издательстве *Наука* вышла его книга «Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968».